

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

KSF

458

1888/4

HD WIDENER

Hw RRMK G

KSF 438

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

~~CONFIDENTIAL~~
~~SECRET~~

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

Апрѣль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1888.

△
KSF 458 (God. P, April 1888)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
FEB 28 1971

KSF 458

ИЗДАНИЕ СО СЛОВОМ

ИСААКЪ ДЖЕМЪ.

БЫЛЬ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ, РАЗСКАЗАННАЯ КНИЖНЫМЪ
ЧЕРВЯКОМЪ *.

IV.

Исааку Джему представляется случай примѣнить на дѣлѣ
добытую истину.

Иннокентій VIII, лежа на своемъ золоченомъ ложѣ, пока-
зываетъ всѣ признаки страшнаго нетерпѣнія.

— Отчего такъ долго не возвращаются посланные въ гер-
т? Куда они пропали? Почему не идетъ ученый еврей?

Придворные толпились въ комнатѣ, перешептывались и
фетились. Доктора съ недовольнымъ и безпокойнымъ видомъ
сояли въ отдаленіи и о чемъ то спорили. Комната была за-
ята свѣтомъ, окна открыты, въ нихъ врывается съ улицы
духой, накаленный воздухъ. Вдали звенѣла чья то пѣсня; го-
рсь, полный жизни и силы, пѣлъ о любви, о наслажденіи, о
радостяхъ бытія.

И папа блѣдный, худой, неподвижный, слушалъ эту пѣсню.
Въ сосѣднихъ залахъ прекрасныя дамы толпились у оконъ,
желая взглянуть на пѣвца. Какъ онъ прекрасно поетъ! Сколь-
ко чувства въ этомъ голосѣ! Сколько выраженія! Одна бѣло-
курая красавица даже выразила желаніе идти на набережную
Тибра, и нѣсколько человекъ кавалеровъ тотчасъ же вызвались
ея провожать. Они говорили любезности, иные обѣщали устро-
ить особое празднество, гдѣ лучшіе пѣвцы Рима покажутъ свое

* См. «Восходъ», кн. III.

искусство, другіе утверждали, что никакое состязаніе пѣвцовъ не сравнится съ псовой охотой; для нея назначали даже день и часъ. Всѣ рѣчи были проникнуты изысканной вѣжливостью и остроуміемъ, манеры полны изящества. Во всѣхъ этихъ людяхъ была ключемъ жизнь—широкая, праздная, беззаботная, жизнь безъ труда, безъ знаній, безъ работы мысли, полная тщеславныхъ надеждъ и ненасытной гордости.

И вотъ, въ этой пестрой толпѣ, блестящей золотомъ, брилліантами, показался высокій человѣкъ въ черной простой одеждѣ. Сотни глазъ обратились на него. Его осматривали съ любопытствомъ, словно пришельца изъ какого-то другого, облаго мира, иные любезно раскланивались съ нимъ, видя въ немъ будущее вліятельное лицо при особѣ Иннокентія VIII. Немногіе, пользовавшіеся уже услугами этого человѣка, обращались къ нему съ незначущими словами, чтобы доказать свое знакомство съ нимъ.

— Докторъ пришелъ! Докторъ пришелъ! — гудѣло въ толпѣ. Предъ Исаакомъ Джемомъ отворились двери въ папскіе покои. Онъ вошелъ и поклонился. Въ этомъ поклонѣ не было ни малѣйшаго признака униженія, заискиванія или сомнѣнія. Всѣ присутствовавшіе смотрѣли на него недружелюбно. Лица нѣкоторыхъ кардиналовъ выражали презрѣніе. Нѣсколько докторовъ тотчасъ же подошли къ Исааку и начали рассказывать о ходѣ болѣзни, о ихъ способахъ леченія, о бесплодности всѣхъ трудовъ, о невозможности вылечить папу. Они на каждомъ шагу старались выставить на видъ неизлечимость болѣзни, показать свои знанія и свое искусство. Мѣшая на каждомъ шагу науку съ предрасудками и суевѣріями, они говорили, что даже толченныя жемчужины не улучшили положеніе папы; даже мясо замученныхъ животныхъ не помогло; даже расплавленные драгоценные камни не оказали никакого дѣйствія.

Исаакъ Джемъ тогда подошелъ къ папѣ и долго и внимательно разсматривалъ его. И онъ понялъ, чѣмъ боленъ Иннокентій VIII. Эти бѣлыя губы, безжизненные глаза, мертвенная, зеленая блѣдность лица, худоба—это признаки страшнаго истощенія и упадка силъ. Сердце слабо бьется; кровь медленно течетъ въ жилахъ; крови очень мало. Нѣтъ крови, нѣтъ пи-

танія, нѣтъ жизни, нѣтъ мысли, нѣтъ чувства, воли, движенія...

Исаакъ Джемъ увидѣлъ передъ собой человѣка, котораго могла спасти прежде всего новая кровь, влитая въ его жилы.

Средство спасенія есть. Онъ, Исаакъ Джемъ, держитъ его въ своихъ рукахъ. Это средство открыто имъ, добыто имъ, призвано на служеніе человѣчеству имъ. Онъ всѣхъ убѣдитъ въ великой силѣ и значеніи этого средства.

Исаакъ Джемъ забылъ, что онъ еврей, что всѣ, находящіеся тутъ люди настроены противъ него враждебно, презируютъ, даже, быть можетъ, ненавидятъ его; онъ забылъ, что предъ нимъ лежитъ глава католической церкви, исконный врагъ его народа. Тутъ не было еврея и не было папы. Тутъ были только ученый докторъ и безпомощный больной; чело-вѣкъ науки, жаждущій на дѣлѣ примѣнить сдѣланное имъ открытіе, и чело-вѣкъ-страдалецъ, испѣленіе котораго доставить ювый триумфъ наукъ и знанію.

— Исаакъ Джемъ, можетъ-ли твое искусство поправить здоровье его святѣйшеству?

Исаакъ Джемъ уже рѣшилъ, что ему нужно дѣлать. Онъ свернулся отъ больного и окинулъ глазами всѣхъ окружающихъ. Его не смутило выраженіе нѣкоторыхъ лицъ; это презрѣніе, недружелюбіе, подозрительность и насмѣшки еще болѣе укрѣпили его въ принятомъ рѣшеніи. Онъ твердымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Да, я могу испѣлить больного!

Глаза папы оживились. Онъ приподнялся на своемъ ложѣ. Всѣ присутствовавшіе были удивлены словами Исаака Джемъ тономъ его голоса. Какъ! Этотъ еврей рѣшается говорить въ такую самоувѣренность объ испѣленіи, которое признано всѣми невозможнымъ! Онъ о себѣ слишкомъ большого мнѣнія; онъ, можетъ быть, замышляетъ что нибудь недоброе! О, тутъ то нибудь не такъ.

И къ Исааку Джемъ подошли доктора и спросили у него, какое же онъ знаетъ средство, которое спасетъ жизнь и возвратитъ здоровье его святѣйшеству. И еврейскій докторъ от-

вѣчалъ, что спасти больного можно только однимъ способомъ, — переливъ въ его жилы кровь здороваго человѣка.

Всѣ были поражены еще болѣе. Одни не могли сказать ни слова; другіе засмѣялись, третьи, нисколько не стѣсняясь, высказывали подозрѣнія, самыя нелѣпыя и несправедливыя. Еврей предлагаетъ главѣ церкви Христовой перелить въ его жилы чужую кровь. Этотъ нечестивый совѣтъ, прямо противорѣчащій завѣтамъ Иисуса Христа, выходитъ изъ «нечестивыхъ еврейскихъ устъ». Слѣдовать ему нерелигіозно, ненаучно, наконецъ, просто небезопасно. Кто знаетъ намѣренія этого Исаака Джема? Быть можетъ, онъ посланъ кѣмъ либо умертвить папу? Быть можетъ, онъ съ умысломъ подвергаетъ его святѣйшее страшной опасности умереть во время операциі? Всевозможныя басни и сказки о евреяхъ, въ изобиліи ходившія въ тѣ времена и находившія вѣрующіхъ, вспомнились всѣмъ присутствовавшимъ. Всѣмъ, кромѣ папы. Увѣренный и твердый голосъ Исаака Джема произвелъ на него совершенно иное впечатлѣніе. Слова еврея внушили ему довѣріе и надежду, надежду жить, снова быть здоровымъ, видѣть это голубое небо, наслаждаться этимъ блестящимъ солнцемъ, дышать чистымъ и свѣжимъ воздухомъ; да что значать эти темные и, очевидно, недоброжелательные слухи, въ сравненіи съ желаніемъ жить?

— Я согласенъ!—сказалъ Иннокентій VIII.

— Онъ согласенъ!—пронеслось по комнатѣ.—Онъ согласенъ воспользоваться чужою кровью! О, стыдъ! О, ужасъ!—Враги папы, уже опасавшіеся его выздоровленія, тотчасъ же воспользовались случаемъ и указывали кому только можно, что за человѣкъ этотъ Иннокентій VIII. Его доброжелатели съ смѣнчивіемъ покачивали головами и не рѣшались защищать дерзкаго еврея, который на всѣ возраженія и подозрѣнія только и говоритъ: «Могу! Средство это я открылъ, я испыталь! Оно удастся!» Доктора приводятъ ему выдержки изъ разныхъ древнихъ писателей, которые разсуждаютъ о предѣлахъ медицины; ученые богословы опровергаютъ его текстами изъ разныхъ старинныхъ писателей; ученые и философы съ помощью тончайшихъ и хитрыхъ умозаключеній доказываютъ

всю несостоятельность и даже безсмыслицу переливанія крови. И всѣ ихъ усилія напрасны. Исаакъ Джемъ не вѣритъ древнимъ авторитетамъ, даже Аристотелю, не вѣритъ средневѣковымъ монахамъ-писателямъ, не вѣритъ, наконецъ, доводамъ разума, а упорно ссылается на свои опыты, на которыхъ опирается его разумъ. О, этотъ еврей, очевидно, безбожникъ. Его мѣсто на эшафотѣ, въ подземныхъ тюрьмахъ, а не у постели его святѣйшества!

Тѣмъ не менѣе, папа твердъ въ своемъ желаніи. Всѣ окружающіе должны уступить. Но они не оставляютъ безъ вниманія поступка дерзкаго еврея. Онъ на себѣ узнаетъ ихъ силу...

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, рѣшили произвести операцію переливанія крови немедленно. Исаакъ Джемъ распорядился приготовленіями къ ней. Кардиналы и нѣкоторые доктора, удалившись въ одинъ изъ угловъ обширной комнаты, совѣщались, какъ добыть человѣка, который согласился бы подѣлиться своею кровью съ его святѣйшествомъ папой Иннокентіемъ VIII. О, такіе люди найдутся! Многіе сочтутъ даже за особую честь способствовать исцѣленію намѣстника церкви Христовой. Стоитъ только объявить объ этомъ въ городѣ. Но есть еще одинъ вопросъ поважнѣе: какъ спасти папу отъ опасности, которой, быть можетъ, умышленно подвергнетъ его этотъ еврей? Какъ наказать еврея за его самоувѣренность и дерзость? *

Исаакъ Джемъ сдѣлалъ съ своей стороны всѣ необходимыя распоряженія. Недоставало только человѣка, который дастъ свою кровь, и инструментовъ. За инструментами были уже посланы въ гетто люди; черезъ какіе нибудь полчаса долженъ придти и необходимый человѣкъ. Пользуясь свободными минутами, Исаакъ отошелъ къ окну и началъ обдумывать подробности той операціи, которую онъ учился производить надъ кошками и собаками, а теперь желалъ произвести надъ человекомъ. Онъ погрузился въ міръ широкихъ знаній и глубокихъ мыслей.

* Событія, здѣсь описанныя, не вымышлены. См. книгу Глазера: „Саванароца“, Спб., 1882 г.

А на другомъ концѣ комнаты стояла небольшая группа людей, совершенно свободныхъ отъ тѣхъ качествъ, которые навлекали на Исаака Джемъ обвинения въ безбожіи, самонадѣянности и дурныхъ замыслахъ. Они не парили мыслью высоко и думали только объ Исаакѣ Джемѣ.

И додумались...

V.

На комъ и какъ примѣнилъ Исаакъ Джемъ добытую имъ истину.

— Исаакъ Джемъ! Для операціи все готово! Твои инструменты здѣсь. Люди, изъ которыхъ ты будешь переливать кровь, пришли.

Отъ этихъ словъ сѣдого старика-доктора Исаакъ Джемъ снулъ. Онъ все обдумалъ и рѣшилъ; онъ вѣрилъ, что неудачи не будетъ. На его душѣ было спокойно и хорошо.

— Гдѣ эти люди?—спросилъ онъ.

— Иди сюда, вотъ они!

Исаакъ Джемъ отворилъ дверь въ сосѣднюю маленькую комнату. Тамъ уже толпилось нѣсколько человекъ придворныхъ; эти люди смѣялись и шутили.

— Которые же изъ нихъ согласны на операцію?

— Вотъ эти!

И сѣдой докторъ вошелъ въ толпу придворныхъ, которые разступились передъ нимъ. Исаакъ Джемъ увидѣлъ посреди толпы двухъ своихъ сыновей; мальчики прижимались другъ къ другу, плакали и дрожали.

— Вотъ эти!—повторилъ докторъ, взявъ обѣихъ мальчиковъ за руки.

Исаакъ Джемъ остолбенѣлъ отъ удивленія. Онъ быстрыми шагами подошелъ къ плачущимъ дѣтямъ, взялъ ихъ на руки, обнялъ, началъ цѣловать и говорить слова утѣшенія. Всѣ присутствовавшіе смотрѣли на него, стоявшаго посреди комнаты, и молчали. Нѣсколько зоркихъ глазъ впилося въ лицо Джемъ, надѣясь прочесть на немъ боязнь за жизнь своихъ дѣтей и отчаяніе.

Но лицо Джема не выражало ничего подобнаго; оно было блѣдно, глаза блестящи, брови сдвинуты, и между ними появилась рѣзко очерченная складочка. Докторъ цѣловалъ своихъ дѣтей, которыя обхватывали его шею руками и плакали.

— Что вы, мои дорогіе, что вы? чего вы плачете? Вѣдь я съ вами! Никто васъ не обидитъ, а я не отойду отъ васъ.

Его голосъ былъ полонъ любви и нѣжности, и лишь едва замѣтное дрожаніе выдавало волненіе, которое происходило въ душѣ Джема. Въ груди у него что-то клокотало, сердце билось. Но это что-то не было сомнѣніе, это не была злоба. Сомнѣніе въ правильности его открытія ни на минуту не прокралось къ нему въ душу въ этихъ палатахъ, надъ своими дѣтьми онъ готовъ продѣлать то, что продѣлывалъ у себя дома. Онъ не чувствовалъ противъ окружавшихъ его людей и ни малѣйшей злобы, потому что не считалъ себя въ правѣ отказаться отъ операціи надъ своими дѣтьми: вѣдь онъ открылъ истину, а истина будетъ истиной для всѣхъ. На своихъ дѣтяхъ—такъ на своихъ; но во всякомъ случаѣ онъ подтвердитъ истину и всѣмъ докажетъ, что обладаетъ ею.

И, не выпуская изъ рукъ дѣтей, онъ повернулся и пошелъ въ ту комнату, гдѣ должно было производиться операцію. Тамъ все было готово, ожидали только его прибытія.

Блѣдный, со стиснутыми зубами и сдвинувъ брови, онъ приступилъ къ операціи и велъ ее по наружности спокойно, разсудительно и съ увѣренностью. Дѣти не плакали, а раскрывъ широко глаза, съ ужасомъ смотрѣли на худого, блѣднаго старика, который лежалъ на шелковыхъ подушкахъ, похожій болѣе на мертвеца, чѣмъ на живого. Папа пробовалъ сказать имъ нѣсколько ласковыхъ словъ, но эти слова наводили еще болѣе ужасъ на дѣтей.

Исаакъ Джемъ, чтобы нисколько не рисковать жизнью своихъ сыновей, рѣшился произвести не одну, а двѣ операціи, взявъ понемногу крови отъ каждаго изъ нихъ. Этимъ маневромъ онъ думалъ предотвратить возможность всякой неудачи.

Операція кончилась, въ жилахъ папы потекла новая кровь—кровь двухъ еврейскихъ мальчиковъ. Высшіе сановники церкви, доктора, родственники папы—стояли въ глубокомъ молчаніи

вокругъ его постели, ожидая результатовъ этой замѣчательной операціи. Искусство еврейскаго доктора произвело на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. У нѣкоторыхъ, наиболѣе благородныхъ людей уже являлись угрызения совѣсти за тѣ обиды, которыми они осыпали Исаака Джемъ. Утомленный операціей, Иннокентій VIII спалъ тихимъ, спокойнымъ сномъ, который былъ неизвѣстенъ ему уже много, много мѣсяцевъ. Исаакъ стоялъ у его изголовья, вытирая свои инструменты, и цѣлый рой самыхъ разнообразныхъ чувствъ шевелился въ его душѣ. Онъ видѣлъ, что операція удалась; истина осталась истиной, выдержавъ испытаніе невѣровавшихъ въ нее людей. Папа болѣе не нуждается въ его помощи; все необходимое сдѣлаетъ теперь время. Исаакъ Джемъ можетъ спокойно идти въ свое жилище, опять зарыться въ книги, опять по цѣлымъ днямъ сидѣть за опытами и изслѣдованіями..

Онъ поклонился всѣмъ присутствовавшимъ, взялъ инструменты и пошелъ въ ту комнату, куда были уведены его сыновья. Едва онъ отворилъ дверь въ залу, какъ его окружили придворные, до которыхъ уже успѣлъ дойти слухъ объ успѣшной операціи. Съ нимъ шутили, ему удивлялись; нѣкоторые даже заискивали въ немъ. Сердце его билось; веселье этой пышной и пестрой толпы стало казаться не столь празднымъ, пустымъ и безсмысленнымъ, какимъ казалось оно за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ; наслажденія всѣхъ этихъ людей представлялись уже не столь нелѣпыми и несправедливыми.—Онъ самъ былъ веселъ, онъ самъ наслаждался, но только его веселье и наслажденіе были въ миллионъ разъ глубже, шире, выше, справедливѣе, чище, полезнѣе для человѣчества, чѣмъ наслажденія всѣхъ этихъ красивыхъ дамъ, покрытыхъ золотомъ и брилліантами, стройныхъ, и изящныхъ кавалеровъ, изощрившихъ свою ловкость и остроуміе, толстыхъ, самодовольныхъ монаховъ, которые, позабывъ о духовныхъ благахъ, гонятся за благами міра сего. Вся эта толпа шумѣла, тѣснилась и на каждомъ шагу задерживала доктора, какъ тотъ ни силился поскорѣе увидѣть своихъ дѣтей.

Въ здоровьи ихъ Исаакъ Джемъ не сомнѣвался, но онъ же-

лалъ поскорѣе уйти вмѣстѣ съ ними въ свой тихій уголокъ въ гетто.

И онъ увидѣлъ своихъ дѣтей. Въ маленькой комнатѣ съ мрачными сводами и цвѣтными окнами, они лежали на деревянной рѣзной скамьѣ. Исаакъ подбѣжалъ къ нимъ и въ ужасѣ отступилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—этого быть не можетъ! Это пустяки, это все отъ волненія,—это пройдетъ!

Его старшій сынъ, посинѣвшій, неподвижный, лежалъ, скорчившись на скамьѣ. Младшій бился въ судорогахъ, которыя хорошо были извѣстны Исааку Дjemu изъ его послѣднихъ опытовъ. Онъ зналъ эти судороги: онѣ всегда предшествовали смерти тѣхъ животныхъ, съ которыми докторъ дѣлалъ опыты. Да, да,—это онѣ,—это судорожное подергиваніе пальцевъ, это сведеніе рукъ и ногъ, эти глаза навывкатѣ, перекосившійся ротъ....

— Дѣти мои! Дѣти мои! Да что же это такое!

Исаакъ Джемъ схватилъ себя за голову и страшно застоналъ. Звукъ его голоса глухо замерли подъ темными сводами. Люди, присутствовавшіе при этой сценѣ, въ ужасѣ поняли и поспѣшили уйти изъ комнаты.

Исаакъ Джемъ рыдалъ, какъ дитя. Онъ стоялъ на колѣняхъ возлѣ охладѣвшихъ труповъ своихъ сыновей, онъ цѣловалъ ихъ, теръ разными лекарствами, которыя имѣлъ при себѣ, онъ пускалъ имъ кровь, онъ нѣсколько разъ перевязывалъ ихъ раны. И все было напрасно. Тѣла дѣтей оставались неподвижны и съ каждымъ мгновеніемъ все холодѣли и холодѣли, коченѣя въ томъ страшномъ скорченномъ положеніи, въ которое привели ихъ судороги.

— Умерли! Мои дѣти умерли! У меня нѣтъ больше дѣтей, я убилъ ихъ!

Съ этими словами Исаакъ схватилъ себя за голову, закачался, застоналъ и, быстро повернувшись, бросился вонъ изъ комнаты.

Онъ бѣжалъ по какимъ-то корридорамъ, бѣжалъ по заламъ, натапкиваясь на каждомъ шагу на вельможъ и придворныхъ, которые осыпали его ругательствами, даже били. Иные смѣялись

надъ его видомъ, другіе сторонились скорѣе прочь, какъ отъ безумнаго. Та самая толпа, которая только что осыпала его похвалами и удивлялась ему, не показывала теперь никакого участія, не сказала ни одного слова сожалѣнія.

Но Исаакъ ничего не сознавалъ. Онъ не слышалъ ругательствъ, не чувствовалъ ударовъ, не видѣлъ этой толпы, по прежнему беззаботной и праздною, а быстрыми шагами шель впередъ, изъ залы въ залу, изъ галлерей въ галлерей, не понимая, куда онъ идетъ, гдѣ выходъ.

Его схватили слуги и, не особенно церемонясь, вытолкали изъ дворца на улицу.

Быль вечеръ, такой же теплый итальянскій вечеръ, какъ нѣсколько дней тому назадъ, когда въ домъ Исаака Джема принесли раненаго равви Аарона. Ярко голубое небо, какъ и тогда, принимало зеленый оттѣнокъ. Солнечные лучи, какъ тогда, золотили высокіе куполы церквей и соборовъ, которые рисовались вдаль, подернутые бѣлой прозрачною завѣсой. Въ узкихъ улицахъ и переулкахъ, какъ тогда, бѣгали синія тѣни. Но Исаакъ ничего не видѣлъ, ничего не сознавалъ. Что-то черное, страшное, давило его душу, и онъ бѣжалъ впередъ и впередъ, бѣжалъ по набережнымъ, по площадямъ, мимо величественныхъ развалинъ древняго Рима, мимо прекрасныхъ соборовъ и дворцовъ Рима новаго. Изъ улицы въ улицу, дѣлая огромные круги, онъ пробирался въ гетто. На набережной Тибра ему встрѣтилась веселая толпа красивыхъ дѣвушекъ и юношей, одѣтыхъ въ роскошные наряды, съ лютнями въ рукахъ и вѣнками цвѣтовъ на головѣ. Они стройнымъ хоромъ свѣжихъ, молодыхъ голосовъ пѣли:

— «Какъ прекрасна юность! Кто хочетъ быть счастливымъ, пусть будетъ имъ тотчасъ же,—нѣтъ ничего вѣрнаго на завтра! Пусть каждый играетъ, поетъ и пляшетъ; пусть сердца воспламеняются наслажденіемъ! Прочь горе и печали! Кто хочетъ быть счастливымъ, тотъ и будь» *.

Юноши смѣялись и шутили и не обращали ни малѣйшаго вниманія на человѣка въ черной одеждѣ, который то бросался

* Тэвль. „Искусство въ Италіи“, стр. 123.

бѣжать, то останавливался, схватывалъ себя за голову, размахивалъ руками, бормоталъ какія-то непонятныя слова и на каждомъ шагу натыкался на прохожихъ.

Въ это же самое время, изъ Ватиканскаго дворца выходило нѣсколько человекъ. Они несли на своихъ рукахъ длинныя носилки, покрытыя чернымъ покрываломъ. Изъ-подъ этого покрывала вырисовывались какія-то неясныя и страшныя очертанія.

Порывъ вѣтра приподнял покрывало и обнаружилъ два дѣтскихъ трупя, лежавшихъ на носилкахъ; блѣдныя лица были судорожны искажены, руки—судорожно сжаты. Люди, несшіе носилки, поспѣшили накинуть на нихъ черное покрывало и быстрыми шагами пошли дальше, направляясь къ гетто.

Недалеко отъ воротъ, которыя отдѣляли еврейскій кварталъ отъ остальнаго Рима, на этихъ людей наткнулся какой-то человекъ въ черной одеждѣ и едва не сбиль ихъ съ ногъ. Увидѣвъ неясныя контуры лежавшихъ на носилкахъ труповъ, этотъ человекъ застоналъ и отскочилъ въ сторону.

— Ты пьянъ, проклятый жидъ!—закричалъ на него одинъ изъ носильщиковъ и уже намѣревался вслѣдъ за словами пустить въ ходъ кулаки. Но человекъ въ черномъ, застонавъ, бросился бѣжать прочь отъ гетто и быстро скрылся изъ вида.

— Э, да вѣдь это, кажется, тотъ самый еврейскій докторъ, который былъ сегодня у его святѣйшества,—сказалъ одинъ изъ носильщиковъ.

— Кажется, что онъ,—отвѣчалъ другой носильщикъ.

— Говорятъ, его леченіе возвратитъ силы святому отцу.

— Помоги святая Марія! Никто, какъ Она!

— А я такъ думаю, что это за исцѣлитель, который убилъ своихъ дѣтей?

— Такъ чтожъ такое?—Вѣдь онъ спасъ жизнь его святѣйшеству, а жизнь его святѣйшества развѣ не стоитъ жизни какихъ-то двухъ жидовъ?

— Такъ-то такъ, а я все-таки не пошелъ бы за совѣтомъ къ еврейскому врачу. Ей-Богу, старая колдунья Маріанна знаетъ такія снадобья и заговоры, что всякаго доктора за по-

ясъ заткнуть, не то, что жиды! Она даже покойниковъ вызываетъ!..

VI.

**Исаакъ Джемъ исчезъ. Исторія идетъ и готовится дру-
гихъ Джемовъ.**

Прошло нѣсколько лѣтъ. Исаакъ Джемъ исчезъ. Изъ Ватиканскаго дворца онъ не возвращался въ гетто. Во дворцѣ мало кто зналъ о его исчезновеніи, и никто особенно не интересовался имъ.

О еврейскомъ докторѣ поговорили нѣсколько дней—и забыли. Жизнь шла своимъ порядкомъ. Каждый день устраивались пышныя празднества, роскошныя процессіи, прогулки за городъ, поѣздки на охоту, маскарады, торжественныя входы и выходы. Всѣ знатныя и богатые люди, которые жили въ Римѣ или прѣзжали туда по дѣламъ, принимали въ нихъ горячее участіе. Золото по прежнему сыпалось направо и налево; никому не было никакого дѣла до исчезновенія доктора и его страданій, когда не только чужія страданія,—даже человѣческая жизнь цѣнилась очень не дорого. Всѣ стремились наслаждаться и жить, не зная предѣловъ для своихъ желаній; препятствія устранялись ядомъ, кинжаломъ, тюрьмой; однихъ убивали, другимъ платили, третьихъ принуждали съ помощью наемныхъ солдатъ. Изъ полуразрушенныхъ хижинъ поселянъ богатства стекались въ замки, переходили оттуда въ карманы богатыхъ владѣльцевъ, которые сыпали ими направо и налево. Объ обитателяхъ этихъ жилищъ, равно какъ и обитателяхъ гетто никто не думалъ; все, что находилось внѣ блестящаго круга знатности и богатства, не привлекало особеннаго вниманія. На первомъ планѣ стояло наслажденіе; наслаждались природой, наслаждались красотой, утопая въ роскошной и празднои жизни. Иные, слѣдуя общей модѣ, изучали творенія древнихъ грековъ и римлянъ, удивлялись ихъ изяществу и силѣ; подражали ихъ формѣ, не гонясь за содержаниемъ; поклонялись изображеніямъ языческихъ божествъ Венеры и Аполлона рядомъ съ изображеніями святыхъ...

Никто не думалъ, какою цѣной чужихъ страданій, слезъ и горя покупаются наслажденія. Какое кому было дѣло, что Исаакъ Джемъ, какой-то еврейскій докторъ, пропалъ!..

Исаакъ Джемъ пропалъ—и его забыли.

А между тѣмъ, шли года и шла исторія. Шла она, какъ всегда, медленно, постепенно, все обнимая собою, не боясь никакихъ преградъ и никакихъ остановокъ. Шла она минута за минутой, день за днемъ, годъ за годомъ. Солнце cadaго новаго дня, являясь на небѣ, возвѣщало: «идеть исторія, идетъ!» Затѣмъ, къ вечеру, погружаясь въ море, повторяло: «я уйду, со мною исчезаетъ свѣтъ, но знайте, люди, я приду опять, потому что исторія идетъ».

Прошло пять лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени совершились великія событія. Въ 1492 году предъ знаменами Фердинанда Католика, короля испанскаго, пала Гренада,—последній оплотъ арабовъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Въ томъ же году умеръ знаменитый покровитель наукъ и искусствъ—Лоренцо Медичи; наконецъ, 12 октября того же года случилось событіе еще большей важности: Колумбъ открылъ Америку. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по всей Европѣ, но никто не понималъ великаго значенія этого событія.

Своимъ путешествіемъ Колумбъ доказалъ всю несостоятельность убѣжденій, не основанныхъ на опытѣ. Когда-то, на свѣтѣ въ Саламанкѣ, многіе умные, почтенные и знатные люди всѣми силами старались доказать Колумбу, что его замыселъ достигнуть Индіи, направивъ корабли прямо на западъ,—замыселъ безумный, что онъ противорѣчитъ св. писанію, противорѣчитъ ученію отцовъ церкви, противорѣчитъ разуму; эти люди говорили Колумбу, что на пути изъ Испаніи шаровидная земля должна представляться въ видѣ высокой горы, на которую нельзя будетъ подняться и при сильномъ попутномъ вѣтрѣ. Они упрекали Колумба въ ереси, считая себя обладателями истины. Но оказалось, что правъ былъ именно Колумбъ, «еретикъ», и всѣ противъ воли и желанія должны были съ нимъ согласиться въ виду очевидности факта.

Очевидность и опытъ и здѣсь одержали побѣду.

Въ 1492 году умеръ папа Иннокентій VIII. Благодаря ис-

куству Исаака Джема, его жизнь продлилась на два года, но оставила послѣ себя недобрую память. Папа при жизни своей больше хлопоталъ о томъ, какъ пристроить своихъ родственниковъ, чѣмъ о дѣлахъ церкви. Онъ не слѣдовалъ, примѣру своихъ знаменитыхъ предшественниковъ Пія II и Сикста V, которые славились, какъ покровители наукъ и искусствъ, какъ просвѣщеннѣйшіе люди своего времени. Иннокентій VIII смотрѣлъ подоврительно и недружелюбно на людей мысли и науки. Эти люди, добивавшіеся истины, не могли не возмущаться тою ложью, къ которой прибѣгаль Иннокентій VIII, рассылавшій по разнымъ странамъ монаховъ, которые продавали за большія деньги отпущеніе всѣхъ грѣховъ, — даже убійства. Эти люди смѣялись надъ всякими вымыслами; въ томъ числѣ надъ волшебствомъ и суевѣрїями, а Иннокентій VIII въ своей буллѣ (грамотѣ) противъ колдуновъ, изданной въ 1484 году, прямо признается въ томъ, что онъ самъ вѣритъ въ колдовство и магію; по его приказу, въ городѣ Комо въ одинъ годъ сожгли болѣе 40 женщинъ, обвиненныхъ въ колдовствѣ. Въ послѣдніе годы жизни Иннокентія VIII, какъ говорятъ хроники того времени, Римъ изобиловалъ убійцами, которымъ папа явно покровительствовалъ.

Великія событія совершались, но событія еще большей важности приготовлялись; они приготовлялись медленно и постепенно. Ихъ никто не могъ остановить и мало кто замѣчалъ, потому что не многіе люди вдумываются въ окружающую жизнь. Тамъ и сямъ проявлялись признаки чего-то новаго. На примѣрѣ, въ равныхъ городахъ отерывались типографіи, въ которыхъ печатались, по способу Гуттенберга, книги разнаго содержанія, съ каждымъ годомъ находившія себѣ все болѣе и болѣе читателей. Во Флоренціи появился смѣлый проповѣдникъ Саванарола, который, не стѣсняясь, называлъ папу Антихристомъ; ученый человекъ и знатокъ древности Лаврентій Валла доказалъ, что старинные документы, на которыхъ папы основываютъ свою власть и на которые ссылаются для доказательства своихъ первосвященническихъ правъ, — поддѣльны...

Всѣ эти факты и множество другихъ, имъ подобныхъ, встрѣчались на каждомъ шагу; большинство людей не придавало

имъ никакого значенія; иные относились къ нимъ, какъ къ интереснымъ новостямъ, курьезамъ, сплетнямъ, слухамъ. Только немногіе видѣли въ нихъ нѣчто большее и важное, видѣли, что въ окружающей жизни происходитъ какая-то великая перемѣна: знанія распространяются все больше и больше; люди начинаютъ понимать, что разсуждать могутъ всѣ, а не только избранные, что истина достижима для всѣхъ; что безграничной власти папы приходитъ конецъ. Но людей, привыкшихъ размышлять, было еще очень мало. Большинство жило изо дня въ день, не размышляя о едва замѣтныхъ признакахъ готовящихся перемѣнъ; не размышляли даже тѣ, кто могъ размышлять. Съ исчезновеніемъ Исаака Джема, однимъ мыслящимъ человѣкомъ стало меньше. Но только *однимъ*.

Только въ гетто долго шли толки о томъ, что папа отплатилъ за свое исцѣленіе страшной неблагодарностью; что онъ вмѣсто награды заставилъ отца убить собственныхъ дѣтей; что онъ чужою кровью купилъ свою жизнь. Но «Богъ Авраама, Исаака и Иакова заступится за своихъ сыновъ, страданіямъ ихъ придетъ конецъ, справедливость восторжествуетъ, и упавшій съ неба огонь спалитъ всѣхъ гонителей еврейскаго племени».

Обитатели гетто по своему отнеслись ко всей этой исторіи; они также мало понимали мысли и чувства Исаака Джема, совершавшаго свою операцію, какъ не понимали его и въ Ватиканскомъ дворцѣ. Эти мысли и чувства были еще слишкомъ чужды и темному гетто, и блестящему Ватиканскому дворцу. Если кое-кто изъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ Исаака и подозрѣвалъ ихъ существованіе, то мало кто понималъ. Одни считали ихъ самонадѣянностью, гордостью, самэмѣніемъ; другіе видѣли въ нихъ опасность для человѣчества, источникъ невѣрія и ересей.

Исаакъ Джемъ исчезъ, вмѣстѣ съ нимъ исчезли и его мысли, пережитыя, прочувствованныя, завѣтныя его мысли. Память объ ученомъ докторѣ сгладится; его бумаги, на которыхъ онъ успѣлъ записать свои открытія, сгорятъ, быть можетъ, на какомъ либо пожарѣ, затеряются въ невѣжественныхъ рукахъ, или погибнуть во время еврейскаго погрома, въ неистовствахъ

озлобленной толпы... Сѣдые, столѣтніе старики, еврейскіе старѣйшины, вспоминая объ Исаакѣ Джемѣ, печально качали головами и говорили:

— Бѣдный Исаакъ, бѣдный сынъ Израиля! Онъ такъ много общалъ, такъ велики были его знанія и искусство! О, если бы онъ жилъ по прежнему, какъ много сдѣлаъ бы онъ для славы своего племени!

И затѣмъ прибавляли:

— Богъ всегда наказываетъ уклоненіе отъ заветовъ старины, древнихъ преданій и прадѣдовскихъ обычаевъ...

И всѣ порѣшили, что Исаакъ Джемъ погибъ, кончивъ жизнь самоубійствомъ...

Но еслибъ даже погибъ Исаакъ Джемъ, его мысли и открытія все-таки не погибли.

Исаакъ Джемъ говорилъ когда-то:

— «Все неизвѣстное, все непонятное человѣкъ долженъ изслѣдовать, все равно, гдѣ бы оно ни было, какъ бы оно ни называлось». Исаакъ Джемъ, чтобы узнать, справедливы или несправедливы его мысли, обратился къ *опытамъ*. Опытами онъ хотѣлъ провѣрить выводы своего разума. Эти мысли Исаака Джема кажутся въ настоящее время слишкомъ извѣстными и простыми; противъ нихъ никто не станетъ спорить. Но въ XV вѣкѣ было не то. Мы съ вами, читатель, уже восприняли эти мысли готовыми, провѣренными; уже тысячи и тысячи разъ доказано, что онѣ справедливы; человѣкъ же пятнадцатаго столѣтія долженъ былъ собственнымъ умомъ доходить до нихъ и убѣждаться въ ихъ справедливости.

Исаакъ Джемъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые поняли великое значеніе разума, опирающагося на опытъ; но понялъ это не одинъ ученый еврей,—поняли и другіе люди. Ходъ исторіи, создавшій Исаака, создалъ и другихъ людей, думавшихъ и разсуждавшихъ также, какъ думалъ и разсуждалъ Исаакъ. Умеръ Исаакъ,—не умерли эти другіе, и если не умеръ хоть одинъ изъ этихъ другихъ,—истинная мысль сохранится, найдеть себѣ приверженцевъ и мало по малу распространится по свѣту.

И въ дальней Германіи, и во Франціи, и въ туманной Ан-

гліи жили люди, стремившіеся къ тому же, къ чему стремился Исаакъ Джемъ, учившіеся у тѣхъ же учителей, у которыхъ учился Исаакъ, одаренные не меньше знаніями и силою мысли, чѣмъ Исаакъ.

Между тѣмъ, въ опустѣвшемъ домѣ еврейскаго доктора осталась одна Лія. Потерявъ въ одинъ день и мужа, и дѣтей, она облачилась въ траурное платье и дала обѣщаніе не снимать его до тѣхъ поръ, пока не увидится съ мужемъ,—быть можетъ, за гробомъ. Она плакала дни, плакала ночи, рвала на себѣ волосы въ отчаяніи. Только немногіе друзья ходили утѣшать ее. Въ числѣ ихъ былъ равви Ааронъ, который мало по малу поправился и, сѣдой, сгробленный, худой какъ скелетъ, приходилъ въ домъ Ліи и проводилъ съ нею цѣлые дни. Въ пятницу вечеромъ они спускались изъ верхнихъ комнатъ внизъ и, усѣвшись на ступени лѣстницы, ведущей въ домъ, сидѣли въ глухомъ молчаніи.

А въ домахъ мелькали огни, по узкимъ улицамъ ходили въ дорогихъ восточныхъ костюмахъ люди. Они встрѣчали субботу.

И годы шли печально, уныло, однообразно. Жизнь Ліи тянулась длинною, сѣрою полосой, конца которой не было видно.

И глаза бѣдной женщины мало-по-малу начали задерживаться какимъ-то бѣлымъ туманомъ. Зрѣніе ослабѣвало; туманъ сгущался и сгущался и отдѣлялъ Лію отъ внѣшняго міра...

И отдѣлилъ; между нею и внѣшнимъ міромъ повисла бѣлая густая завѣса, чрезъ которую ничего не было видно...

Лія ослѣпла.

VI.

Что случилось съ Исаакомъ Джемомъ.

Между тѣмъ, Исаакъ Джемъ не погибъ.

Вотъ что произошло съ нимъ въ это время.

Послѣ встрѣчи съ печальными носилками, несчастный докторъ повернулъ и бросился бѣжать отъ гетто. Онъ бѣжалъ изъ улицы въ улицу, онъ бѣжалъ чрезъ площади и мосты, все

прямо и прямо. Куда онъ бѣжить,—онъ не понималъ; гдѣ онъ находится,—онъ не видѣлъ.

Настала ночь,—ясная, лунная, глубокая. Римъ остался позади. Купола церквей и соборовъ причудливыми зубцами рисовались на горизонтѣ. Тамъ и сямъ, едва замѣтными блестящими точками краснѣли огоньки.

Исаакъ все бѣжалъ, едва дыша, едва передвигая ноги. Но запасъ силъ истощился. Джемъ упалъ на холодную, влажную траву и лишился чувствъ...

Прошло нѣсколько часовъ. Луна скрылась за горизонтомъ Востокъ начиналъ бѣлѣть.

Тогда Исаакъ Джемъ очнулся. Онъ сѣлъ на травѣ и дрожащими отъ холода руками отеръ свой влажный лобъ. Онъ осмотрѣлся кругомъ. Надъ нимъ качались темныя вѣтви деревьевъ, прозрачныя словно черныя кружева; голосъ какой-то ранней птички звучалъ привѣтливо, бодро и нѣжно. По тропинкѣ шелъ человекъ, одѣтый въ крестьянское платье, въ широкой шляпѣ, плащѣ и сапогахъ. Онъ несъ большую, грубо сплетенную корзинку и опирался на палку. Онъ пѣлъ въ полголоса веселую пѣсенку; поглядывая направо и налево. Въ полутемнотѣ онъ едва не наткнулся на Исаака Джема.

— Пресвятая Дѣва! Тутъ кто-то есть!

Онъ крѣпко сжалъ свою палку и закричалъ:

— Эй, милый, что ты тутъ дѣлаешь?

Исаакъ Джемъ не отвѣчалъ и по прежнему теръ свой лобъ.

— Эй, слушай! Если у тебя дурные замыслы,—проваливай по добру, по здорову, да съ меня и взять нечего.

Но Исаакъ молчалъ. Прохожій подошелъ къ нему и дотронулся до его плеча.

Джемъ вскочилъ, какъ ужаленный, его глаза расширились, онъ застоналъ. Прохожій въ ужасѣ попятился назадъ.

— Санта Марія! Это безумный!

Крестьянинъ бросилъ свою корзинку и отскочилъ въ сторону. Но Исаакъ былъ уже далеко. Онъ быстрыми шагами шелъ впередъ, дѣлалъ руками какіе-то жесты, иногда бормоталъ непонятныя слова. Прохожіе сторонились отъ него; деревенскіе жители травили его собаками, которыя рвали

ему платью и кусали до крови ноги. Но Исаакъ, не чувствуя боли, шель, погруженный въ самого себя, шель до тѣхъ поръ, пока, обезсиленный, не опустился на траву, рядомъ съ какою-то хижиной.

Хозяйка хижины, крестьянская женщина, окликнула его. Не получивъ отвѣта, она вышла изъ хижины и увидѣла передъ собою человѣка въ разорванномъ платьѣ, блѣднаго, худого, въ крови, съ глазами, которые ввалились куда-то глубоко и смотрѣли впередъ блуждающимъ, бессмысленнымъ взглядомъ. Женщина поняла, что видитъ передъ собою больного. Она принесла Исааку воды и кусокъ сухого хлѣба, которые тотъ машинально проглотилъ. Она перевязала его раны, какъ умѣла, грязной тряпичей; Исаакъ ничего не сознавалъ. Она спрашивала его, откуда онъ, что съ нимъ? Исаакъ ничего не отвѣчалъ.

— Останься здѣсь,—сказала ему наконецъ добрая женщина,—скоро придуть съ поля мои дѣти, и тогда...

Послѣднія слова Исаакъ Джемъ услышалъ. Онъ вскочилъ на ноги, схватился за голову.

— Дѣти! Да, дѣти,—повторялъ онъ машинально эти слова. Онъ силился что-то припомнить, что-то мрачное и страшное, но это что-то не приходило ему въ голову, а вмѣсто него стояла черная, густая туча, которая давила умъ, давила сердце, скрывая за собою какое-то событіе. Дальше этой тучи Исаакъ ничего не могъ видѣть. Онъ застоналъ, замахалъ руками, и быстрыми шагами опять зашагалъ впередъ.

Крестьянка крестилась и шептала слова молитвы, смотря ему влѣдъ.

Прошло нѣсколько недѣль, прошелъ мѣсяць. Исаакъ все шель впередъ. Онъ ни у кого не просилъ помощи, но не отказывался, если добрые люди давали ему кусокъ хлѣба.

Наконецъ, питаясь подаяніями, онъ достигъ Флоренціи. Этотъ городъ былъ ему уже знакомъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ посѣтилъ его вмѣстѣ съ ученымъ Пико де-Мирандола. Знаменитый Лоренцо Медичи, узнавъ о ихъ прибытіи, пригласилъ ихъ къ себѣ, въ недавно основанную Платоновскую академію, въ которой изучались спеціально произведенія зна-

менитаго греческаго философа Платона. Здѣсь, въ кругу извѣстнѣйшихъ знатоковъ древности—Аргиропуло Валери, Пандольфини, Фичино—они цѣлый вечеръ горячо спорили о философіи Платона. Исаакъ Джемъ считалъ этотъ вечеръ однимъ изъ самыхъ веселыхъ и пріятныхъ вечеровъ своей жизни... Но теперь, безумный, больной и голодный, пробраясь мимо дворца Медичи, онъ не вспомнилъ этого вечера...

На площади Святого Марка Исаакъ Джемъ столкнулся съ группою богато одѣтыхъ людей. Они стояли, сплотившись тѣснымъ кружкомъ, и слушали чтеніе новаго произведенія Плавта. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Поджіо, знаменитый отыскиватель рукописей, нашелъ это произведеніе въ дальнемъ нѣмецкомъ монастырѣ. Древній манускриптъ лежалъ подъ бочкой вмѣсто подставки. Монахъ съ удовольствіемъ протѣялъ его на кружку вина. Не далѣе, какъ вчера, переписчики кончили переписку тридцати экземпляровъ этого произведенія Плавта. Всѣ спѣшили съ нимъ познакомиться и читали его не только въ домахъ, но и на улицахъ. Лица слушателей выражали вниманіе и глубочайшее удовольствіе, смѣшанное съ какимъ-то благоговѣніемъ. Чтець прекрасно произносилъ латинскіе стихи, которые раздавались отчетливо и звучно.

Исаакъ Джемъ сѣлъ на ступени монастыря святого Марка. Въ открытыя двери изъ монастыря несло пѣніе монаховъ. Мощный и стройный хоръ гремѣлъ подъ сводами; волны могучихъ звуковъ, торжественныя и печальныя, разливались въ воздухъ...

Хоръ замолкъ. Народъ, наполнявшій церковь, заволновался. На кафедре взошелъ суровый и блѣдный монахъ, это—Саванарола, знаменитый проповѣдникъ, настоятель монастыря св. Марка. Онъ началъ проповѣдь; эта проповѣдь была такой же жгучей и увлекательной, какъ и другія рѣчи этого человѣка. Не даромъ слава о немъ гремѣла повсюду... Онъ говорилъ, что близокъ день, когда изъ-за Альпъ вторгнутся въ Италію враги и покорятъ ее, и предадутъ огню и мечу, если народъ не покается... Рѣзкій, могучій голосъ отчетливо выдѣлялся среди всеобщей тишины и долеталъ до Исаака...

Проповѣдь продолжалась долго. Солнце заходило. Исаакъ

сидѣлъ на ступеняхъ, опустивъ голову на руки, сидѣлъ застывшій, неподвижный...

Опять раздалось пѣніе. Изъ церкви потянулись пестрой толпой горожане и горожанки... Передъ Исаакомъ упало нѣсколько монетъ, брошенныхъ добрыми людьми, которые приняли его за нищаго. Онъ не поднялъ денегъ, а сидѣлъ въ прежнемъ положеніи.

Наступила ночь. Изъ сосѣдней улицы вышли солдаты, вооруженные алебардами. Нѣкоторые изъ нихъ несли факелы. Это былъ ночной обходъ.

Солдаты подошли къ Исааку и ударами прогнали его съ паперти.

Исаакъ двинулся опять впередъ и впередъ. Опять потекли недѣли и мѣсяцы утомительной, безцѣльной дороги...

Наступила зима, короткая итальянская зима. Исаакъ шель мимо Генуи къ Милану, прошелъ Миланъ, прошелъ множество городовъ и мѣстечекъ, все на сѣверъ, къ горамъ, снѣжныя вершины которыхъ ярко блестѣли на темноглубомъ небѣ... Онъ оставилъ за собою плодородныя равнины Ломбардіи и углубился въ горы. Дорога нечувствительно поднялась. Тамъ и сямъ, изъ-подъ снѣжнаго покрова, легкою пеленой одѣвшаго землю, выглядывали сѣрыя, сѣдые скалы. Кое-гдѣ открывались обширныя панорамы долинъ и ущелій, покрытыхъ кустами, деревьями, широкія, но малолюдныя. Деревья, лишенные листвы, смотрѣли непривѣтливо и уныло...

Однажды вечеромъ, къ концу четвертаго мѣсяца своихъ странствованій, Исаакъ входилъ въ какую-то бѣдную горную деревеньку. Было холодно; дулъ вѣтеръ, шель снѣгъ. Исаакъ дрожалъ; его руки и ноги околѣбли. Онъ былъ голоденъ, потому что въ продолженіи цѣлаго дня ему не встрѣтилось ни одного человѣческаго жилища. Въ хижинахъ мелькали огоньки привѣтливо и уютно. Исаакъ вошелъ въ одну изъ нихъ и былъ встрѣченъ поклонами хозяевъ. Добрые люди были рады гостю. Они усадили его къ весело пылавшему очагу и дали вина и пици. Исаакъ ѣлъ молча и всѣ любезности хозяевъ принималъ безучастно и холодно. Они же съ удивленіемъ смотрѣли на

таинственнаго пришельца, но, по своему обычаю, не спрашивали его.

Хозяинъ сталъ готовить для Исаака Джемъ теплое питье, а хозяйка, молодая женщина, удалилась въ темный уголокъ, гдѣ въ маленькой корзинкѣ лежалъ больной ребенокъ. Онъ былъ въ жару и тяжело дышалъ, откинувъ въ сторону свою рученку. Мать подошла къ нему и дотронулась рукой до головы. Ребенокъ повернулся и заплакалъ,—заплакалъ тихимъ, болѣзненнымъ дѣтскимъ плачемъ.

Мать опустила передъ корзинкою на колѣни и стала цѣловать свое дитя. Но дитя плакало все сильнѣе и сильнѣе.

Мать сама едва удерживала слезы и говорила слова утѣшенія и любви.

Въ это-то время, кто-то сзади тихонько дотронулся до нея. Она обернулась. Передъ нею стоялъ таинственный путникъ, который подошелъ къ корзинкѣ и внимательно разсматривалъ больного. Костлявая рука его протянулась къ малюткѣ и дотронулась до его лба. Глаза, нѣсколько минутъ передъ тѣмъ смотрѣвшіе безъ жизни и выраженія, засвѣтились какимъ-то огонькомъ.

Путникъ нарушилъ свое молчаніе и, указывая на ребенка, сказалъ:

— Онъ боленъ!

— Онъ боленъ, онъ очень боленъ!—отвѣчала, заплакавъ, мать ребенка. Незнакомецъ показался ей колдуномъ или знахаремъ; она со слезами на глазахъ стала умолять его спасти ребенка.

Исаакъ Джемъ неясно слышалъ ея моленія, но видъ больного пробудилъ въ его душѣ какія-то воспоминанія. Онъ внимательно осмотрѣлъ дитя и назвалъ травы, которыя могутъ ему помочь; онъ говорилъ, какимъ способомъ надо приготовить лекарство.

Молодой женщиной хорошо были извѣстны травы, названныя Исаакомъ, потому что онѣ росли въ изобиліи на окружающихъ скалахъ; но она ничего не знала о ихъ цѣлебныхъ свойствахъ. Эти травы не трудно было достать. Исаакъ Джемъ словно ожилъ. Онъ сидѣлъ надъ ребенкомъ, держа руками свою голову, и что-то вспоминалъ. Но черная туча по прежнему стояла

передъ нимъ и ничего не давала вспомнить. Только глаза потеряли то безумное выраженіе, которое они имѣли до того времени.

Прежнія знанія мало-по-малу всплывали въ угнетенномъ мозгу Исаака Джема. Онъ многое припоминалъ, съ трудомъ, отрывочно, смутно, но то состояніе ужаса и смятенія, въ которомъ онъ такъ давно уже находился,—проходило....

Исаакъ Джемъ, не смотря на всю свою усталость, всю ночь не отходилъ отъ колыбели, самъ сварилъ необходимое лѣкарство и только къ утру заснулъ...

Наступилъ другой день. Крестьянинъ и его жена со слезами на глазахъ приступили къ Исааку и умоляли его пробить у нихъ въ домѣ до тѣхъ поръ, пока дитя не выздоровѣетъ. Лекарства, данныя докторомъ, помогли лучше всѣхъ средствъ, которыми снабжали несчастную мать деревенскіе знахари и колдуны.

Исаакъ машинально повиновался. Онъ былъ какъ въ полуснѣ; прошлое онъ не могъ воспроизвести въ своей памяти, но его пробужденіе началось....

Между тѣмъ, молва о немъ и его умѣньи лечить разнеслась по деревнѣ, и уже нѣсколько больныхъ ожидали его.

Исаакъ Джемъ остался въ деревнѣ.

Н. Ру—кинь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВОРМСКІЕ НЕЗНАКОМЦЫ.

(Изъ «Мааса Нисимъ»).

Въ старой Вормской синагогѣ,
За оградю чугунной,
Гдѣ кивотъ святой стоитъ, —
Тихо теплится лампада
И огонь неугасимый
Днемъ и ночью въ ней горить.

На стѣнѣ у той лампады,
Заплѣснѣвшей, закоптѣлой,
Надпись старая видна.
Полусмыты, полустерты,
При дрожащемъ свѣтѣ лампы,
Еле видны письма.

И гласятъ они: „Во славу
Неизвѣстныхъ міру старцевъ,
Спасшихъ чудно нашъ народъ,
Въ старой Вормской синагогѣ
Здѣсь повѣшена лампада
И горить изъ года въ годъ“.

Что-же значить надпись эта?
Кто тѣ старцы? И какое
Здѣсь несчастіе произошло?
На вопросы эти можетъ
Намъ отвѣтить лишь преданье —
И оно до насъ дошло.

Въ день святыхъ, въ народный праздникъ,
Тихо двигался по Вормсу
Съ „donna sancta“ крестный ходъ.
Пѣло псалмы духовенство
И за нимъ волнами неся,
Обнаживъ главу, народъ.

И когда имъ всёми пришлось,
Духовенству и народу,
Мимо гетто проходить,
Кто-то крикнулъ, что на „donna“
Изъ окошца жидъ проклятый
Нечистоты вздумалъ лить.

Какъ огонь, попавшій въ хворостъ,
Разгорѣлось это слово
И пожаромъ разлилось.
„Смерть жидамъ-хриstopродавцамъ,
Смерть жидовскому отродью!“
Всюду грозно раздалось.

Неминуемое, злое
Угрожало горе гетто...

Вдругъ епископъ закричалъ:
—Погодите!—Кто виновенъ,
Тотъ пускай и отвѣчаетъ:
„Я на „доппа“ посягалъ!“

„Если-жъ дерзкій не найдется,
Скрытый гнусными жидами,
То — свидѣтелемъ намъ Богъ —
Нѣтъ тогда пощады гетто:
Всѣ жида должны погибнуть,
Лишь пройдетъ трехъ-дневный срокъ“.

Жарко молятся во храмѣ,
Въ старой Вормской синагогѣ
Слышенъ плачь и громкій стонъ.
Завтра празднигъ избавленья
Отъ египетскаго ига,
Но не радостенъ имъ онъ.

Завтра, завтра срокъ трехдневный
Истекаетъ — и безвинно
Здѣсь погибнуть всѣ должны!
Жарко молятся во храмѣ,
Просятъ Бога о спасеньи
Позабытые сыны.

Ночи мракъ на все ложится,
Но евреи въ синагогѣ
 Лишь одни всю ночь не спятъ,
И при чтеніи заунывною,
Среди талесовъ могильныхъ,
 Свѣчи тусклыми горятъ...

Рано утрою въ двери храма
Кто-то смѣлою рукою
 Постучался къ нимъ. Слегка
Двери храма отворились:
То два путника стучались,
 Два преклонныхъ старика.

Кто же эти незнакомцы?
Кто ихъ путь сюда направилъ?
 Неизвѣстно никому...
Отряхнувши пыль дороги,
Съ тихой дулою въ грустныхъ взорахъ
 Стали странники въ углу.

Помолились оба Богу —
И воскликнули къ собранью:
 „Знай, Израиль! Ты спасенъ!
Нашъ Господь — Господь Единный,
Всемогущій и Превѣчный,
 Внялъ молениямъ жаркимъ Онъ.

„Чтобы выкупить несчастныхъ,
Жертвой черни безсердечной

Станетъ наша кровь и плоть.

Чтобъ Его прославить имя —

Мы пришли спасти невинныхъ

И привелъ насъ самъ Господь!“

Эту рѣчь прервали крики:

Въ двери Вормской синагоги

Чернь стучалась и рвалась.

Но спокойно незнакомцы

Распахнули двери храма,

И въ дверяхъ остановясь —

Къ угрожающимъ злодѣямъ,

Кровожаднымъ и безумнымъ,

Обратилися они:

„Стойте! Здѣсь всѣ неповинны!

Ихъ не троньте! Насъ возьмите!

Виноваты мы одни!“

Съ той поры горитъ лампада

Въ старой Вормской синагогѣ,

Съ той поры и надпись та.

Съ ними связано преданье —

И навѣкъ о „незнакомцахъ“

Память будетъ намъ свята.

С. Гриблатъ.

МИРТАЛА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

Элизы Орженко.

Переводъ съ польскаго.

VI *.

На слѣдующій день необыкновенное возбужденіе господствовало въ Затибрскомъ предмѣстьи, особенно въ той части его, которую населяли евреи и сирійцы. Въ этомъ возбужденіи замѣчались какъ бы два теченія: одно громкое, крикливое, веселое, другое—придавленное, глухое, глубоко скрытое. Ни одинъ изъ многочисленныхъ сирійцевъ, занимавшихся обыкновенно ремесломъ носильщиковъ, выгрузкой товаровъ съ кораблей, выдѣлкой кирпича, не работалъ въ этотъ день, но все собирались возлѣ домовъ своихъ и харчевень въ шумныя, энергично жестивулировавшія толпы, къ которымъ присоединялись въ значительномъ количествѣ уличная чернь, всегда лѣнливая и праздная, оборванцы и всякій сбродъ, жившій на счетъ государства и наплывавшій сегодня въ эту часть предмѣстья изъ отдаленныхъ кварталовъ *Transteberim* и даже изъ-за Тибра. Предметомъ вниманія и разговоровъ всей этой многочисленной толпы, пестрой и полунагой, который, мѣшая работать, собирала ее въ одно мѣсто, на улицахъ и передъ харчевнями; былъ предстоявшій на слѣдующій день праздникъ Аполлона и готовившіяся по этому

* См. „Восходъ“ кн. III.

случаю игры и развлечения. Игры — это было слово, оказывавшее на нихъ магическое вліяніе. Оно возбуждало ихъ кровь, зажигало любопытство и воображеніе, страстнымъ нетерпѣніемъ отрывало, казалось, стопы ихъ отъ земли. Они говорили, лучше сказать, кричали на нѣсколькихъ языкахъ. Рѣже всего здѣсь раздавалась латинская рѣчь; греческія слова, испорченныя и перемѣшанныя съ латинскими, слышались нѣсколько чаще, но надъ всѣми господствовали, почти поглощая ихъ, сирійскій языкъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ здѣсь прекрасно понимали другъ друга.

Если между этими людьми, столь отличавшимися другъ отъ друга, какъ происхожденіемъ, такъ и личными особенностями, и происходили въ другое время довольно часто недоразумѣнія, споры изъ-за соревонованія и столеновенія, то теперь, наканунѣ игры, они прекрасно ладили между собою, такъ какъ ихъ желанія и ожиданія были одни и тѣ же. Впрочемъ, въ спорахъ и теперь не было недостатка, но это были дружескіе и мирно оканчивавшіеся споры. Одни кричали, что желали бы лучше видѣть бой гладіаторовъ въ амфитеатрѣ, или веселія, сладострастныя пантомимы въ театрѣ Вальба или Помпея, чѣмъ эти рыцарскія конныя состязанія патриціанской молодежи, которыя должны были произойти на Марсовомъ полѣ. Большинство, однако, чрезвычайно было довольно тѣмъ, что увидить троянскія игры, еще больше радовала надежда увидѣть Тита, сына цезаря, который будетъ руководить играми, но больше всего занимало окончаніе игры. Имя Береники было на всѣхъ устахъ. Ни одинъ изъ этихъ людей, стоявшихъ на самой низкой общественной ступени, никогда не видѣлъ царицы Халкиды, этой прекраснѣйшей изъ женщинъ Востока, которая очаровала Тита и которую онъ завтра покажетъ своему народу, какъ жену свою. Потомъ, до полдня, въ циркѣ Фламинія будутъ происходить ристанія на колесницахъ, а на слѣдующій день выставка рѣдкостей на *Forum Romanum* и Марсо-

вой площади и грандіозныя пиршества, которыя цезарь готовить для народа.

Когда имя Береники, переходя изъ устъ въ уста, раздавалось на улицахъ и площадяхъ предмѣстья, при звукѣ его отворачивались, опускали къ землѣ глаза и собирались въ болѣе тѣсныя кучки люди въ длинной одеждѣ, широкихъ поясахъ и тяжелыхъ турбанахъ, которые сегодня также не могли заниматься обычнымъ дѣломъ и выходили изъ домовъ своихъ на улицу. Это были евреи, необыкновенно возбужденные въ этотъ день, но разговаривавшіе между собою не о предстоявшихъ играхъ. О чемъ они разсуждали, не могла знать чернь, состоявшая изъ пестрой смѣси нѣсколькихъ племенъ. Они говорили тихо, таинственно и, въ противоположность веселымъ и уже пьянымъ людямъ, которые проходили по улицамъ или толпились возлѣ харчевень, казались еще болѣе печальными и встревоженными, чѣмъ обыкновенно. Ихъ тихіе разговоры, таинственные жесты, безпокойные взгляды, бросаемые по сторонамъ, составляли другой оттѣнокъ въ возбужденіи, господствовавшемъ въ этотъ день въ Затибскомъ предмѣстьи, это было точно теченіе придавленное, глухое, глубоко скрытое.

Внимательное ухо, которое вслушалось бы въ шумъ этого теченія, могло бы различить, что какъ тамъ громко и безпрестанно называлось имя Береники, такъ здѣсь тихо плыло имя Ионатама. Но никто не думалъ подслушивать ихъ. Даже Силась, забывая о нанесенномъ ему оскорбленіи и о мести и грѣя на солнцѣ передъ харчевней босня ноги свои, весело игралъ съ нѣсколькими товарищами въ четъ и нечетъ, перебирая руками кучу лежавшихъ передъ нимъ орѣховъ; высокій Бабась, показывая за бросаемые ему ассы свою силу, налѣво и направо раздавалъ такіе щелчки, отъ которыхъ потерпѣвшіе шатались на ногахъ или падали на землю, а Хромія, блестя подъ стѣнной харчевни серебряными обручами, украшавшими темную ея кожу, и пожирая глазами Бабаса, крикливымъ голосомъ разсказывала о томъ, какъ госножа ея, Фанія,

даровала ей свободу и удалила изъ дома. Въ другомъ жѣствѣ ее побили бы и послали бы на кухню, но изъ дома претора дурныхъ и нерадивыхъ слугъ только удаляли. Свободѣ ея радовалась беззубая Харопія, хозяйка харчевни, съ сѣдыми волосами, падавшими изъ-подъ грязнаго платка на желтое лицо, которая, наливая въ красную ея кружку вино изъ глиняной амфоры, уговаривала ее поселиться въ харчевнѣ. Египтянка со своимъ гибкимъ тѣломъ и быстрыми движеніями, напоминавшими собой движенія змѣи, пурпурными губами, черными распущенными волосами и блестящими серебряными запястьями считалась, какъ видно, среди этихъ людей привлекательною Венерою. Харопія ухаживала за ней и безпрестанно доливала ей кислаго, но крѣпкаго напитка, котораго она выпила столько кружекъ, сколько буквъ было въ имени слача Бабаса.

— Весело мнѣ съ вами, друзья!—воскликнула она,—но еще веселѣе намъ будетъ послѣ завтра, когда царскіе повара нажарятъ для насъ быковъ и свиней, а виночерпціи зальютъ наши глотки виномъ менѣе кислымъ, чѣмъ твое, Харопія! Зрѣлицъ и пиршествъ, цезарь! Цезарь добръ и щедръ! Мы будемъ имѣть зрѣлица и пиршества!

— Да здравствуетъ цезарь!—внезапно раздалось множество голосовъ, и этотъ хоровой возгласъ долго и далеко разносился въ чистомъ лѣтнемъ воздухѣ.

На террасѣ домика Менахима, защищенные отъ взоровъ прохожихъ стѣною треугольной пристройки, составлявшей второй этажъ, облокотившись на вышитыя подушки Сарры, полулежали два мужа. Одинъ изъ нихъ былъ Ионатанъ, голову другого закрывалъ глубокой капшонъ плаща. Они приближали головы другъ къ другу, держались за руки и вели тихій разговоръ.

— Юсть! — говорилъ Ионатанъ, — какъ завидна моя участь въ сравненіи съ твоей! Какъ оленя травить охотникъ, такъ я преслѣдуемъ тѣми, противъ насилія которыхъ я боролся до

последняго проблеска надежды. Но ни сердце мое, ни лицо не знают лжи, и я не раздѣляю трапезы моей съ отступниками, какъ ты, секретарь Агриппы, царедворецъ жерской Береники и измѣнника Иосифа!

Юсть пытался еще глубже спрятать опечаленное лицо свое въ тѣни капилона.

— Въ бой съ оружіемъ въ рукахъ меня не влекли ни наклонности, ни убѣжденія мои, — возразилъ онъ тихимъ голосомъ, — потому я не сопутствовалъ тебѣ, когда, при извѣстїи о готовившемся въ Иудеѣ возстанїи, ты отправился туда изъ Рима со многими сверстниками. Тѣмъ не менѣе сердцемъ и обычаемъ я вѣронъ отечеству нашему и вѣрѣ нашихъ предковъ, и теперь, когда Менахимъ сообщилъ мнѣ о твоёмъ прибытіи, я поспѣшилъ сюда, какъ братъ, стосковавшійся о долго отсутствовавшемъ братѣ.

Помолчавъ, онъ черезъ минуту прибавилъ:

— Позволишь-ли ты мнѣ указать на нѣкоторыя вещи, которыя ты не можешь видѣть ясно?

— Говори, — отвѣтилъ Ионатанъ.

— Я хочу говорить о тѣхъ, которыхъ вы называете отступниками и измѣнниками. Богатые, ознакомленные съ греческой и римской цивилизаціей и государственнымъ устройствомъ римской имперїи, Агриппа, Иосифъ и всѣ имъ подобные думаютъ, что борьба съ могущественнымъ Римомъ — безуміе, ведущее Иудею къ окончательной гибели. Въ силу этого они помирились съ тѣмъ, противъ чего дерзко повусились вы, сдѣлавшись чрезъ это виновниками разрушенія столицы и храма нашего.

Презрительная улыбка блуждала на слѣднхъ губахъ Ионатана.

— Увѣренъ-ли ты, Юсть, что примиреніе ихъ съ Римомъ имѣло источникомъ заботу объ остаткахъ жалкаго существованія нашего отечества и народа? Не ослѣпило-ли ихъ могущество Рима? не очаровали-ли блескъ и наслажденія, воспрещенныя вѣрнымъ

послѣдователямъ нашей религіи, недосыгаемыя для сыновъ нашей опустошенной земли, и которыми они могутъ здѣсь пресыщаться? Дворцы ихъ наполнены нарисованными и изваянными изображеніями людей и животныхъ, столы гнутся подъ тяжестью чужеземныхъ лакомствъ; величественныя римскія тоги покрываютъ ихъ тѣло; члены съ наслажденіемъ отдыхаютъ на римскомъ ложѣ. Юсифъ Флавій принималъ богатые подарки отъ наложницы Нерона, а Веспасіанъ наградила его обширными имѣніями; Агриппа получилъ царство Халкиду, отнятое у Береники, которая взаимно того...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, рѣчь его становилась быстрой и шипящей, ненависть сверкала во впалыхъ глазахъ, а рука судорожно сжимала какой-то предметъ, спрятанный на груди подъ одеждой. Сквозь стиснутыя губы онъ проговорилъ еще:

— Здѣсь они непривосновенны, недоступны, потому что ихъ окружаетъ и охраняетъ вооруженная десница Рима. Но тамъ, Юсть, тамъ...

Онъ засмѣялся глухимъ, насмѣшливымъ голосомъ.

— Тамъ, въ Иерусалимѣ, кровь подобныхъ имъ заливала мостовныя улицы, а мозгъ изъ разбитыхъ череповъ ихъ пятналъ священныя стѣны, которыхъ они не хотѣли защищать!

Юсть задрожалъ.

— О, Ионатанъ,—воскликнулъ онъ,—что изъ тебя сдѣлали короткіе годы, которые протекли со времени нашей разлуки! Я зналъ тебя юношей смѣлымъ, но кроткимъ, защищавшимъ обиженныхъ, но гнушавшимся кровью и жестокостями... Теперь... твой образъ напоминаетъ жителя пустыни, который въ борьбѣ со львами и медвѣдями потерялъ сладкія человѣческія чувства, въ ухахъ котораго никогда не раздавалась райская заповѣдь пророка: „Мечи свои обратятъ въ плуги, и ягненокъ спокойно заснетъ рядомъ со львомъ, а дитя безопасно будетъ играть надъ гнѣздомъ змѣи!“

Съ ненавистью, разжигавшей взглядъ Ионатана, смѣшалось выраженіе горестной насмѣшки.

— Ты, Юсть, развѣ жилъ въ священной головѣ пророка и узналъ тамъ, какъ далеко въ будущность простирался взглядъ его, когда онъ поучалъ этой райской заповѣди? Одинъ лишь Предвѣчный можетъ знать время осуществленія видѣній пророковъ. Я, выведенный рукой Его изъ моря крови и пламени, знаю; что оно еще не пришло. До тѣхъ поръ, пока справедливость не будетъ господствовать въ мирѣ, пока человѣкъ будетъ преслѣдовать человѣка и сильный попираетъ слабого, до тѣхъ поръ мечъ мести долженъ поражать тѣхъ, которые, подобно Агриппѣ и Иосифу, покидаютъ дѣло слабыхъ, но справедливыхъ...

— Каждый человѣкъ обремененъ свойственными ему грѣхами, — разсудительно и съ печалью въ голосѣ возразилъ Юсть. — Если боязнь, равнодушіе, желаніе славы и наслажденій уменьшаетъ рвеніе ихъ въ споспѣшествованіи правому дѣлу, то вы погрѣшаете излишнею запальчивостью, безуміемъ, повергающимъ васъ въ напрасныя мученія, черствостью сердца, равнодушнаго при видѣ жестокостей. Вы называете ихъ отступниками и измѣнниками, они даютъ вамъ названія бѣшеныхъ ревнителей, обогранныхъ кровью палачей...

— Да, мы таковы! — выпрямляясь, воскликнулъ Ионатанъ.

Въ это же мгновеніе въ рукахъ его блеснулъ кривой ножъ, въ родѣ короткаго обоюдоостраго меча.

— Да, Юсть, я ревнитель, который, когда пришло время, срѣзывалъ кровавыя гроздья въ виноградникѣхъ эдомитянъ и готовъ еще и теперь... вотъ этихъ серпомъ...

Юсть рукой закрылъ глаза.

— Спрячь свое оружіе, — быстро проговорилъ онъ, — оно можетъ тебя выдать... Зачѣмъ ты носишь его при себѣ? Искушеніе легко можетъ проникнуть въ безумное сердце...

Ионатанъ спряталъ ножъ на груди подъ платьемъ и съ горькой улыбкой произнесъ:

— Не бойся! Агриппѣ твоему я не нанесу никакой обиды. День трудовъ дологъ былъ и страшенъ. Я ищу отдыха. Пойду въ далекія страны, въ тихомъ уголкѣ воздвигну стѣны моего дома, поставлю станокъ мой и вмѣстѣ съ женой стану воспитывать сыновей, которые будутъ наслѣдниками моими...

Онъ замолчалъ. Черты лица его, которыя при послѣднихъ словахъ нѣсколько смягчились, приняли опять мрачное выраженіе. По улицѣ мимо дома Менахима проходила веселая уличная толпа, во главѣ которой шли женщины въ беспорядочной одеждѣ, играющія на музыкальныхъ инструментахъ. Десятка два человѣкъ, оборванныхъ и почти босыхъ, съ зелеными вѣнками на головахъ, коигдѣ съ распутившимися розами на груди и въ рукахъ, шло подъ звуки музыки, громко крича и смѣясь. Въ этой веселившейся толпѣ чувствовалось уже приближеніе оргій, которыя должны были слѣдовать за играми въ честь Аполлона; это были только слабые и оторванные аккорды бѣшеныхъ кутежей, которыми до краевъ наполнялся и кипѣлъ Римъ во время новогоднихъ сатурналій. Правда, сатурналіи были еще далеко, но праздникъ Аполлона также возбуждалъ веселье, которому жаркое іюльское время придавало страстный характеръ. Невидимые для посторонняго глаза, Ионатанъ и Юсть съвозъ щели рѣшетки, окружавшей террасу, могли подробно рассмотреть пеструю и шумную толпу, которая, проходя мимо дома Менахима, издавала смѣшанные хоровые возгласы:

— Да здравствуетъ величественный Титъ, сынъ божественнаго цезаря! Да здравствуетъ прекрасная Береника, возлюбленная Тита!

— Ты слышишь, Юсть? ты слышишь это? — съ силой пропелъ Ионатанъ. — Имя израильтянки даже эта подлая толпа соединяетъ съ именемъ того, который нанесъ послѣдніе удары нашему отечеству! Возможно-ли, Юсть, чтобы она была супругой его?

Возможно-ли, чтобы такой соблазнъ урѣли глаза людей? Чтобы подобное оскорбленіе пало на наши потери и страдавія?

Опустивъ голову, Юсть отвѣчалъ:

— Увы! повидимому, это должно совершиться! Титъ любить ее больше, чѣмъ зѣницу ока своего, а она... Развѣ женщина можетъ противостоятъ очарованію блестящей красоты, соединенной съ высочайшимъ въ мірѣ достоинствомъ? Титъ красивѣйшій человѣкъ въ Римѣ и наслѣдникъ Веспасіана.

— Я видѣлъ ее когда-то,—произнесъ въ задумчивости Ионатанъ,—я видѣлъ ее, когда, во время первыхъ волненій въ Іерусалимѣ, она вышла на террасу своего дворца, вся въ пурпурѣ и золотѣ; она протягивала къ намъ свои руки, умоляя насъ разойтись, успокоиться и не навлекать на себя и всю Іудею мести римлянъ... Она была величественна въ эту минуту, и народъ кричалъ ей: „Ты происходишь изъ рода Маккавеевъ, подражай имъ! Будь Юдиною! Возьми мечъ въ руки и, несомая духомъ предвовъ твоихъ, веди насъ въ бой, какъ огненный столбъ вель отцовъ нашихъ въ пустынь!“ Это, Юсть, была великая минута; это была минута, когда женщина эта могла стать душой народа своего, силой и славой и, кто знаетъ? можетъ быть—спасеніемъ его... Но она...

— Знаю,—докончила Юсть,—она вѣстѣ съ братомъ своимъ покинула возбужденную столицу..

— Она убѣжала, ища безопасности въ лагерѣ римлянъ! И вотъ, тамъ-то Титъ, одной рукой предавая пламени Іерусалимъ, другою надѣвалъ на ея палецъ обручальное кольцо. О, Предвѣчный! Неужели ни одинъ изъ громовъ твоихъ не поразитъ этихъ людей, чтобы разорвать этотъ отвратительный, богохульный, чудовищный союзъ?

Ионатанъ въ эту минуту былъ страшнѣе. Его глаза, налитые кровью, обращены были къ небу, судороги исказили исхудалое лицо,

въ рукѣ блестяль снова вынутый изъ-подъ одежды ножъ. Юсть быстро схватилъ его за руку.

— Успокойся! То, чего ты такъ боишься, быть можетъ, не совершится. Давно уже Береника была бы женой Тита, еслибы этому браку не сопротивлялся отецъ его, желающій родственными связями сыновей своихъ съ самыми знатными римскими семействами увеличить блескъ низкаго рода своего, благодаря лишь случайности достигшаго такого величія; если бы не препятствовалъ римскій патриціатъ, усматривающій для себя оскорбленіе въ бракѣ будущаго цезаря съ женщиной съ востока; если бы не сопротивлялись этому сами даже философы, имѣющіе въ Римѣ огромное вліяніе и презирающіе Израиля за вѣру его, которую они считаютъ собраніемъ суевѣрій темнаго и необразованнаго люда... Ты знаешь, какая участь постигла стоика Гераса, который публично переицалъ Тита за то, что онъ выставляетъ на показъ свою любовь къ Береникѣ? Онъ былъ казненъ на площади. Еще болѣе, быть можетъ, ужасно наказаніе, которому за это же самое былъ подвергнутъ Діонизій изъ Пррузіи. Въ циркѣ, въ присутствіи ста тысячъ чело-вѣкъ народа, онъ закричалъ Титу, чтобы тотъ вернулся къ оставленной имъ супругѣ своей, Марціи Фурмилиі, а Беренику отослалъ на родину... Діонизія публично наказали розгами и изгнали изъ Рима; но остались родственники и друзья Марціи Фурмилиі, и нанесенное имъ оскорбленіе, а также желаніе отомстить за него поддерживаютъ и увеличиваютъ враговъ царской власти, которые существуютъ еще въ Римѣ и во главѣ которыхъ стоитъ преторъ Гельвидій и стоикъ Музоній...

Іонатанъ слушалъ его съ сосредоточеннымъ и жаднымъ вниманіемъ.

— Юсть!—началъ онъ въ задумчивости,—римляне сопротивляются браку этому изъ презрѣнія и ненависти къ намъ... а изъ числа нашихъ братьевъ неужели ни одинъ не отважился на это?

— Возможно-ли это?—возразилъ Юсть.—Тѣ, которые окру-

жають Баренику, горячо желаютъ заключенія этого брака, въ которомъ они видятъ большую честь для себя и значительныя выгоды для нашего отечества; другіе же, убогіе, изстрадавшіеся, объятые страхомъ, похожи на кротовъ, трудящихся подъ землей...

Ионатанъ ничего не отвѣтилъ и погрузился въ глубокое раздумье. Юсть также молчалъ и, всматриваясь въ лицо друга, напрасно, казалось, печальными глазами искалъ на немъ слѣдовъ безоблачной его молодости.

Въ это же мгновеніе на верхней, видимой съ террасы, части лѣстницы, соединявшей оба этажа, появилась Миртала. Прямая и задумчивая, съ тѣмъ спокойствіемъ въ фигурѣ и движеніяхъ, которое, казалось, сообщили ей греческія и римскія изваянія, въ одной, приподнятой нѣсколько кверху рукѣ держала она чашу, украшенную зеленью и наполненную плодами, въ другой, опущенной книзу, кувшинъ изъ красной глины. Она остановилась предъ Юстомъ и Ионатаномъ съ опущенными глазами и огненнаго цвѣта будрами, ниспадавшими на бѣлое лицо ея и узкія плечи.

— Отецъ мой, — сказала она, — выходя изъ дому, приказалъ мнѣ угостить тебя, Юсть, когда ты придешь къ намъ, плодами и виномъ. Вотъ оливки, финики, миндаль, смоквы и вино — по шѣрѣ средствъ нашихъ.

Сказавъ это съ слабой, но гостепріимной улыбкой и не поднимая глазъ на мужчинъ, она хотѣла удалиться. Но ее задержало внезапное тѣлодвиженіе Ионатана. Голосомъ, въ которомъ трудно было отличить гнѣвъ отъ искренности, онъ быстро воскликнулъ:

— Не уходи! Почему ты всегда избѣгаешь меня? Сядь здѣсь, я хочу смотрѣть на тебя.

Она осталась, но не сѣла. Облокотясь на рѣшетку, окружавшую террасу, она устремила неподвижный взглядъ далеко, въ пространство. Юсть сѣлъ нѣсколько плодовъ, выпилъ чашу вина и всталъ.

— Мнѣ пора уже идти. Солнце близится къ западу...

Миртала быстро повернула къ нему лицо свое.

— Ты думаешь, Юсть, что уже скоро... зайдетъ солнце?

Юсть, глядя на нее съ видимымъ удовольствіемъ, улыбнулся и возразилъ:

— Посмотри туда, за эти плоскія крыши, на выпуклыя линіи арки Германика... Ты видишь то, что я тебѣ указываю?

Она смотрѣла въ ту сторону, куда Юсть указывалъ пальцемъ, и медленно кивнула головой.

— Такъ вотъ, когда эти прекрасныя и величественныя своды залются моремъ такого, какъ теперь, яркаго свѣта, то солнце уже близко къ западу. Но что съ тобой? Глаза твои приняли странное выраженіе, и мнѣ показалось даже, что ты задрожала...

— Ничего, Юсть. Холодный вѣтеръ подулъ со стороны Тибра, и эта ярко освѣщенная арка... ослѣпила мнѣ глаза...

Ионатанъ улыбнулся, и улыбка эта, кроткая и сладостная, странной казалась на измученныхъ губахъ его.

— Она такъ робка, Юсть, — прошептала она. — Когда она говорила съ тобой, румянецъ, похожій на утреннюю зарю, покрывъ лицо ея...

— Она прекрасна и полна прелести, — такимъ же голосомъ возразилъ Юсть и со вздохомъ прибавилъ:— да успокоится скорѣе изстрадавшееся сердце твое на лонѣ твоей возлюбленной!

Черезъ минуту она ушла, и Миртала опять сдѣлала такое же движеніе, какъ бы желая выйти.

— Останься!—воскликнулъ Ионатанъ.

Она въ смущеніи стояла передъ нимъ.

— Сядь возлѣ меня.

Она заняла мѣсто, на которомъ сидѣлъ прежде Юсть, и молчала, опустивъ глаза.

— Почему ты избѣгаешь меня? Ты относишься ко мнѣ, какъ къ чужому. Развѣ ты не называла меня нѣкогда своимъ братомъ?

Мы росли подъ однимъ кровомъ, и я, будучи старше и сильнѣе, развѣ когда нибудь обидѣлъ тебя?

Глаза его выражали въ эту минуту любовь, но голосъ былъ рѣзокъ и неровенъ. Голосъ его, привыкшій къ браннымъ кликамъ, повидимому, лишился всѣхъ мягкихъ и нѣжныхъ звуковъ.

— Ты подняла на меня взоръ свой! Смотри такъ на меня, ибо изъ глазъ твоихъ на мои раны изливается цѣлительный бальзамъ...

Дѣйствительно, когда онъ вызывалъ воспоминанія ихъ дѣтства, проведеннаго вмѣстѣ, она подняла на него взглядъ, тревожный еще, но ласковый. Но въ это же мгновеніе онъ взялъ ее руку. Его почернѣвшая худая рука была жестка, въ ней чувствовалась привычка гнѣвно сжимать оружіе, а красные рубцы на ней могли казаться кровавыми пятнами. Миртала снова отвернула лицо свое и не могла подавить дрожь, которая потрясла слабое ея тѣло. О! иная рука, въ иномъ мѣрѣ, бѣлая, изящная, прикасалась когда-то къ рукѣ ея въ мягкомъ и нѣжномъ пожатіи, отъ котораго къ груди ея приливали волны неизяснимаго наслажденія...

— Ты боишься меня, легкомысленное дитя, не умѣющее воздать надлежащаго почитанія мужу, потерявшему силы въ борьбѣ за святое дѣло! Ты не понимаешь, какой чести удостоить тебя Господь, сдѣлавъ тебя супругой защитника народа Божія!

Глаза его пылали гнѣвомъ оскорбленія, а рука жестко, до боли, сжимала ея маленькую, почти дѣтскую руку.

Черезъ минуту, однако, онъ опять смягчился.

— Развѣ я всегда былъ такимъ, каковъ я теперь—ожесточившійся въ суровой десницѣ Господа, усѣянный шипами гнѣва и вспыльчивости? Вспомни, Миртала, наше общее прошлое. Въ лѣтніе дни я приносилъ маленькой дѣвочкѣ, игравшей у порога дома Менахима, распутившіяся розы изъ сада цезаря; зимой окутывалъ плащомъ своимъ крошечное изябшее ея тѣльце. Однажды на Аппіевой дорогѣ я спасъ тебя изъ-подъ копытъ лошади римскаго

всадника. Вчера ты оплатила мнѣ за эту услугу, расторопно и смѣло скрывъ меня отъ глазъ врага. Въ груди моей, Миртала, билось когда-то вроткое сердце, но ужасы войны и муки скитанія зажгли въ немъ огонь жестокости и покрыли его желѣзной броней. Теперь, когда я смотрю на тебя, я чувствую себя таинъ, какинъ былъ въ дни моей юности. Ты дороже для меня зѣнцы моего ока; ланиты твои прекрасны, какъ у горлицы; шея твоя какъ драгоценныя камни; уста твои—плодъ граната, волосы—царскій пурпуръ, украшенный золотомъ...

На исхудаломъ, почернѣвшемъ лицѣ его рисовалось выраженіе страстной, почти безумной мечтательности. Въ его впалыхъ, окруженныхъ темными кругами глазахъ заблестѣлъ огонь, подобный тому, какинъ сверкаетъ взоръ измученнаго жаждой путника, который послѣ многихъ дней, проведенныхъ среди песковъ пустыни, приближаетъ наконецъ уста свои къ прозрачной поверхности ручья. Она все отворачивала лицо, и поблѣднѣвшія губы ея неслышно прошептали:

— „У тебя, Миртала, прекрасныя, выразительныя глаза, а уста твои похожи на кораллъ, увлажненный росой“...

И далеко, далеко послышался ей голосъ, который когда-то на благозвучномъ латинскомъ языкѣ произнесъ эти слова. Съ этого мгновенія въ ухахъ ея раздавались два голоса: одинъ тутъ же, возлѣ нея, мрачный и суровый, другой—юношескій, свѣжій, пѣвучій, удаленный отъ нея на такое пространство, что казался длетавшимъ до ея слуха изъ другого міра...

— Кровопролитная война и долгіе годы скитанія сдѣлали меня такинъ, каковъ я теперь. Но миновали уже для меня дни борьбы и страданій. Я сочетаюсь съ тобой, возлюбленная, тихо и скромно, какъ подобаетъ въ дни несчастія. Я не хочу ни вѣнка на голову мою, ни флейтъ и кимваловъ, сопровождающихъ брачныя шествія; тебя не понесутъ на блестящихъ носилкахъ, дружки не украсятъ волоса твои цвѣтами.. ибо даже свадьба

побѣжденнаго бойца должна быть торжественна и преисполнена священной печали...

Отвернувъ лицо и все болѣе блѣднѣя, Миртала шептала:

— „Останься въ домѣ Фаніи. Красота и веселье заключать тебя въ творческія свои объятія, а я буду приходить и учить тебя искусству живописи“...

Положивъ себѣ на сердце ея руку, Ионатанъ продолжалъ:

— Я поведу тебя въ страну изгнанья, но тамъ никто не найдетъ насъ и не нарушитъ нашего спокойствія. Въ темной и низкой хижинѣ, защищенной отъ міра стѣною галльскихъ горъ, мы поставимъ два станка; на одномъ я буду ткать, а ты вышивать на другомъ. Добывая трудомъ руеъ нашихъ хлѣбъ насущный для себя и для дѣтей нашихъ, мы проживемъ дни наши, забытые и незнаемыя нигдѣмъ...

— „Я сдѣлаю изъ тебя вторую Лю изъ Кризикоса... ты будешь царицей въ чудной области искусства... тебя окружаютъ всѣ наслажденія славы и любви!“...

— Въ жаркій лѣтній день я поведу тебя, супруга моя, въ виноградникъ, насажденный нашими руками, и, какъ Воазъ и Руеъ, мы будемъ срѣзывать зрѣлыя вѣтви до заката солнца...

— Солнце заходить!—раздалось вдругъ восклицаніе дѣвушки, въ которомъ слышался почти ужасъ.

— Когда совершенно исчезнетъ дневной свѣтъ, мы пойдемъ въ Моаде-Эль, гдѣ вѣстѣ со всей общиной ты будешь слушать то, что я намѣренъ разсказать...

— Пусти меня, Ионатанъ! солнце заходить!

Слабая ея рука напрасно употребляла всѣ усилія, чтобы освободиться отъ желѣзнаго сжатія его руки. Онъ устремилъ на нее взоръ, ставшій опять мрачнымъ и подозрительнымъ.

— Куда ты хочешь идти? Менахимъ не вернулся еще изъ роши Эгеріи; дочери Сарры не зовутъ еще тебя съ собой...

— Солнце заходить! Пусти меня!

— Буда ты хочешь идти? Миртала, Миртала!

Голосъ его, произнося дважды ея имя, сдѣлался суровымъ и грознымъ.

— Солнце закатывается!

— Развѣ вѣстѣ съ нимъ закатывается какая нибудь преступная твоя надежда?

— Солнце закатывается! пусти меня!

— Послушай!—крикнулъ онъ грозно,—почему ты красиѣешь и вся дрожишь, а въ глазахъ твоихъ сверкаютъ слезы и пламя? Буда ты хочешь идти? Какое тебѣ дѣло до солнечнаго заката? Бто былъ этотъ чудный юноша, съ которымъ я видѣлъ тебя разговаривающую поздно вечеромъ? Развѣ и ты хочешь быть позоромъ своего народа? Развѣ и ты... какъ Береника...

Лицо и фигура Мирталы вдругъ измѣнились. Изъ нетерпѣливой, молящей, она сдѣлалась пристыженной, уничтоженной. Она закрыла глаза рукой.

— Нѣтъ, Ионатанъ, нѣтъ... Не пускай меня, Ионатанъ! Я останусь съ тобой, не пускай меня!

Долгій, рыдающій вздохъ потрясъ ея грудь. Она сама схватила за руку товарища дѣтства и, казалось, хотѣла приковать себя къ нему. Но онъ рѣзкимъ движеніемъ оттолкнулъ ее, и въ то же мгновеніе блеснула и зазвенѣла сталь. Короткій мечъ Ионатана вслѣдствіе быстрого движенія выскользнулъ изъ-подъ одежды его и упалъ къ ногамъ Мирталы. Она рванулась, отскочила и дрожа, съ невыразимымъ отвращеніемъ во взглядѣ, смотрѣла на орудіе смерти, которое Ионатанъ не поднялъ съ пола. Его блестящій, острый, какъ левіе его меча, взглядъ впился въ лицо дѣвушки, все болѣе блѣднѣвшей и отвращивавшейся съ отвращеніемъ. Между ними узкій, солнечный лучъ разжигалъ ослѣпительный стальной блескъ въ короткомъ кривомъ мечѣ. Миртала закрыла глаза. Надъ орудіемъ смерти въ ея воображеніи повисло орудіе искусства: кисть, изъ-подъ которой появлялся цвѣтокъ бѣ-

лой лиліи. Въ эту минуту на лѣстницѣ показалась голова въ тяжелой коричневой чалмѣ. Менахимъ вошелъ на террасу и, увидѣвъ мечъ, который Ионатагъ медленно поднималъ съ земли, вздрогнулъ и остановился. На лицѣ его также промелькнули на минуту испугъ и отвращеніе. Ионатагъ всталъ и, опершись спиной о стѣну, съ торжественною важностью, суровымъ голосомъ сказалъ Менахиму:

— Юсть былъ здѣсь. Онъ говорилъ, отецъ, что язычники сами порицаютъ безстыдство Береники. Почему никто изъ васъ не попытался смѣлнѣе словомъ обуздать злой примѣръ, отравляющій сердца нашихъ женщинъ? Не одна изъ дѣвъ израильскихъ, отецъ, захочетъ идти по слѣдамъ Береники!..

Внизу нѣсколько свѣжихъ женскихъ голосовъ звало Мирталу. Она быстро собѣжала по лѣстницѣ и у дверей дома упала въ объятія нѣсколькихъ дѣвушекъ, которыя, хватая ее за руки, обнимая станъ ея и шею, закидали ее вопросами и хотѣли сейчасъ же увести съ собой.

— Мать запретила намъ возвращаться безъ тебя, потому что ты составляешь радость ея глазъ, и она не можетъ долго обходиться безъ своей *hoscheb!*—говорила рыжеволосая Лія, младшая дочь Сарры, искренно смѣясь и показывая свои свѣжно-бѣлые зубы.

Старшая сестра, высокая, въ желтомъ платьѣ съ дорогимъ поясомъ, красиво сложенная Рахиль, съ гордымъ челомъ, освѣненнымъ черными волосами, съ важностью гладила рукой огненные волосы дѣвушки, которая была моложе ея и ниже ростомъ.

— Съ того времени, — говорила она, — какъ женихъ твой вернулся въ домъ вашъ, ты, Миртала, сдѣлалась задумчивой и молчаливой. Ты, вѣроятно, думаешь о томъ, какимъ счастьемъ наградила тебя Богъ, сдѣлавъ избранницей великаго мужа!

— Отецъ мой, старый и больной Аронъ, который сиживалъ ежедневно съ тобой въ Авертинскомъ портикѣ, пришелъ сегодня

въ домъ Сарры, чтобы вмѣстѣ съ Симеономъ отправиться въ священное собраніе. Онъ также желаетъ видѣть тебя, потому что ты была всегда жемчужиной для его глазъ тамъ, гдѣ васъ окружали лишь чужіе люди.

Слова эти произнесла маленькая, бѣдно одѣтая и робкая дѣвочка съ блѣднымъ, исхудалымъ лицомъ и страдальческимъ выраженіемъ большихъ, задумчивыхъ глазъ. Миртала, которая, казалось, не слышала даже словъ другихъ своихъ подругъ, обняла руками шею бѣдной и робкой Эли, дочери стараго больного Арона, и запечатлѣла долгой поцѣлуй на блѣдныхъ губахъ ея. Она была ей всегда дороже всѣхъ другихъ ровесницъ и подругъ, можетъ быть потому, что умѣла импровизировать узоры для вышивокъ и, подобно ей, чувствовала въ груди своей неопредѣленную тоску по чемъ-то, что, быть можетъ, было идеаломъ красоты и недоступными имъ очарованіями жизни. Средняя дочь Сарры, небольшого роста, живая, пылкая Мириамъ, нетерпѣливо ударяла въ землю звенящими своими сандалями.

— Не намѣрены-ли вы, — говорила она, — провести весь вечеръ у дверей Менахима? Разъ раскрывъ ротъ, вы не можете наговориться до-сыта! Вмѣсто того, чтобы цѣловаться съ Эли, посмотри на небо, Миртала! Пока мы дойдемъ домой, солнце совершенно скроется!

Рука Мирталы, обнимавшая шею ея подруги, внезапно опустилась внизъ. Она подняла глаза къ небу, которое дѣйствительно заволакивалось уже прозрачной дымкой сумерекъ. Изъ-за темныхъ садовъ Цезаря, покрывавшихъ склонъ Янивула, показался блѣдный мѣсяцъ. Непокойнымъ взглядомъ окидывая лица своихъ подругъ, быстрымъ, отрывистымъ голосомъ она начала говорить:

— Идите въ домъ матери вашей... Я приду туда черезъ минуту... Теперь я должна... должна идти туда, къ мосту и аркѣ...

Она сдѣлала быстрое движеніе, какъ бы желая не уйти, а

убѣжать, улетѣть отъ нихъ; но вдругъ, вся дрожа, съ выраженіемъ неописанной муки на лицѣ, остановилась и обѣими руками ухватила за шею и руки Эли.—Иду съ вами... иду... ведите меня... обойми меня, Эли!..

Не замѣчая странныхъ пережвѣвъ въ словахъ ея, движеніяхъ и выраженіи лица, веселыя и занятая предстоявшимъ торжествомъ дѣвушки увели ее по направленію къ дому Сарры. Эли маленькой ручкой обнимала ея станъ; рыжеволосая Ліа съ улыбкой на устахъ шептала что-то о ней серьезной Рахили; живая Мириамъ, звеня колокольчиками сандалій, надѣвала ей на шею свое блестящее ожерелье. Передъ домою Сарры Миртала снова остановилась и, поднявъ къверху лицо, посмотрѣла куда-то далеко и высоко. Далеко, за низкими, плоскими крышами предмѣстья, высоко, какъ бы подъ самымъ темнѣвшимъ сводомъ неба, верхушка арки Германика пылала еще послѣдними отблесками угасавшаго солнца, какъ радуга, сплетенная изъ пурпура и золота. Не обращая вниманія ни на подругъ, ни на прохожихъ, которые все въ большемъ числѣ показывались на улицѣ, Миртала съ тоской отчаянія протянула сплетенныя руки къ этой точкѣ, одиноко горѣвшей среди быстро наполнявшагося мракомъ пространства. Но едва лишь подруги ея успѣли обратиться къ ней съ вопросомъ, какъ рѣка людей торопившихся, сгорбленныхъ, нагибавшихъ головы подъ тяжестью тюрбановъ, толкавшихъ другъ друга и негромко, но съ оживленіемъ разговаривавшихъ между собою, окружила ее и увлекла за собой. Такими волнами плылъ народъ со всѣхъ улицъ и площадей предмѣстья къ отягчавшемуся отъ другихъ зданій своимъ размѣрами дому молитвы.

Это было зданіе не только высоее, но даже довольно богато украшенное. Казалось, что на него и въ него стекали всѣ богатства, какія только могли найдтись въ массѣ окружавшихъ его низкихъ и лишенныхъ всякихъ украшеній жилищъ. Правда, богатства эти въ сравненіи съ тѣми, которыя накоплены были на

ту сторону Тибра, и даже въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ За-тибрскаго предиѣстья, казались каудей въ морѣ. Тѣмъ не менѣе, среди грязи, лужъ и вони это было единственное мѣсто, за которыми старательно ухаживали и которое содержали въ чистотѣ; среди деревянныхъ домовъ, почернѣвшихъ, построенныхъ съ такою небрежностью, что они походили скорѣе на шатры, это было единственное зданіе, стѣны котораго состояли изъ кирпичей и извести, и даже кой-гдѣ изъ скромнаго, лишеннаго украшеній разноцвѣтнаго мрамора. Высокая, широкая, украшенная блестящею коринтскою ибѣдью дверь долго была открыта настежь и впускала внутрь все тѣснѣе наплывавшую многочисленную толпу. Внутренность эта, высокая и обширная, освѣщенная множествомъ лампъ и нѣсколько затемненная выдѣлявшимся изъ нихъ дымомъ, сверкала непорочною бѣлизною стѣвъ и потолка, среди которой блестяли лишь золоченныя рѣшетки, раздѣлявшія храмъ на двѣ половины: мужскую и женскую. Возлѣ одной изъ стѣвъ воздвигнутъ былъ алтарь, по обѣимъ сторонамъ котораго возвышались золоченныя колонны; на эти колонны опирались двѣ таблицы, исписанныя извѣстными еврейскими письменами; посреди между ними пурпурная занавѣсъ закрывала полукруглое отверстіе ниши, украшенное вѣнками изъ засохшихъ кедровыхъ и масличныхъ вѣтвей. Золотныя извѣстныя строки, начертанныя на таблицахъ изъ бѣлоснѣжнаго и прозрачнаго, какъ зеркало, фенгита, представляли собою десять синайскихъ заповѣдей; въ нишѣ, за пурпурной занавѣсью, находилась книга Израиля; засохшія вѣтки, украшавшія отверстіе ниши, отломаны были съ кедровъ, росеникъ на горахъ Ливана, и съ масличныхъ деревьевъ, вѣчавшихъ Сіонъ. Привезенныя сюда уже давно, онѣ завали и засохли, но ихъ не снимали до тѣхъ поръ, пока не явится возможность замѣнить ихъ свѣжими. Огни, горѣвшіе въ двухъ золоченныхъ свѣтильникахъ, обильнымъ свѣтомъ заливали алтарь и находившееся недалеко отъ него возвышеніе, отдѣлявшееся отъ мраморнаго пола нѣсколькими ступеньками. На возвы-

шеніе входили обыкновенно для того, чтобы читать и изъяснять народу тору, а также тѣ, которые, прибывая изъ далекихъ странъ, рассказывали о далекомъ отечествѣ, о разсѣянныхъ по всему міру братьяхъ, о новыхъ идеяхъ или трудахъ, предметомъ которыхъ были религиозныя вѣрованія, общественное устройство или политическія надежды побѣжденнаго народа. Въ эту минуту на возвышеніи не было еще никого, движеніе наплывавшаго народа не прекращалось, и дверь храма открыта была настежь. Моаде-Эль, священное собраніе, созываемое здѣсь съ религиозной или политической цѣлью, быть можетъ, никогда еще не было столь многочисленно. Симеонъ собралъ его въ позднее время для того, чтобы присутствовать въ храмѣ и укрѣпиться здѣсь духомъ могъ всякій, не только зажиточный житель предмѣстья, для котораго время не было столь дорого, но также, по прекрасному выраженію торн, и „тотъ, который рубить дрова, и тотъ, который носить воду“.

По одной сторонѣ золоченой рѣшетки собрались мужчины; скамьи другой, отдѣленной нѣсколькими мраморными ступенями, наполнились женщинами. Въ этомъ многочисленномъ собраніи внимательный глазъ замѣтилъ бы прежде всего одну особенность: почти совершенное отсутствіе молодыхъ людей. Кромѣ незначительнаго числа юношей, лица которыхъ, почти дѣтскія еще, безусыя и безбородныя, свидѣтельствовали, что они еще недавно вышли изъ отроческаго возраста, тамъ находились одни лишь старики или люди въ зрѣломъ возрастѣ. Правда, на улицахъ и площадяхъ квартала играло обыкновенно множество дѣтей, но между родемъ этихъ маленькихъ существъ и толпой сѣдѣющихъ или посѣдѣвшихъ уже отцовъ ихъ и дѣдовъ существовалъ пробѣлъ. Онъ состоялъ въ почти совершенномъ отсутствіи одного поколѣнія, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при извѣстїи о начинавшейся священной войнѣ, отправилось отсюда въ далекую отчизну и болѣе уже не вернулось. Одни изъ нихъ погибли на полѣ кровавыхъ

сраженій, въ пламени, разрушившемъ священный храмъ, подъ карающимъ мечомъ побѣдителей; другіе, разсѣянные по всему міру, вели страдальческую жизнь, или въ качествѣ военнопльннхъ жили въ тяжеломъ рабствѣ у побѣдителей. Въ будни, когда обиденныя занятія текли въ установившемся порядкѣ, эти послѣдствія несчастной войны менѣе поражали глаза и сердца. За то они выступали во всей своей печальной полнотѣ всякій разъ, когда община, какъ сегодня, собиралась вмѣстѣ въ одѣвхъ стѣнахъ и тысячами глазъ и сердець замѣчала отсутствіе своихъ лучшихъ, возлюбленныхъ силъ. Печальны, задумчивы были длинные ряды потемнѣвшихъ, обросшихъ волосами лицъ, отѣненныхъ желтыми или коричневыми чалмами; печально извивались черныя траурныя каймы на бѣлыхъ шаляхъ, почти до земли покрывавшихъ темныя хитоны. Еще недавно эти шали дѣлались только изъ бѣлоснѣжной шерсти; но съ того времени, какъ въ пламени и дымѣ пожара погибъ іерусалимскій храмъ, края ихъ, на которыхъ висѣли нити и кисти, напоминавшія о союзѣ съ Богомъ, стали обводить черными каймами. И не удивительно. Мудрецы въ Габне, засѣдавшіе въ собраніи, которое рѣшало о будущемъ Израиля, стали предполагать или, по крайней мѣрѣ, разглашать, что даже самъ ангель-Метатронъ, покровитель и защитникъ Іудей предъ лицомъ Всевышняго, украсилъ нынѣ трауромъ свои серебряныя крылья. Менѣе печаленъ былъ видъ женщинъ. На фонѣ мрамора, украшавшаго стѣны, можно было замѣтить много молодыхъ и свѣжихъ лицъ, съ которыхъ даже торжественность данной минуты не могла согнать румянецъ щекъ и улыбку. Надъ широкими плащами, спускавшимися съ плечъ до самой земли, покачивались головы пожилыхъ женщинъ въ цвѣтныхъ чалмахъ или вязаныхъ чепцахъ. Нѣкоторыя накинули на голову, плечи и лобъ бѣлое покрывало, изъ-подъ котораго видны были только большіе огненные восточные глаза и сдержанно улыбавшіяся пурпурныя губы. Здѣсь и тамъ на бѣломъ челѣ блестялъ золотой обручъ съ большой жемчужи-

ной посрединѣ, въ ухахъ висѣли дорогія серьги, на шеѣ извивались, опускаясь до вышитаго пояса, ожерелья изъ стеколь, похожихъ на алмазы. Не одна слеза катилась по блѣдному, изрытому морщинами лицу, какъ бриллиантъ сверкая при свѣтѣ лампы; не одни молодые, но печальные глаза глядѣли вдаль съ безпредѣльной тоской. Въ одномъ мѣстѣ позвякивали колокольчики или металлическія украшенія сандалій, въ другомъ раздавался долгій рыдающій вздохъ, перерывая собою слышавшійся кругомъ шепотъ.

Вдругъ шепотъ, вздохи, негромкія привѣтствія, тихое позвякиваніе сандалій и ожерельевъ смолкли; въ невозмутимую тишину превратился глухой шумъ, сопровождающій всегда болѣе или менѣе значительное собраніе людей и производимый даже легкими ихъ тѣлодвиженіями и дыханіемъ. Казалось, что присутствовавшіе лишились свободы движеній, и груди на мгновеніе перестали дышать. По ступенямъ, ведущимъ на возвышеніе, шелъ высокій, исхудалый человѣкъ, одѣтый въ римскую тунику, поношенную и разорванную,—явленіе здѣсь небывалое—и съ обнаженной головой, покрытой лишь черными спутанными волосами. Всѣ страданія тѣла и душевныя терзанія оставили слѣды свои на почернѣвшемъ, исхудаломъ, покрытомъ кровавыми рубцами лицѣ его; впалые глаза, потемнѣвшія вѣки, блѣдныя губы со страдальческимъ, но гордымъ очертаніемъ дышали неукротимой, жестокой, упрямой страстью. Выпрямившись, онъ сталъ на возвышеніи. Исхудалыя щеки его зардѣлись, онъ бросилъ вокругъ себя взоръ, метавшій искры, и, подавшись нѣсколько назадъ, поднялъ вверхъ руки какъ крылья. Въ ту же минуту, прежде чѣмъ онъ успѣлъ произнести первое восклицаніе, которое, казалось, подобно рыданіямъ вздымало волновавшуюся грудь его,—съ шумомъ сверкая жѣдными украшеніями, быстро и плотно захлопнулась высокая дверь храма.

Снаружи было тихо и ясно. Серебряный полумѣсяцъ, выплывшій изъ-за темныхъ садовъ цезаря, сіялъ на голубомъ фонѣ неба, окруженный множествомъ искрившихся звѣздъ. Затибрское пред-

мѣстѣ, со склонами двухъ холмовъ, покрытыми темной гущей садовъ, со свѣтившимися здѣсь и тамъ бѣлыми стѣнами лѣтнихъ жилищъ богачей, съ тѣснившеюся у подножья одного изъ холмовъ массою низкихъ, снабженныхъ плоскими крышами, домовъ, — было погружено въ глубокой сонъ; спали, казалось, даже плотно запертыя харчевни и окружающія ихъ жилища сирійцевъ. За тихо шумѣвшей рѣкой семихолмный Римъ, съ высоко возвышавшимися тяжелыми куполами храмовъ и базиликъ, темными сводами арокъ и серебрившимися при блескѣ луны портиками, казалось, засыпалъ подъ звѣзднымъ небеснымъ сводомъ тихимъ, безопаснымъ сномъ великана. Лишь изрѣдка за рѣкой и мостомъ, на улицахъ и площадяхъ Авентина раздавался среди тишины, подобно отдаленному грому, мѣрный и быстрый тонотъ множества человѣческихъ ногъ. Это были ночные патрули, въ различныхъ направленіяхъ обходившіе спящую столицу.

Кой-гдѣ еще на террасахъ еврейскаго квартала можно было замѣтить сѣрѣвшія кучки людей, сидѣвшихъ въ молчаніи, или неясныя очертанія одинокой фигуры, стоявшей надъ рѣшеткой террасы и возносившей къ небу руки въ тихомъ созерцаніи или страстной молитвѣ.

Глубокую тишину эту, воцарившуюся при слабомъ свѣтѣ полумѣсяца въ теплому воздухѣ, нарушалъ мужской голосъ за закрытою дверью храма, долгое время одиноко раздававшійся внутри его. Каменные стѣны и толстая дверь поглощали слова говорившаго, но звуки его голоса, глухо проникая наружу, казались пѣсней, состоявшею изъ всѣхъ тоновъ, какіе только можетъ произвести человѣческая грудь. Это былъ точно нескончаемый речитативъ, который то плылъ спокойно и тихо, то шумѣлъ какъ налетѣвшая буря, или, ускоренный и задыхающійся, походилъ на водопадъ, низвергающійся со скалы; онъ то гремѣлъ какъ боевая труба, или стоналъ подобно воплямъ погибающихъ отъ меча, голода и пожаровъ, или, наконецъ, разливался волнами безпредѣльной тоски, превращался въ плачь безсильнаго ребенка, въ бѣшенныя

рыданія сокрушенной груди бойца. Изрѣдка какое нибудь слово или имя явственно доносилось изнутри. Можно было слышать слова: войско, крѣпости, крѣпостныя стѣны, домашняя война, осада, голодъ, ночныя вылазки, храмъ, пожаръ, развалины, рѣзня, бѣгство. Слышались также названія странъ, народовъ и личностей: Римъ, Понтъ, Сирія, Идумея, Аравія, Египеть, Веспасіанъ, Титъ, Іосифъ Флавій, Іоаннъ Гискала. Видно было, что многіе народы различными образомъ принимали участіе въ рассказываемой драмѣ, что многіе города и страны были свидѣтелями разыгрывавшихся здѣсь сценъ ея, многіе мужи, прославившіеся на весь міръ, въ различныхъ направленіяхъ толкали ее къ окончательной развязкѣ. Когда въ первый разъ имя Іоанна Гискалы произнесли уста рассказчика, ему отвѣтилъ колоссальный, потрясшій нѣсколько тысячъ грудей вздохъ. При звукѣ имени величайшаго изъ вождей, неутомимѣйшаго ревнителя, непоколебимѣйшаго защитника Сіона, всѣ сердца громко забились, и груди испустили глубокой, долгой вздохъ. Потомъ всѣ опять остались недвижны, внимательны, въ нѣмомъ, каменномъ молчаніи.

Проходили часы; вдругъ голосъ рассказчика, какъ песчинка въ налетѣвшемъ облакѣ пыли, исчезъ въ громкомъ восклицаніи толпы, которое теперь не смолкло сразу, а, напротивъ, перешло въ долгой, беспорядочный, страстный говоръ множества голосовъ. Въ толгѣ, заключенной въ стѣнахъ, что-то закипѣло, и затѣмъ стало клокотать все страстнѣе и громче.

Стоя на возвышеніи, Іонатанъ кончилъ свое повѣствованіе не только о веденной войнѣ, окончившейся бѣдствіями осады столицы, но также о томъ, каковыи образомъ онъ самъ спасся бѣгствомъ отъ рукъ враговъ и потомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ скитался по негостеприимнымъ городамъ Сиріи, морямъ и островамъ Греціи, по знойнымъ и безлюднымъ пустынямъ Африки. При послѣднихъ словахъ разсказа онъ поднялъ еверху лицо и въ судорожно сжатой, высоко протянутой рукѣ показалъ народу короткій,

кривой мечъ Іоанна Гискалы. Всѣ встали со своихъ мѣстъ. Въ душномъ воздухѣ храма, въ туманномъ, хотя и яркомъ свѣтѣ лампъ, испускавшихъ густыя нити дыма, котораго не могли разогнать прислужники, поправлявшіе фитили, море головъ и рукъ пришло къ возвышенію. Уста всѣхъ были открыты, глаза подняты вверху, гдѣ Іонатанъ, возвышаясь надъ этимъ человѣческимъ моремъ, странно успокоивавшійся, съ видомъ какъ бы жреца подносилъ къ глазамъ и губамъ приближавшихся къ нему мужчинъ и женщинъ блестящій обоюдоострый мечъ великаго мужа. Онъ теперь не произносилъ ни слова; за то они, говоря, стена, плача, разсматривали оружіе, прикасались къ нему, цѣловали его. Забывая о самыхъ важныхъ обрядовыхъ предписаніяхъ, женщины смѣшались съ мужчинами и также стремились увидѣть народную святиню. Тамъ были матери, жены и сестры тѣхъ, которые погибли, сражаясь рука объ руку съ Іоанномъ Гискалой. Одна изъ нихъ сдѣлала такое движеніе, словно желала обнять руками своими этотъ мечъ и убаюкивать его, какъ ребенка. Въ холодной блестящей поверхности стали прикасались устами, цѣлуя ее, юноши и дѣвушки; ее орошалъ дождь слезъ, вытекавшихъ изъ погасшихъ; набѣлѣвшихъ глазъ. Были такіе, на лицахъ которыхъ отпечатлѣвалась борьба. Отвращеніе, питаемое къ убійствамъ и крови, какая-то высокая идея, почернувшая въ одномъ изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ народной традиціи, приводили въ дрожь наклонявшіяся надъ мечомъ головы.

Горій, послѣдователь вроткаго Гиллея, нѣсколько разъ нагибался къ оружію героя и столько же разъ отворачивалъ отъ него покраснѣвшее лицо свое съ выраженіемъ страданія; наконецъ одно изъ борющихся въ немъ чувствъ одержало побѣду, и уста его запечатлѣли на холодной стали долгій любовный поцѣлуй. Однако, онъ тотчасъ же выпрямился, протянулъ къ алтарю руки и воскликнулъ со взрывомъ страданія:

— О, Предвѣчный, посмотри, что сдѣлали съ Твоимъ наро-

домъ враги его! Онъ цѣлуетъ орудіе смерти и воздастъ почитаніе острію, проливающему кровь!

— Величайшая обида, нанесенная намъ врагами, о, Горій, это ядъ ненависти, который они влили въ сердце народа!

Слова эти шепотомъ произнесъ Юстъ, глаза котораго, однако, жадно впивались въ мечъ Іоанна Гискалы.

Въ ту же минуту раздался стукъ колънъ, ударявшихся о мраморъ, и тѣль, которыя бросились на полъ. Море лицъ молодыхъ и старыхъ, мужскихъ и женскихъ, исчезло, потому что всѣ они прикоснулись лбами въ мраморному полу, или, низко наклоненныя, закрылись руками, а въ душномъ воздухѣ и дымномъ освѣщеніи храма загремѣлъ могучій гимнъ:

„Волеи и медвѣди опустошили мою землю, землю, которая была моею радостью, а меня отдали въ рабство, и никто не защищалъ меня, никто не судилъ моего дѣла. И вотъ я черна какъ воронъ, я, которая была бѣла какъ голубка, ибо домъ мой опустошенъ и земля безлюдна!

„О, Всевышній, какъ Ты принизилъ дѣтей своихъ! Слава Твоя оставила храмъ нашъ, и чужіе войны ругались надъ кивотомъ завета. И вотъ я черна какъ воронъ,—я, которая была бѣла какъ голубка, ибо домъ мой опустошенъ и земля безлюдна!“

Іонатанъ, выпрямившись, молча стоялъ на возвышеніи; онъ дышалъ медленно и глубоко, какъ человѣкъ, отдыхающій по совершеніи задуманнаго имъ дѣла. Лицо его выражало спокойствіе, навѣянное на него окончаніемъ предпріятой имъ задачи. Онъ сдѣлалъ то, что считалъ своимъ священнымъ долгомъ: словами своими онъ воспламенилъ духъ народа въ пользу дѣла, котораго самъ не могъ уже защищать оружіемъ. Съ гордостью, медленно обвелъ онъ глазами храмъ, и взоръ его вдругъ остановился на женской фигурѣ, которая одна, среди наклоненныхъ и качавшихся головъ, стояла за блестящей позолотою рѣшеткой, прямая, неподвижная, всматриваясь въ него глазами, въ которыхъ ужась

смѣнивался съ чувствомъ глубочайшаго почитанія. Волна, тѣснившаяся къ возвышенію, не увлекла ея за собой. Она ухватилась обѣими руками за рѣшетку и сопротивлялась волнѣ, которая хлынула неудержимо съ мраморныхъ ступеней. Непреодолимый, холодный ужасъ овладѣлъ ею, когда Ионатанъ рисовалъ картины страшнаго кровопролитія и истребленія. Ни за что, ни за что въ мірѣ она не могла бы приблизиться къ этому человѣку, ни даже пальцемъ прикоснуться къ этой стали, которая нѣкогда тысячи разъ окуналась въ человѣческой крови. Ноги подкашивались подъ нею; кровавый туманъ застилалъ ея глаза, и только маленькія руки судорожно, съ силою, которой нельзя было ожидать отъ нихъ, сжимали металлическую рѣшетку, которая въ эту минуту была для нея опорой и защитой. Но глаза ея, полные ужаса, смѣшаннаго съ почитаніемъ, не могли оторваться отъ этого человѣка, который такъ долго боролся и страдалъ. Вдругъ она бросила взглядъ на волновавшееся море наклоненныхъ къ землѣ человѣческихъ тѣлъ и головъ. Безпредѣльная жалость, жгучее состраданіе выразились на лицѣ ея. Она опустилась на колѣни, ударила лбомъ о золоченую рѣшетку, и слезы градомъ похилились изъ глазъ ея, когда въ душномъ воздухѣ и туманномъ освѣщеніи храма загремѣли послѣднія строфы пѣсни:

„Доволь, о, Господи, довольно же будутъ томить голубку Твою сѣти птицелова? Столько разъ весна и зима миновали уже съ того времени, какъ она дрожитъ подъ остріемъ меча, въ львиной челюсти и подъ игемою врага! И вотъ я стала черна какъ воронъ,—я, которая была бѣла, какъ голубка, ибо дождь мой опустошенъ и земля безлюдна!“

VII.

О Марсовомъ полѣ въ Римѣ существовало старое преданіе, нисколько не похожее на то, которое чарами поэтическихъ воспоминаній освящало рошу Эгеріи. Тамъ листья на деревьяхъ и

струи ручья рассказывали о благодѣтельномъ царѣ-закоподателѣ и доброй его нимфѣ. Здѣсь полки, собиравшіеся для смотровъ и учений, брицаиѣмъ оружія и шумомъ примѣрныхъ сраженій въ теченіи долгихъ вѣковъ напоминали о кровавой борьбѣ народа, освободившагося изъ-подъ жестокаго владычества Тарквинія Гордаго. Краснорѣчивый римскій историкъ рассказываетъ это преданіе слѣдующими словами: „Дѣло о собственности Тарквинія попало на разсмотрѣніе сената. Сильный гнѣвъ взялъ перевѣсъ надъ всѣми соображеніями... Поле Тарквинія, между Тибромъ и городомъ, было посвящено Марсу, а въ это самое время оно было покрыто спѣлыми посѣвомъ хлѣба. Присланная сюда толпа срѣзала хлѣбъ до корня и бросила въ Тибръ колосья съ зерномъ. Теченіемъ выбросило хлѣбъ на мель, гдѣ онъ былъ занесенъ слоемъ ила, и такимъ образомъ возникъ постепенно островъ, на которомъ теперь возвышаются храмы и портики“.

Что доброму и мудрому Нумѣ могъ наследовать жестокій и гордый Тарквиній,—это было для римскаго народа урокомъ, котораго онъ не забывалъ въ теченіи столѣтій. Все прошло. Звуки жгительныхъ серповъ, срѣзывавшихъ хлѣбъ Тарквинія, чтобы въ знакъ презрѣнія бросить его въ волны рѣки, съ теченіемъ времени превратились въ отголосокъ, все слабѣе раздававшійся въ ухахъ и сердцахъ отдаленныхъ поколѣній. Но была еще гореть людей, которыхъ поле, посвященное богу войны, и островъ среди рѣки напоминали о рѣдкомъ историческомъ фактѣ, когда справедливость осталась побѣдительницей въ борьбѣ съ насиліемъ.

Императорскій Римъ наполнялъ теперь шумомъ разливавшейся вокругъ жизни и блескомъ огромныхъ богатствъ принадлежавшее нѣкогда Тарквинію поле. Съ одной стороны его, за желтой полосой рѣки, перехваченной драгоценными скобами мостовъ, со сверкавшимъ на ней, подобно драгоценному камню, островомъ, „на которомъ возвышались храмы и портики“, широкой базальтовой лентой вилась Триумфальная дорога, а надъ ней, на голу-

божь фонъ неба, обрисовывался неровныя очертанія склоновъ Ватиканскаго холма со спускавшимися къ рѣкѣ темными, густыми садами, которые были устьяны серебрившимися на солнцѣ стѣнами легкихъ зданій.

Насупротивъ рѣки съ мостами и островомъ, Триумфальной дороги и покрывавшихъ Ватиканскій холмъ садовъ, безконечными рядами дворцовъ и аркадъ простирались со склоновъ Квиринала и Капитолія широкія, вымощенныя застывшей лавой улицы до краевъ обширнаго пространства, покрытаго вѣчно свѣжою зеленью травы и освѣжаемаго множествомъ фонтановъ, которыхъ тихое журчаніе сливалось съ шепотомъ лавровыхъ и миртовыхъ деревьевъ, а брилліантовый дождь падалъ къ стопамъ бѣлоснѣжныхъ, бронзовыхъ, золоченыхъ статуй, казавшихся заколдованной неподвижной, драматической и любовной толпой боговъ, героевъ, царей и поэтовъ. Водяные столбы, снопы и дуги вылетали изъ огромныхъ раковинъ, которыя держали въ бронзовыхъ рукахъ могучіе тритоны съ полу-змиьинимъ, полу-человѣческимъ тѣломъ, изъ раскрытыхъ челюстей дельфиновъ, изъ чангъ, поддерживаемыхъ стройными руками дѣвственныхъ нерендъ.

Среди весенней травы, въ рамкахъ изъ самшита и фіалокъ, окружая миртовыя и лавровыя рощи, множество дорожекъ, въ неразрѣшимомъ на первый взглядъ хаосѣ, вилось и бѣжало къ подножью наибольшаго въ Римѣ портика — двухъэтажной широкой галлерей, внизу которой могли свободно разѣхаться двѣ колесницы, запряженныя каждая четырьмя лошадьми, а наверху вмѣщалась и расхаживала многотысячная толпа. Большой портикъ выбѣгалъ по самому берегу рѣки изъ-подъ сводовъ высокихъ воротъ, кружевной каймой своихъ колоннъ и барельефовъ прорѣзывалъ въ ширину на всемъ протяженіи принадлежавшее нѣкогда Тарквинію поле и исчезалъ у подножія Капитолія за огромными овальными стѣнами цирка Фламинія, увѣнчаннаго, какъ-бы гирляндой изъ пламени, капителями колоннъ изъ коринтской мѣди, ярко свер-

кавшей на солнцѣ. Здѣсь, подѣ стѣной Канитоля, вокругъ цирка Фламинія, тѣснились зданія различной величины, предназначенныя для различныхъ цѣлей. Храмы Геркулеса и Минервы, богини войны Белонны и египетской Изиды, Пантеонъ съ большими выпуклыми куполомъ, громадныя бани Нерона, полукруглой формы *критты* трехъ театровъ, ряды аркадъ, наполненныхъ дорожками товарами, дворцы знати, длинныя колоннады, закрывавшія нижніе этажи дворцовъ, — всё эти произведенія и чудеса зодческаго искусства, воздвигнутыя въ разное время и для разнообразныхъ цѣлей, представляли собою сплошную массу мрамора, бронзы, слоновой кости и драгоценныхъ металловъ, обильно украшенную живописью и барельефами. Эти барельефы представляли собою то вѣнки цвѣтовъ и листьевъ, высѣченныхъ изъ камня, которые обвивали прозрачную стѣту колоннадъ; то множество каменныхъ челоувѣческихъ, дѣтскихъ, звѣринныхъ обликовъ, восплазавшихъ на громадныя стѣны; то веселыхъ фавновъ, шаловливыхъ амуровъ, задумчивыхъ сфинксовъ, могучихъ львовъ, дельфиновъ, орловъ, коршуновъ, змѣй, легендарныхъ и не встрѣчаемыхъ въ природѣ соединеній въ одно цѣлое животныхъ и челоувѣческихъ формъ тѣла, которые привлекали къ себѣ или грозили съ вершинъ, фризовъ, карнизовъ, изъ-подъ пороговъ и стѣнъ.

На крышахъ портиковъ и галлерей дворцовъ расцвѣтали словно воздушныя сады; въ окнахъ храмовъ и верхнихъ этажей дворцовъ блестяли хрустальныя стекла и разивѣвались разноцвѣтныя ткани; въ аркадахъ поражали глаза несмѣтныя богатства и ослѣпительный блескъ восточныхъ ковровъ и тканей, греческихъ сосудовъ, золотыхъ, серебряныхъ, рѣзныхъ, расписныхъ, александрійскихъ стеколъ и хрусталя самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и формъ; дорогіе сорта деревьевъ, мозаика, драгоценныя камни, жемчугъ, янтарь, ониксы, агаты, черепаха и слоновая кость — все это въ видѣ художественныхъ произведеній столярнаго, рѣзаннаго и ювелирнаго искусства.

Такой видъ имѣла теперь часть того поля Таревинія, на которомъ нѣкогда возмѣтились и шумѣли колосья засѣвавшагося въ пользу царской казны хлѣба. Другую часть его побѣдоносный народъ, истребившій и бросившій въ рѣку царскую жатву, предназначилъ для выполненія самыхъ важныхъ функций своей общественной жизни: для смотровъ и ученій войскъ, для собраній, въ которыхъ избирались консулы, диктаторы, цензоры, трибуны, преторы, эдилы, словомъ — всѣ тѣ, которые, по волѣ народа, должны были занимать государственныя должности и управлять государствомъ. Эту часть поля, посвященнаго Марсу, съ одной стороны ограничивалъ Тибръ, съ другой — сады Помпея и Лукулла, похожіе теперь на лѣса; съ третьей — Широкая улица (*via lata*), отбавшая подножье Квиринальскаго холма. Мѣсто это, носившее названіе *Сентовъ*, представляло собою открытую, обширную площадь, которую отъ края до края наполняло нѣкогда бряцаніе оружія или бурныя, безпкойныя пренія вольнаго народа, дѣлавшаго здѣсь употребленіе изъ одного изъ важнѣйшихъ правъ своихъ. Первый Октавіанъ-Августъ употребилъ это мѣсто для публичныхъ зрѣлищъ, которыя забавляли и селоняли въ его пользу бурную и жаждавшую впечатлѣній толпу. Съ того времени ученія и смотры войскъ происходили здѣсь по прежнему, но народъ не избиралъ уже изъ среды своей лицъ для занятія государственныхъ должностей. Всѣ онѣ сосредоточивались теперь въ рукахъ одного лица. Цезарь былъ императоромъ, т. е. главнокомандующимъ войскъ, диктаторомъ, консуломъ, трибуномъ, цензоромъ. Второстепенныя должности замѣнялись людьми, имена которыхъ вѣтеръ доносилъ съ Паллатіума до ушей народа, неслучно потерявшаго ихъ на Сентахъ. За то очень часто Сенты наполнялись радостными толпами, которыя цезарь забавлялъ зрѣлищами и кормилъ хлѣбомъ, выдаваемымъ иногда съ безумною щедростью...

Большая Фламиніева дорога, проведенная Августомъ, широкой лентой вилась подъ лѣсистой зеленью садовъ Помпея, соеди-

нялась съ Широкой улицей въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивались Септы, и такимъ образомъ достигала центра города. На краѣ ея, подобно прямому и стройному гиганту, возносились надъ зеленью садовъ до голубого неба свѣтлая гробница Августа, съ высоко и неподвижно горѣвшими на ней огромнымъ золотымъ шаромъ.

Какъ музыкальный аккордъ, гармонически отвѣчающій другому аккорду, этой гробницѣ соответствовалъ на значительномъ разстояніи отъ нея, поднимая голову свою еще выше, обелискъ солнца, на тонкой, остроконечной вершинѣ котораго стоялъ въ образѣ могучаго юнѣши съ длинными волосами и семицвѣтной короной на головѣ, съ лирой въ рукахъ и пастушескимъ посохомъ у ногъ, богъ свѣта, обилія, молодости и творческихъ вдохновеній—Фебъ-Аполлонъ. У подножья этого обелиска, окружая все пространство, на которомъ нѣкогда происходили собранія, возвышались амфитеатромъ ступени, а внизу находились обширныя, украшенныя пурпуромъ и позолотой, трибуны и ложи.

Самые старые изъ жителей припоминали, что во времена ихъ дѣтства на этомъ самомъ мѣстѣ Октавіанъ-Августъ увеселялъ народъ троянскими играми. И вотъ, теперь опять на обширной аренѣ, устланной мягкимъ и обильно увлажненнымъ ковромъ травы, должны были произойти эти игры, въ которыхъ принимали участіе не наемные фокусники и акробаты, не нахальные возницы изъ цирка, не рожденные въ рабствѣ гладіаторы, не любимые даже музыканты и декламаторы, но многочисленная блестящая молодежь двухъ высшихъ сословій: сыновья сенаторовъ и патриціевъ. Во главѣ ихъ долженъ былъ находиться, избранный предводителемъ молодежи въ этихъ играхъ, сынъ цезаря, покоритель Иудеи, прославленный за свою красоту, мужество и умъ, Титъ, будущій цезарь.

Было раннее утро. Солнце, восходившее за Квиринальскимъ холмомъ, наполнило блѣдно-розовымъ свѣтомъ внутренность глубокой котловины, стѣны которой сверху до низу уже покрыты были

человѣческими фигурами, одеждами и лицами. Всю ночь на Марсовомъ полѣ шумѣло море народа, который ожидать здѣсь наступленія дня и значительная часть котораго при первомъ отблескѣ разсвѣта съ радостнымъ крикомъ столпилась на круглыхъ скамьяхъ. Четырнадцать скамеекъ, предназначенныхъ для патриціевъ, наполнились уже до тѣсноты, но величавая чинность въ манерѣ держать себя, свойственная людямъ высшихъ слоевъ общества, а также заботливѣе отношеніе къ нимъ *десигнаторовъ*, чиновниковъ, на обязанности которыхъ лежало указывать мѣста и водворять порядокъ, устранили здѣсь толкотню и шумъ, которые господствовали наверху, гдѣ находились толпы купцовъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ, поденщиковъ, челяди, особенно же солдатъ. Въ этой толпѣ невозможно уже было отличить коренныхъ римлянъ отъ выходцевъ изъ Греціи, Сиріи, Малой Азіи, Африки, Испаніи, жившихъ здѣсь уже давно или вновь переселившихся, даже изъ недавно завоеванной Галліи и Британіи и испытавшихъ уже на себѣ силу римскаго оружія союзныхъ германскихъ провинцій. Рядомъ съ потомками древнихъ квиритовъ, смуглыхъ, съ узкими лбами и гордымъ даже въ лохмотьяхъ видомъ, рядомъ съ ловкими, стройными, болтливыми греками и сирійцами съ хитрыми глазами и циническими лицами, можно было видѣть сильныхъ, тѣжеловѣсныхъ каннадокійцевъ, черныхъ нубійцевъ, бѣлокурыхъ, крѣпко сложенныхъ германцевъ, живыхъ, веселыхъ, съ удивительною легкостью воспринимавшихъ римскую цивилизацію галловъ, полудивныхъ, мрачныхъ бриттовъ, испанцевъ съ огненнымъ взглядомъ, гибкихъ, худощавыхъ пареянъ, желтокожихъ, ушныхъ, съ быстрыми глазами и иронической улыбкой на губахъ египтянъ, изъ которыхъ не одинъ, вѣроятно, при видѣ окружавшей его роскоши и обрядовъ, съ гордостью потомка знатнаго рода первое возникновеніе ихъ усматривалъ въ прошломъ своего отечества. Восточное преданіе о Вавилонской башнѣ, казалось, осуществилось въ этомъ смѣшеніи всевозможныхъ племенъ и языковъ, которыхъ завоеваніе, жагда

наслаждений, разнообразныя дѣла и непреодолимое тяготѣніе, замѣчаемое всегда въ низшей цивилизаціи по отношенію къ высшей, привлекли въ столицу міра.

Надъ этимъ хаосомъ чувствовалась сила меча, соединявшая въ одно послушное цѣлое разнородные элементы. Эта сила чувствовалась въ огромномъ количествѣ солдатъ разнаго рода оружія; принадлежавшихъ къ различнымъ племенамъ, которые, смѣшавшись здѣсь съ толпою и вмѣстѣ съ нею ожидая зрѣлищъ, господствовали надъ нею смѣло, гордостью, свободой рѣчи и движеній, готовой, казалось, уничтожить все, что могло ей не понравиться, зная, что это не повлечетъ за собою наказанія.

Въ самомъ дѣлѣ, верховнымъ вождемъ ихъ и судьей былъ самъ цезарь. А кто же, если не они, сдѣлали его цезаремъ? Кто создалъ желѣзное основаніе для Палаціума, на которомъ онъ стоялъ безопасно? Одни ли они совершили это? Нѣтъ, въ этомъ принимали участіе также чернь, которая въ эту минуту, при видѣ входящаго въ одну изъ ложъ сына цезаря, издастъ бѣшенныя восклицанія въ честь его, и эти толпы богатыхъ щеголей, шалонаевъ, гулякъ обоюго пола, которые теперь только начинаютъ наполнять ложи и трибуны ослѣпительнымъ богатствомъ нарядовъ и шумомъ пустыхъ, бессодержательныхъ разговоровъ своихъ. Но не эти, о! навѣрно не эти трибуны и ложи, которыя медленно и какъ бы нехотя начинаютъ занимать мужчины и женщины, даже сегодня, въ день зрѣлищъ, въ день Аполлона, не оставившіе своей важности, суровости, задумчивости, въ глубинѣ которой кипятъ вѣчныя и непримиримыя бунты. Смертью и изгнаньемъ опустошались уже ряды ихъ подозрительныя и мстительныя руи девяти предшествовавшихъ цезарей, однако, они существуютъ еще, присутствуютъ также и здѣсь, а изъ иррачныхъ глазъ ихъ, кажется, исходить, все далѣе и далѣе въ будущее, тотъ лучъ, который блестялъ на серпахъ, срѣзывавшихъ царскій посѣвъ на Тарвиніевомъ полѣ...

Трибуны и ложи были почти уже полны. Въ одной изъ нихъ

Цестій, предводитель побѣжденныхъ въ Іудеѣ войскъ и непримиримый врагъ іудейскаго племени, закутанный въ бѣлоснѣжную штору золотомъ лативлаву, опирался на богато вышитыя подушки, угрюмый и раздраженный, не смотря на то, что его окружали въ значительномъ числѣ друзья и кліенты, мужчины и женщины. Съ нимъ не было молоденькой и красивой жены его, которая увѣровала въ іудейскаго Бога. За то безпрестанно раздавалась тамъ громкая латинская и греческая рѣчь Кам Марціи, державшей на рукахъ неразлучную съ ней собачку; другія женщины прижимали къ обнаженнымъ грудямъ карликовъ, обезьянъ, поугаевъ и даже ученыхъ голубей и скворцовъ; лѣнивый Стелла распустилъ широкіе рукава своего прозрачнаго женскаго плаща; изящный Баръ распространялъ вокругъ себя сильный запахъ духовъ; поэтъ Марціалъ составлялъ наскоро злыя эпиграммы, отъ которыхъ громкимъ смѣхомъ оглашалась обширная, многолюдная ложа.

Недалеко отъ этой ложи вниманіе многихъ обращала на себя величественная Фанія, жена претора, одѣтая въ скромную столу. Лишь нѣсколько большихъ рубяновъ блестяло въ черныхъ волосахъ ея, серебряное покрывало, спускавшееся съ головы, легкимъ облакомъ окутывало ея станъ. Ее окружало много людей: тамъ были женщины пожилыя, молодыя дѣвушки, мужчины въ коричневыхъ плащахъ и съ длинными бородами, въ которыхъ узнавали философовъ. Спокойныя, сдержанныя движенія и осанка присутствовавшихъ въ этой ложѣ вѣрно изображали собою настоящій суровый типъ римскаго племени. Разговоры велись тамъ тихіе, тѣмъ не менѣе оживленные, улыбка играла на устахъ молодыхъ людей, а глаза метали искры. Фанія, любезная и внимательная, казалась, однако, безпокойной, и большая, чѣмъ обыкновенно, блѣдность покрывала ея щеки. Гельвидія не было въ ея ложѣ. Какъ преторъ, онъ долженъ былъ съ вершины высокихъ воротъ подать знакъ для начатія игръ, которыя безъ его разрѣшенія не могли начаться. Цезарь Веспасіанъ еще не прибылъ. Позволить ли вспыл-

чивши и придерживающійся буквы закона Гельвидій начать игры раньше прибытія цезаря? Наружность и лицо Фаніи казались сповоинными, но сердце ея подъ мягкими складками снѣжной ткани сильно билось. Обратившись въ ирошѣ, стоявшему за ней, она тихо сказала:

— Не можешь ли ты, Артеמידоръ, добраться до выхода и передать отъ меня Гельвидію пару словъ?

— Попробую, домина, — быстро возразилъ художникъ. — Что я долженъ сказать твоemu мужу?

— Скажи ему, что я его прошу... чтобы онъ помнилъ о маленькомъ нашемъ Гельвидіѣ...

Артеמידоръ, съ почтеніемъ низко наклонивъ голову, вышелъ изъ ложи претора, преслѣдуемый взглядомъ одной изъ молодыхъ дѣвушекъ, окружавшихъ Фанію, и огненными глазами богатой Фульвіи, съ которой послѣ короткой, но прогремѣвшей по всему Риму любовной связи онъ разошелся годъ тому назадъ. Эта прекрасная и знатнаго происхожденія жена богатаго вольноотпущенника блистала великолѣпнѣмъ своего наряда и расточала предести нисколько не скрываемаго кокетства въ той самой трибунѣ, на которой Элій Ламія привлекалъ на себя общее вниманіе шумною и ни на что, казалось, не обращающею вниманія веселостью. Съ того времени, какъ одинъ изъ сыновей цезаря соблазнилъ и похитилъ жену его, онъ сдѣлался предметомъ нескончаемыхъ разговоровъ, любопытства, сожалѣнія и насмѣшекъ. Онъ зналъ это. Съ небрежными жестами вельможи, не обращающаго вниманія на толки о немъ въ толпѣ, въ одеждѣ и съ видомъ чловѣка, который чувствуетъ себя слишкомъ молодымъ и знатнымъ, чтобы полученный имъ ударъ могъ привести его въ отчаяніе, онъ появился въ трибунѣ въ сопровожденіи многочисленныхъ веселыхъ друзей и кліентовъ, непринужденный, смѣющійся, блестящій.

Громкія, слегка лишь звучащія ироніей шутки его слышали даже тѣ, которые сидѣли на значительномъ отъ него разстояніи;

съ воодушевленіемъ декламировалъ онъ любовные стихи, сочиненные недавно однимъ изъ тогдашнихъ поэтовъ, наклонился въ Фувлин и любезными словами выражалъ свое удивленіе по поводу красоты ея и украшавшихъ ее драгоценныхъ камней. И только лишь однажды, когда сынъ цезаря, Домиціанъ—тонкій, блѣдный, съ пробивавшеюся уже лысиной на головѣ юноша, окруженный множествомъ сановниковъ, среди которыхъ преобладали военные, появился среди пурпура, позолоты и рѣзбы царской ложи, небрежное и упивавшееся весельемъ лицо Ламіа приняло такое выраженіе, какъ будто бы онъ на мгновеніе снялъ съ него маску. Въ это быстрое, какъ молнія, мгновеніе оно казалось измятымъ и воспламененнымъ гнѣвомъ и отчаяніемъ. Запылавшіе вдругъ огнемъ глаза обезчещеннаго мужа бросили на измятое, злое лицо обожествителя взглядъ, полный мрачной и бѣшеной ненависти; но маска веселья быстро опять покрыла лицо Ламіа, и только въ глазахъ его огонь потухалъ медленно, потому что взоръ его встрѣтилъ много дружескихъ взглядовъ, въ которыхъ онъ прочелъ понятные для него знаки сочувствія и единомыслія.

Уже одна только трибуна оставалась не занятою. Обширная и убранныя не менѣе роскошно, чѣмъ императорская, она обращала на себя общее вниманіе. Почему въ ней не появлялись тѣ, которыхъ публика ожидала съ величайшимъ любопытствомъ? Всѣмъ было извѣстно, для кого она была предназначена. Почему не являлась та, имя которой произносили сегодня уста всѣхъ? Быть можетъ, ее задержала на ложѣ сна восточная нѣга? или въ мечтахъ о царственномъ возлюбленномъ она забыла о сегодняшнемъ торжественномъ праздникѣ чуждаго ей народа? Быть можетъ, она не могла оторваться отъ зеркала, желая услышать сегодня изъ устъ возлюбленнаго слово, котораго она ждала уже давно, и приобрѣсть любовь народа, повелительницей котораго она желала сдѣлаться? Тѣ, которые находились внутри, не могли видѣть приближавшихся къ амфитеатру. Въ ложи и трибуны входили черезъ

многочисленные корридоры, облегчавшие приливъ и отливъ зрителей. Вдругъ тысячи устремленныхъ въ ту сторону глазъ за прозрачной рѣшеткой запертыхъ воротъ увидѣли рядъ пробѣжавшихъ людей, одѣтыхъ въ бѣлую одежду и державшихъ въ рукахъ топоры съ пучками прутьевъ. Это были ливторы, которые бѣжали одинъ за другимъ, предшествуя нѣсколькимъ величественнымъ и блестящимъ носилкамъ, окруженнымъ отрядомъ конныхъ германцевъ, вооруженныхъ луками, покрытыхъ шкурами дикихъ звѣрей и пускавшихъ по вѣтру длинныя бѣловурныя волосы. Тамъ появлялась всегда на улицахъ Рима свита еврея Агриппы, властителя, подареннаго ему римскими императорами крохотнаго государства Халкиды. Этимъ почти фантастическимъ царствованіемъ онъ дѣлился съ своей сестрой и вмѣстѣ съ ней, а можетъ быть—черезъ нее, онъ пользовался высочайшими почестями и отличіями, которыми были ему здѣсь оказываемы: онъ вмѣля ливторовъ, военную стражу, носилъ сенаторскую одежду. Свита его промелькнула за легкой рѣшеткой запертыхъ воротъ. Черезъ нѣкоторое время на верхней изъ ступеней, ведущихъ къ деэаитой до сего времени трибунѣ, появилась ослѣпительная женская фигура и, волнуемая—кто знаетъ, какими чувствами, на минуту остановилась неподвижно.

Быть можетъ, въ тотъ день, когда должна была окончательно рѣшиться судьба ея, видъ чуждаго ей народа пробудилъ въ сердцѣ ея или совѣсти усиленную боязнь или угрызения, или, вѣрнѣе, она хотѣла показаться этому народу во всемъ великолѣпнѣй красоты и богатства и поводить ему въ теченіи минуты совершать во всемъ величій свою будущую поведительницу? Она была уже не въ первой молодости, и эвотъ-то именно зрѣлѣйшій возрастъ, въ которомъ она находилась, придавая формамъ ея тѣла силу и полноту расцвѣта, украшала ее по-истинѣ царскимъ величіемъ. Сила и гордость видѣлись во всей ея фигурѣ; отъ чертъ лица ея и одежды вѣяло востокомъ. Кто знаетъ, какая мысль или какое чувство побуждали ее, наковдвшуюся въ Римъ, жившую съ римлянами, одѣ-

ваться всегда по еврейски? Вѣроятно, съ проникательностью, свойственною женщинамъ, которая можетъ и желаетъ очаровывать, она отгадала, что одежда эта больше всего соответствуетъ ея красотѣ; вѣдь Титъ увидѣлъ ее въ первый разъ въ этой одеждѣ.

Съ сильныхъ и какъ-бы изсѣченныхъ изъ мрамора чуждыхъ плечъ ея опускался до самаго края платья, перехваченнаго богатымъ поясомъ, плащъ, ослѣплявшій разнообразіемъ узоровъ и красокъ. На облобѣжной груди ея, которую не закрывала узорная ткань плаща, висалась до самаго пояса толстая золотая цѣпь, къ звеньямъ которой былъ привѣшанъ цѣлый рой маленькихъ полумѣсяцевъ, звѣздъ, ушей и змій. Руки ея обвивали золотыя змѣи, внутри которыхъ, какъ всѣмъ было извѣстно, находились, въ формѣ таинственныхъ надписей, приносящіе счастье восточные талисманы. Изъ-подъ золотой діадемы, усыпанной драгоценными камнями, громадныя косы, такія черныя и блестящія, что затѣвали собою черныя, какъ вороново крыло, волосы римлянокъ, блестя вплетенными въ нихъ золотыми звѣздами и змѣями, опускались на плечи, грудь, руки, до самаго края плаща, смѣшиваясь и путаясь съ алмазными, достигавшими до плечъ, серьгами, съ блестящими сплетеніями и кистями пояса, на которомъ висѣли украшенные алмазами и наполненные духами флаконы и прозрачныя, искусно сплетенныя изъ жемчуга, наполненные золотыми монетами кошельки.

Ни одна изъ римлянокъ не носила такихъ плащей, поясовъ, цѣпочекъ и сплетенныхъ, свободно висѣвшихъ ностъ; ни одна изъ любившихъ роскошь римскихъ женщинъ не украшала себя такимъ изобиліемъ красокъ, узоровъ, драгоценныхъ камней и металловъ. Самая кокетливая изъ нихъ не имѣла на лицѣ своемъ того выраженія полусонной, мечтательной, послушной страсти, которое, привлекая, лаская, виднѣлось на смугломъ лицѣ, въ черныхъ бровяхъ, длинныхъ, волнистыхъ рѣсницахъ и полужакрытыхъ чувственныхъ глазахъ Вереники. Страстно преданный роскоши блеска и красокъ, полусонный, сладострастный востокъ Даріевъ, Сарда-

наваловъ и Соломоновъ, вазалось, перенесенъ былъ въ среду римскаго народа въ лицѣ этой женщины, при видѣ которой въ амфитеатрѣ на минуту воцарилась гробовая тишина, и вдругъ затѣвъ на самихъ верхнихъ ярусахъ раздался громъ рукоплесканій и восклицаній. Очаровательная красота ея и роскошь, съ какою она была одѣта, привлекли на ея сторону чувственную и обожающую богатство чернь, занимавшую верхніе ярусы амфитеатра.

— Привѣтъ тебѣ, Береника! Да здравствуетъ Береника! Софось! (браво) софось! софось!

Такъ гудѣла наверху разнопласенная, жадно искавшая впечатлѣній толпа, желая приобрести благосклонность сына цезаря; ладони тамъ складывались для рукоплесканій, головы волновались, руки размахивали по воздуху разноцвѣтными платками. Среднія скамьи, занимаемыя патриціями, изрѣдка лишь поддерживали это водушевленіе толпы; внизу, въ лежахъ и трибунахъ сенаторовъ, мужчины и женщины погружались въ глубокое молчаніе. Лишь кой-гдѣ придворный привѣтствовалъ вошедшую, приподнимаясь съ своего мѣста, възвѣсивъ жестомъ руки; Кая Марція, почти опираясь на плечи недовольнаго Цестія, издавала громкія восклицанія любовничества и удивленія; философы и сенаторы жмурились, степенныя женщины опускали глаза, даже на устахъ щеголей и кокетокъ появились презрительныя, насмѣшливыя улыбки. Рукоплесканія и возгласы наверху все еще продолжались, когда Береника приняла полулежачую, мягкую ногу, опустившись на пурпурины, шитыя золотомъ и жемчугомъ подушки, окруженная многочисленной толпой женщинъ въ блестящей и богатой восточной одеждѣ.

Съ другой стороны трибуны сѣли прибывшіе съ ней одновременно мужчины. Здѣсь всѣ имѣли на себѣ римскую одежду. Агриппа въ сенаторской лативлавѣ, блѣдный, холодный, молчаливый, имѣлъ видъ эпикурейца, изыскаго спокойствія котораго не могло возмутить ничто въ мірѣ. Рядомъ съ нимъ появился не-

своимъ не похожий на него, Иосифъ, еврей, который въ знакъ почитанія царствовавшего тогда въ Римѣ семейства Флавіевъ сталъ называть себя Флавиомъ, бывшій правитель Галилеи, обвиненный предводителями восставшихъ иудеевъ въ государственной измѣнѣ, писатель, прославившійся своими сочиненіями, писанными на греческомъ языкѣ, въ которыхъ онъ то лстылъ побѣдителямъ, то прославлялъ свой побѣжденный народъ, проклиная и представляя въ самомъ неблагоприятномъ свѣтѣ тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые дерзнули поднять руку противъ могущества Рима, возбуждавшего въ немъ искреннее и покорное чувство почитанія. Двойственность чувства и характера ясно рисовалось въ живой фигурѣ и подвижныхъ чертахъ лица Иосифа.

Какъ другъ Агриппы, пользовавшійся благосклонностью членовъ императорской фамиліи, онъ сѣлъ въ одномъ ряду съ царемъ Халкедом; за этими двумя выдававшимися представителями еврейской аристократіи въ Римѣ сидѣло и стояло много богатыхъ и вліятельныхъ евреевъ, которыхъ типическимъ представителемъ былъ банкиръ Момбазъ, жирный, вполне довольный собой, одѣтый въ римскую тогу и блестящій золотомъ и драгоценными камнями. Онъ и десятки два ему подобныя представляли въ Римѣ ту часть еврейскаго народа, которая въ отечествѣ своемъ носила названіе саддукеевъ. Владѣя значительнымъ имуществомъ, происходя изъ древнихъ родовъ, они присвоили себѣ до известной степени греческо-римскую цивилизацію, старались подражать обычаямъ побѣдителей половины міра, гуляли съими передъ собой, которая могла награждать всякими почестями и раздавать имѣнія, немножко философствовали, изъ школы Эпикура почерпали преимущественно науку спокойнаго пользованія благами жизни, бѣлыми, украшенными дорогими маленькими руками ворочали огромныя богатствами. Каждый изъ нихъ привелъ сюда ошивой своихъ, родственникововъ, лицовъ, помощниковъ и первыхъ слугъ своего дома. Многочисленная свита, не менѣе тѣхъ, которыми вокругъ патри-

цѣвъ составляли кліенты ихъ и слуги, заняла обширную и глубокую трибуну Агриппы; среди присутствующихъ выдѣлялся Юстъ простотою въ обращеніи и одеждѣ, а также тихою печалью, разлитомъ на лицѣ. Болѣе другихъ любимый или исполнявшій важнѣйшія при дворѣ Агриппы обязанности, онъ занялъ ближайшее возлѣ него мѣсто и изъ-за фестоновъ пурпурныхъ занавѣсей бросалъ вокругъ задумчивые взгляды. Вдругъ удивленіе и безысходство отразились въ спокойныхъ чертахъ его лица, а изъ устъ вырвалось быстро подавленное восклицаніе. Его взглядъ, блуждавшій между пестрою смѣсью лицъ и одеждъ, встрѣтилъ хорошо знакомую фигуру, которую онъ замѣтилъ, быть можетъ, лишь потому, что она была ему дорога и выдѣлялась изъ толпы характеристическими особенностями. Эти особенности состояли: въ чрезвычайной худобѣ тѣла, изорванной одеждѣ, обнажавшей во многихъ мѣстахъ почернѣвшую, загорѣлую кожу и темномъ исхудаломъ лицѣ, покрытомъ красными рубцами, съ черной исключенной бородой.

На одной изъ самыхъ низкихъ скамеекъ, предназначенныхъ для простаго народа, этотъ высокій, исхудалый человѣкъ въ изорванной одеждѣ не сидѣлъ, а стоялъ и такъ подался впередъ, какъ будто бы собирался подобно разъяренному тигру, броситься вдругъ на зеленѣвшую внизу арену. Его впалые глаза, окруженные темными кругами, изъ-подъ почернѣвшихъ вѣкъ и сдвинутыхъ мрачно бровей устремлены были на ложу Агриппы и Береники съ выраженіемъ то безпредѣльнаго сожалѣнія, то бѣшеной ненависти.

У Юста вырвалось короткое, быстро подавленное восклицаніе:

— Ионатавъ!

Зачѣмъ онъ пришелъ сюда? Какимъ образомъ, съ какою цѣлью замѣшался онъ въ эту толпу, въ которой тысячи глазъ могутъ узнать, тысячи устъ выдать его? Какая мысль, какое сумасброд-

ное намѣреніе могло родиться въ снѣдаемой горячкою головѣ этого челевѣка, который столько уже видѣлъ крови и мукъ, столько перенесъ бѣдствій и отчаянія, что могъ на все рѣшиться?

Поблѣднѣвъ, Юстъ съ минуту подумалъ; потомъ съ почти нѣмъ наклонился къ Агриппѣ и шепнулъ ему нѣсколько словъ. Молчаливый Агриппа съ равнодушною благосклонностію кивнулъ головой въ знакъ согласія, и Юстъ съ нѣсколькими слугами вышелъ изъ трибуны; черезъ минуту на одной изъ скамеекъ, предназначенныхъ для простаго народа, можно было замѣтить сильное движеніе, какъ бы отъ прилива новой волны, которая расталкивала пестрое море людей, очищая для себя мѣсто. Слышны были громкіе голоса десигнаторовъ, расчищавшихъ дорогу для того, кто, въ качествѣ секретаря царя Халкиды, имѣлъ право, вмѣстѣ съ сопровождавшими его слугами, занять среди толпы почетное мѣсто.

Но никто не замѣчалъ, даже сама толпа, того, что происходило на верхнихъ скамьяхъ. Третій часъ утра уже истекалъ, а императора все еще не было. Старый, больной, загрубѣвшій въ военной жизни, занятый преимущественно денежными дѣлами, Веспасіанъ не любилъ публичныхъ торжествъ и празднествъ. Но развѣ тысячная толпа должна была ожидать его въ такой тѣсотѣ и жарѣ? Не слѣдовало-ли соблюсти обычай, согласно которому общественныя увеселенія должны были начинаться тотчасъ же послѣ восхода солнца, и еще болѣе важныя, чѣмъ этотъ обычай, правила, предписывавшія праздновать день, посвященный богамъ, съ самаго начала его? На верхнихъ ярусахъ слышался глухой гулъ недовольныхъ голосовъ; внизу лица хмурились и губы обмѣнивались саркастическими улыбками. Въ рядахъ патриціевъ, сенаторовъ, придворныхъ, философовъ, артистовъ, щеголей и гулякъ различнаго рода самолюбія, недоброжелательства, обиды, воспоминанія и тщеславіе составляли горючій матеріалъ, который могла воспалить и превратить въ тихій, но опасный пожаръ малѣйшая искра.

Самъ Фебъ Аполлонъ, въ честь котораго праздновался этотъ день, на вершинѣ высокаго своего обелиска, казалось, сердился на людей, которые медлили воздать почитаніе празднику его, и изъ лучистой короны своей, купавшейся въ солнечныхъ лучахъ, металъ въ глаза имъ грозныя молніи.

Перев. А. Онуфровичъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКАГО ПЕЧАТНАГО ДѢЛА ВЪ РОССІИ.

(Посвящается памяти дорогого моего отца З. Я. М—ва).

I.

Предметъ настоящаго очерка составляетъ изложеніе важнѣйшихъ фактовъ, касающихся исторіи развитія еврейскаго печатнаго или книжнаго дѣла въ Россіи за послѣднія сто лѣтъ. Какъ печатались и распространялись наши книги до послѣдняго времени?—вотъ вопросъ, на который мы бы хотѣли хоть въ общихъ чертахъ дать отвѣтъ въ предстоящемъ изложеніи. Этотъ вопросъ до сихъ поръ спеціально не разсматривался въ нашей литературѣ, въ которой мы находимъ лишь отдѣльныя указанія на нѣкоторые относящіеся къ нему факты. Пользуясь этими немногими указаніями и собственными нашими скромными изысканіями, мы постараемся вкратцѣ изобразить ходъ развитія нашего книжнаго дѣла за послѣднее столѣтіе. И тутъ же мы предварительно должны заявить, что задача нашего очерка не спеціально-библіографическая—въ этой области мы чувствуемъ себя слишкомъ некомпетентными—а лишь общая *историко-культурная*. Развитіе нашего печатнаго дѣла будетъ нами изображено лишь настолько, насколько оно связано съ культурнымъ развитіемъ самого русскаго еврейства и съ прогрессивнымъ ростомъ его литературы. Не касаясь, поэтому, библіографической стороны дѣла, мы сосредоточимъ все свое вниманіе лишь на культурной, бытовой его сторонѣ,—вслѣдствіе чего намъ придется дѣлать частыя отступленія въ область обще-

историческую, литературную и бытовую. Съ явленіемъ подобнаго рода мы и начнемъ нашъ очеркъ.

Среди разнообразныхъ видовъ нищенства рѣзко выдѣляется и понятнѣ типъ нищенствующаго литератора, характеризующа собою отношеніе нашего народа къ своей литературѣ и къ ея дѣятелямъ. Трудно сказать, къ какому времени слѣдуетъ приурочить возникновеніе этого типа. Но съ нимъ мы встрѣчаемся уже въ XVIII вѣкѣ. Не менѣе трудно указать на всѣ причины, вызвавшія его къ жизни. Могу привести лишь двѣ изъ нихъ.

Почти до конца прошлаго столѣтія «великіе во Израилѣ», вслѣдствіе отсутствія типографій на родинѣ (въ Литвѣ и Польшѣ), отправлялись печатать свои произведенія въ другія страны *. Вполнѣ естественно, что, возвращаясь обратно домой, они пользовались случаемъ для того, чтобы распространять свои произведенія среди жителей лежавшихъ имъ на пути городовъ. Кромѣ того, за послѣднія нѣсколько столѣтій мы встрѣчаемся въ еврейской жизни съ однимъ фактомъ, который болѣе или менѣе чуждъ жизни другихъ народовъ. Между тѣмъ какъ у другихъ народовъ писатели писали или по внутреннему побужденію, или откликаясь на тѣ или другіе вопросы практической жизни, у насъ больше всего писали по обязанности. Я говорю о польско-литовской раввинской литературѣ прошедшихъ вѣковъ. Вошло уже въ обычай, что раввинъ, если только онъ былъ въ состояніи водить перомъ по бумагѣ, долженъ былъ для поддержанія своего достоинства хоть что нибудь написать по части религіозной казуистики. Такимъ образомъ предложеніе превосходило спросъ, а это обстоятельство, въ связи съ бѣдностью авторовъ и большими расходами на печатаніе, должно было сдѣлать предложеніе назойливымъ. Время освятило этотъ обычай—и онъ впоследствии перешелъ изъ сферы духовной литературы и въ свѣтскую.

Выше было сказано, что отсутствіе типографій на родинѣ заставляло нашихъ раввиновъ печатать свои произведенія за границей. Послѣ третьяго раздѣла Польши, когда вся Литва

* „Kiria Neemana“, С. Фина, стр. 198. Вильно, 1860 г.

подпала подъ владычество Россіи, Екатерина II манифестомъ 30 октября 1794 года приказала сосредоточить всѣ литовскія типографіи въ городѣ Гроднѣ *. Въ этомъ именно году была здѣсь основана и первая еврейская типографія **. Тѣмъ же манифестомъ была учреждена въ г. Гроднѣ и цензура для печатающихся тамъ книгъ, между прочимъ и еврейскихъ. Но помимо этой правительственной цензуры нашъ народъ выработалъ себѣ и другого рода цензуру. Роль цензора играло общественное мнѣніе, и никто ничего не могъ писать вопреки народнымъ воззрѣніямъ и вѣрованіямъ: позорное отлученіе грозило провинившемуся автору, а его произведенію—костеръ. Книга всегда играла въ нашей исторіи первостепенную роль: она регулировала всѣ стороны нашей жизни, она руководила нашимъ застоемъ, она же вставляла насъ дѣлать удивительныя, порой даже рискованныя скачки. Что же мудренаго, если народъ зорко слѣдилъ за печатнымъ словомъ и выработалъ даже особый цензурный уставъ съ своеобразными мѣрами предупрежденія и пресѣченія?

Выше было сказано, что для еврейскихъ книгъ установлена была предварительная *правительственная* цензура. Но, если не номинально, то фактически у насъ существовала и *своя* предварительная цензура, выразившаяся въ двухъ видахъ, соответственно двумъ силамъ, съ которыми приходилось считаться каждому автору. Первая сила—это типографіи. Какъ ни странно это въ настоящее время, но еще до 50-хъ годовъ текущаго столѣтія мы встрѣчаемся съ фактомъ, что типографіи наотрѣзъ отказывались печатать книгу, если содержаніе ея почему либо не соответствовало его личному мировоззрѣнію ***.

* П. С. З., т. XXIII, № 17325.

** „Kisra Neemana“, стр. 28. (*Примѣчаніе редакціи*: Это была первая *официально разрѣшенная* еврейская типографія, но отнюдь не первая *de facto*, ибо еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія существовали еврейскія типографіи въ небольшихъ городахъ—Шяловѣ, Корецѣ, Кременцѣ и нѣк. др., печатавшія очень много книгъ, сохранившихся отчасти и понынѣ въ разныхъ бібліотекахъ).

*** „Евр. Библіотека“, т. I, изд. 2-ое: „Обзоръ современ. евр. литер“. Д. Гордонъ, стр. 345, и „Восходъ“ 1881 г., III кн.: „Обзоръ евр. литер. и журн.“, стр. 30.

Вторая сила — духовенство, представляющее въ своемъ лицѣ религиозные и нравственные интересы нашего народа. Положеніе пастырей было тѣсно связано съ вопросомъ о томъ, будетъ ли насомое стадо мыслить такъ, или иначе. Если до начала настоящаго столѣтія нашему духовенству принадлежала инициатива мысли, то ему же принадлежалъ и контроль надъ нею. Подъ этотъ контроль подпадала всякая мысль, тѣмъ болѣе печатная. Участъ той или другой книги по выходѣ ея въ свѣтъ прямо зависѣла отъ сочувствія или несочувствія къ ней со стороны духовенства. Поэтому авторы, по большей части раввины, пристушали къ печатанію своихъ произведеній, предварительно заручившись «одобреніями» («гаскома») со стороны болѣе или менѣе авторитетныхъ сотоварищей—одобреніями, обязательно печатавшимися во главѣ каждой книги. Этотъ видъ предварительной цензуры имѣлъ двѣ цѣли. Съ одной стороны, «гаскома» замѣняла цензорское: «печатать дозволяется», а съ другой—она играла роль рецензій вмѣстѣ съ рекламой.

Не смотря на полное отсутствіе свѣтской литературы въ то время, одна гродненская типографія не могла удовлетворять потребностямъ всѣхъ литовскихъ евреевъ. Сверхъ того, возгорѣвшаяся тогда ожесточенная борьба между миснагдами и хассидами вызвала сильную полемику литературную, и враждующія партіи не могли печатать свои произведенія въ одной и той же типографіи. Преднамѣренно, или случайно, но правительство скоро пришло на помощь этой нуждѣ. Павелъ I, отмѣнивъ вышеупомянутый манифестъ своей матери, позволилъ устраивать типографіи во всѣхъ городахъ Литвы, но подъ условіемъ ничего не печатать безъ разрѣшенія цензуры. Кромѣ того, онъ велѣлъ учредить особую цензуру въ Ригѣ для еврейскихъ книгъ, печатаемыхъ за границей, и первыми цензорами были назначены Моисей Гекиль и Іезекіиль-Давидъ Леви *. Съ этого-то времени (около 1797 г.) мы встрѣчаемся съ первой еврейской типографіей въ Вильнѣ **, а немного

* „Kiria Neemana“, стр. 29.

** Нынѣ существующая типографія Ромма основана была еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ—а именно въ 1789 г.

Ред.

позже — съ еврейскими типографіями въ другихъ городахъ Литвы.

До начала настоящаго столѣтія свѣтская литература не могла имѣть мѣста при условіяхъ тогдашней духовной жизни польско-литовскаго еврейства. Даже тѣ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые такъ или иначе измѣнили старому вѣковому строю и пристали къ Мендельсоновскому движенію, — даже и тѣ ничего не писали на родинѣ. Еще при жизни Мендельсона въ Германіи составилось общество молодыхъ людей еврейскаго происхожденія, подъ именемъ «Общества изслѣдователей еврейскаго языка». Общество это, полагая, что какъ политическое, такъ и нравственное ненормальное положеніе еврейскаго народа коренится въ его религіозныхъ предрасудкахъ, предприняло съ просвѣтительною цѣлью изданіе ежемѣсячнаго журнала на древне-еврейскомъ языкѣ подъ названіемъ «Меасефъ» *. Среди сотрудниковъ этого журнала мы встрѣчаемъ имена и нѣкоторыхъ литовскихъ выходцевъ, какъ, напр., Менделя Левина **, Исаака Сатанова *** и др. Все вольное, все несогласное со старымъ обычнымъ строемъ выбрасывалось за черту право-вѣрной Литвы: новаторы были слишкомъ малочисленны, чтобы съ успѣхомъ бороться, а раввинизмъ — достаточно силенъ, чтобы карать вольнодумство. Кромѣ богословія не было другой духовной пищи, и если любопытство заставляло нѣкоторыхъ заглядывать и въ «постороннія» книжки, то для удовлетворенія этого любопытства раввины иронически опредѣлили особое мѣсто и особое время... Таковъ былъ взглядъ на свѣтскую литературу въ добрыя старыя времена.

Не смотря на добрыя мѣры, предпріятыя въ началѣ царствованія Александра I, для просвѣщенія евреевъ, дѣло просвѣщенія плохо подвигалось впередъ. Да и не удивительно! Сравнительно гуманное «Положеніе о евреяхъ» 1804-го года носило характеръ временной мѣры, и въ послѣдующихъ толко-

* „Евр. Вѣст.“, т. II. Слб. 1872 г.: „Автобіогр. Соломона Маймона“, стр. 844.

** Краткій біографич. очеркъ М. Левина см. „Восходъ“ 1881 г., III. кн., ст. Станиславскаго

*** Грець: „Ист. Евреевъ“, т. X, стр. 114. Слб. 1884 г.

ваніяхъ и дополненіяхъ правительство одной рукой сокрушало то, что созидало другою. Вполнѣ естественно, что вслѣдствіе такого двойственнаго отношенія законодательства къ евреямъ, послѣдніе не могли питать довѣрія къ просвѣтительнымъ мѣропріятіямъ правительства и даже подозрѣвали въ нихъ тайную засаду противъ своей религіи. Лишь очень немногіе откликнулись на призывъ правительства, и эта капля не въ состояніи была окрасить въ свой цвѣтъ все море: черта осѣдлости по старому осталась груба, темна, хотя и своеобразно учена.

Талмудъ, раввинскіе комментаріи да каббалистическія произведенія составляли все содержаніе тогдашней учености, а печатаніе этихъ книгъ — весь кругъ дѣятельности нашихъ типографій. Большинство этихъ книгъ, необходимыхъ для всякаго еврея, имѣли древнее происхожденіе, и никто не могъ предъявлять на нихъ авторскія права. Естественно, что выгода должна была сдѣлать типографщика также и издателемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и книжнымъ торговцемъ. Но объ издательскихъ подвигахъ будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

До 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія еврейскія типографіи находились во многихъ значительныхъ и незначительныхъ городахъ черты осѣдлости: въ Вильнѣ, Шкловѣ, Бердичевѣ, Славутахъ, Острогѣ и др. Партидность въ народѣ наложила свой отпечатокъ и на типографіи. Славутская типографія, основателемъ которой былъ Моисей Шапиро, была въ рукахъ хасидовъ и никогда не печатала у себя другихъ книгъ, кромѣ богословскихъ и каббалистическихъ *. Въ 1825 году обзавелись особою типографіею и караимы. Еще раньше караимы дѣлали попытки основать свою типографію (въ 1805 г. въ г. Чуфутъ-Кале и еще до 1805 г. въ томъ же городѣ), но до 1825 года дѣло не клеилось. До этого года у караимовъ широко былъ распространенъ восточный обычай пользоваться рукописными сочиненіями, вслѣдствіе чего переписчики и торговцы рукописями имѣли значительное вліяніе на ходъ караитской литературы. Основаніе типографіи въ 1825 году было дѣломъ не одного предпринимателя, а всѣхъ караимовъ. Всѣ болѣе или менѣе

* „Восходъ“ 1881 г., III кн.: „Обозр. евр. лит. и журн.“, стр. 30.

важнѣйшія изъ нихъ принесли свою лепту для этого дѣла. Мѣстомъ для типографіи была избрана Евпаторія, а руководителемъ предпріятія былъ извѣстный Авраамъ Фирковичъ *.

II.

Еврейскій народъ и его литература всегда шествовали рука объ руку и дѣлили между собою горе и радость: жгли народъ—жгли и литературу, миловали первый—миловали и вторую. Горькія испытанія, выпавшія на долю евреевъ въ царствованіе Николая I, обрушились и на ихъ литературу. По мысли правительства, однѣ лишь строгія мѣры могли направить евреевъ на путь свѣта и истины и сдѣлать изъ нихъ добрыхъ и полезныхъ гражданъ. И надо сознаться, врядъ-ли какая другая мысль была когда нибудь такъ точно, такъ детально выполнена, какъ эта.

Уже въ началѣ этого періода правительство, подъ аккомпаниментъ печати, заговорило о различныхъ зловредныхъ ученіяхъ, заключающихся будто въ еврейскихъ богословскихъ трактатахъ. Заговорили также и объ уклоненіяхъ со стороны типографій отъ цензурнаго устава и о самовольномъ печатаніи книгъ безъ разрѣшенія. Заговорили—и отъ слова перешли къ дѣлу. Рѣшили произвести тщательную дезинфекцію въ еврейской литературѣ и поручили это дѣло самимъ раввинамъ (1836 г.). И надо сказать, выборъ былъ какъ нельзя удачнѣе. Не было уже тѣхъ прежнихъ раввиновъ, которые первыми вступали въ бой за свой народъ и послѣдними выступали изъ боя. Раввинизмъ палъ: прежній духъ улетѣлъ, и осталась одна лишь жалкая форма—воплощеніе ханжества, честолюбія и себялюбія.

Съ рабскимъ усердіемъ и вандальскою жестокостью принялись наши духовные представители за порученное имъ дѣло. Имъ предстоялъ громаднѣйшій трудъ: слѣдовало просмотрѣть всѣ, напечатанныя когда либо и разбросанныя тамъ и сямъ у отдѣльныхъ лицъ еврейскія книги и рѣшить, что благотворно и что вредно влияетъ на умъ. И угодливые раввины «работали»

* „Geschichte d. Karäerthums“ Dr. Julius Fürst, 10 Abschnitt, 141—143 S. Leipzig, 1869.

что есть мочи. Словно иступленные въ пылу битвы воины, рубили они направо и налево, а остатки отъ опустошенія помѣчали цензурскою печатью *. Въ вопросѣ о томъ, что слѣдуетъ пощадить и чего не слѣдуетъ, они руководствовались тою же логикою, какою руководствовался тотъ епископъ, который приказалъ истребить альбигойцевъ, предоставляя Богу отличить праваго отъ виноватаго. Но вандализмъ этотъ продолжался недолго. Отчасти благодаря ходатайству И. В. Левинзона **, отчасти въ виду новыхъ законодательныхъ преобразованій въ дѣлѣ еврейскихъ типографій, равнины уступили мѣсто правительственнымъ цензорамъ (1837 г.). Но и эти цѣнители литературы были не многимъ милосерднѣе своихъ предшественниковъ. Съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, они отыскивали контрабанду въ сферѣ мысли и находили ее даже тамъ, гдѣ ея не было. «Развѣ ты не знаешь, — пишетъ И. В. Левинзонъ одному лицу:—что цензоръ будетъ просматривать книгу много разъ, будетъ читать ее съ самопожертвованіемъ отъ альфы до омеги, анализируя каждое слово, каждую точку, на что потребуется много времени?» ***.

По окончаніи предварительной очистки прошедшей литературы и по установленіи строгаго надзора надъ текущей, приняты были мѣры и противъ самихъ типографій. По аналогіи съ производствомъ спиртныхъ напитковъ, была примѣнена монопольная система и къ печатному дѣлу. Даже самъ И. В. Левинзонъ, и тотъ не предвидѣлъ тяжкаго гнета, который налагается на литературу этой системой, и начиная съ 1833 года, неоднократно хлопоталъ предъ правительствомъ о ея введеніи †. Онъ-ли тому вина, или просто вѣяніе той эпохи, но

* «Beth Ho-Ozar», ч. II, стр. 295, И. В. Левинзона, Вильна, 1841 г.

** Jbid, стр. 295.

*** Jbid, стр. 287. Впрочемъ, и цензура русскихъ книгъ была не болѣе снисходительна. «Едва-ли кто изъ теперешнихъ людей, — говоритъ И. С. Тургеневъ,—можетъ составить себѣ понятіе о томъ, какому ежeminутному и повсемѣстному рабству подвергалась печатная мысль (это относится къ 1837 г.). Литераторы, кто бы онъ ни былъ, не могъ не чувствовать себя чѣмъ-то въ родѣ контрабандиста». Соч. И. С. Тургенева, т. I, «Литературный вечеръ у П. А. Шатнева», стр. XIX.

† „Beth Ho-Ozar“, ч. II, стр. 295—296.

съ 1837 года типографіи были отданы на откупъ; а число ихъ было сокращено до трехъ. Съ этого времени вплоть до 60-хъ годовъ типографіи существуютъ лишь въ Варшавѣ, Вильнѣ и Житомирѣ *.

Выше было сказано, что типографщики въ одно и то же время были и издателями. Какъ только распространился слухъ о возможности введенія печатной монополіи, они заблаговременно успѣли выпустить въ свѣтъ множество разнаго рода духовныхъ книгъ. Сколь велика была эта издательская горячка—могутъ засвидѣтельствовать статистическія данныя по печатному дѣлу, относящіяся ко времени до и послѣ введенія типографской монополіи. Число еврейскихъ книгъ различныхъ названій, вышедшихъ изъ цензуры:

въ 1833 г.	равнялось	55
» 1834 »	»	52
» 1835 »	»	47
» 1836 »	»	98
» 1837 »	»	40
» 1838 »	»	47
» 1839 »	»	56
» 1840 »	»	29
» 1841 »	»	42
» 1842 »	»	32 **

Изъ этихъ цифръ *** не трудно убѣдиться, что предшествовавшій введенію печатной монополіи 1836 годъ былъ годомъ наиболѣе кипучей дѣятельности для еврейскихъ типографій: это было послѣднее усиліе, предсмертная борьба.

Изъ трехъ, оставшихся послѣ введенія монополіи, типографій

* Въ Житомирѣ типографія перенесена была въ Славутъ.

** «Ж. М. Н. Пр.» 1862 г., февраль: «Число книгъ и періодич. изданій...».

*** Эти официальные цифры, очевидно, не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ. На самомъ дѣлѣ число ежегодно печатавшихся книгъ было гораздо больше даже самой крупной годовой цифры официального отчета. Это доказываетъ только, что видѣтские разнахъ стѣсненій, фискальныхъ и цензурныхъ, тайное книгопечатаніе было очень распространено — что подтверждается многими фактами, извѣстными библиографамъ.

только одна виленская могла считаться болѣе или менѣе безукоризненной. Житомирская типографія, какъ преемница славутской, печатала у себя лишь богословскія книги, не принимая другихъ, а варшавская еврейская печать не слыла образцовой *.

III.

Ко времени введенія монополіи мы уже встрѣчаемся съ начатками свѣтской литературы. Три силы вызвали въ свѣтъ нашу новую литературу: хассидизмъ, дѣятельность Илья Виленскаго и Мендельсоновское движеніе. Хассидизмъ явился протестомъ, хотя и грубымъ, но показавшимъ, что въ существующемъ порядкѣ что-то не ладно; виленскій гаонъ нѣсколько осмыслилъ существующій порядокъ, не выходя изъ своей еврейской сферы, а Мендельсоновское движеніе внесло въ еврейство новый внѣшній элементъ. Изъ комбинаціи этихъ трехъ вліяній и возникла наша свѣтская литература.

Сравнивая нашихъ первыхъ *литовскихъ* литераторовъ съ первыми *западными* литераторами, нельзя не замѣтить одного крупнаго различія. Если Вессели, Фридлиндеръ и другіе апостолы новаго направленія *прямо* обращались къ своему народу и говорили ему о пользѣ просвѣщенія, о вредѣ фанатизма, если тѣ же апостолы нерѣдко выступали съ практическими проектами **, касающимися поднятія духовнаго уровня ихъ единовѣрцевъ, то наши первые дѣятели работали на томъ же поприщѣ гораздо болѣе осмотрительно и робко. Да и неудивительно! Дѣти своего народа по своему домашнему воспитанію, самоучки по своему свѣтскому образованію, наши первые литераторы не успѣли еще совсѣмъ вырваться изъ вѣкового заколдованнаго круга, охватившаго весь народъ, и какъ-то инстинктивно сочетали старое и новое настолько, насколько одно не противорѣчило другому. Отпечатокъ, наложенный на нихъ прошедшею жизнью, былъ еще слишкомъ си-

* „Евр. Библ.“, т., I. стр. 345, „Обзоръ соврем. евр. лит.“ Л. Гордона.

** „Dinge Schalom-Woemes“, Н. Вессели, издатель К. Шульманъ, Варшава, 1886 г.

ленъ, а новые мотивы — еще слишкомъ слабы и неясны для того, чтобы они во имя одного совершенно измѣнили другому. Они ничею не вычеркнули изъ старая, а только присоединили къ нему нечто новое. Этому-то новому лишь современемъ суждено было одолѣть старое и распатать его въковой фундаментъ. И дѣйствительно, развѣ могли бы наши первоучители открыто заниматься урѣзываніемъ стараго, даже если бы они по своему мировоззрѣнію были склонны къ этому? Между тѣмъ какъ западные новаторы могли рассчитывать на помощь своихъ правительствъ, новаторы восточные были предоставлены самимъ себѣ: внутри своего народа они встрѣчали грубый отпоръ, а извнѣ — лишь голыя обѣщанія просвѣтительныхъ мѣръ и энергическое выполнение мѣръ репрессивныхъ, насильственныхъ. Наши первые прогрессисты должны были дѣйствовать окольными путями: быть слишкомъ вольнодумнымъ значило возбудить противъ себя весь народъ, рисовать же своимъ единовѣрцамъ веселую картину свѣтлаго и вольнаго будущаго значило впадать въ слишкомъ очевидное противорѣчіе съ фактами текущей жизни... Такимъ образомъ наши первые литераторы были поставлены въ положеніе Тантала: они видѣли передъ собою жизнь, полную страданій и внутреннихъ, и внѣшнихъ, а коснуться этой жизни своимъ перомъ они не смѣли. При такомъ положеніи дѣла имъ оставался одинъ исходъ: отрѣшившись отъ дѣйствительной жизни, отъ такъ называемой злобы дня, мысленно вознестись къ отвлеченному, или же трактовать о минувшемъ прошломъ. Когда сравниваешь еврейскую литературу 20-хъ и 30-хъ годовъ съ еврейскою жизнью той же эпохи, невольно задаешься вопросомъ: что общаго между плачемъ матери, насильно оторванной отъ своего ребенка-сына, и воспѣваніемъ луны, безучастной къ людскому горю? А между тѣмъ разгадка этого вопроса (уже помимо духовнаго склада самихъ авторовъ) кроется и въ той заѣдающей и заѣдаемой средѣ, въ которой вращались наши первые свѣтскіе литераторы: они не смѣли исходить изъ дѣйствительной жизни, даже если бы хотѣли. Поэтъ долженъ былъ воспѣвать красоты природы и абстрактную нравственность, а прозаикъ имѣлъ лишь право говорить о настоящемъ или прошедшемъ, не затрагивая освя-

щенной вѣками рутины. Но въ то время даже невинное вослѣваніе луны, сантиментальное изліяніе въ прозѣ, нетенденціозное научное изложене—и то считалось ересью. Народъ ставилъ творцовъ этой невинной ереси въ особое исключительное положеніе и полагалъ между собою и ими постоянный карантинъ. Литераторы имѣли за собою лишь очень незначительную партію, и если послѣдняя сочувствовала имъ, то лишь молчаливо, платонически.

И не одно только темное, неприглядное окружающее давило литераторовъ. Большую часть изъ нихъ угнетала еще и безысходная матеріальная нужда. Писательскій трудъ тогда, какъ и теперь, не могъ служить средствомъ къ пропитанію: нужно было еще нѣкоторое подспорье. Люди бѣдные, посвящавшіе себя духовному труду, не имѣли въ то время никакого другого идеала, никакой другой конечной цѣли, кромѣ стремленія къ занятію раввинскаго мѣста. Но писать и занимать должность раввиновъ—для нашихъ просвѣщенныхъ бѣдняковъ, разумѣется, было немислимо: одно исключало другое. Физическому труду ихъ не научили: онъ даже былъ тогда въ загонѣ. Оставался для нихъ лишь одинъ исходъ—писать и учительствовать, что и дѣлало большинство нашихъ бѣдныхъ авторовъ. Но даже сочетаніе этихъ двухъ занятій не давало имъ обезпеченнаго куска хлѣба: они влачили жалкое существованіе и умирали въ нищетѣ, предоставляя тотъ же путь и преемникамъ своимъ на томъ же поприщѣ.

Нашей свѣтской литературѣ уже съ момента ея возникновенія суждено было, вслѣдствіе безысходнаго положенія ея творцовъ, существовать на иждивеніи признанныхъ и непризнанныхъ филантроповъ. Впрочемъ, нашимъ свѣтскимъ авторамъ не пришлось изобрѣтать ничего новаго: они восприняли лишь то, что выработано было долголѣтней практикой литераторовъ-раввиновъ. Бѣдный раввинъ, не имѣя средствъ къ изданію своего труда, обращался за помощью или къ одному какому либо крупному меценату, или же, что случалось всего чаще, ко многимъ мелкимъ меценатамъ: для этой цѣли онъ нерѣдко развѣзжалъ со своею рукописью по многимъ еврейскимъ городамъ, вербуя подписчиковъ и распространяя свое произведеніе

раньше, чѣмъ оно было напечатано. Ко времени возникновенія нашей свѣтской литературы этотъ пріемъ успѣлъ уже сложиться обычаемъ, и нашимъ новымъ литераторамъ оставалось лишь пойти по старому пути. Правда, *переме* наши свѣтскіе писатели не развѣждали со своими рукописями по городамъ, но предварительная вербовка подписчиковъ практиковалась ими столь же часто, какъ ихъ предшественниками — раввинами. Если послѣдніе вербовали ихъ среди фанатичнаго большинства, то первые находили ихъ среди болѣе или менѣе интеллигентнаго меньшинства. Уже И. Б. Левинзонъ по своей бѣдности долженъ былъ пользоваться этимъ способомъ для того, чтобы имѣть возможность печатать и распространять свои произведенія. Въ концѣ 2-й книги «Beth Ho-Ozar» онъ обращается къ своимъ подписчикамъ, благодаритъ ихъ за поддержку и заявляетъ, что ихъ имена будутъ припечатаны къ 3-й книгѣ «Beth Ho-Ozar» *. Такимъ образомъ благотворитель возмѣщалъ свою потерю въ пользу литератора тѣмъ, что его благотворительность не оставалась въ неизвѣстности, а печатно оглашалась въ концѣ или въ началѣ книги. Но какъ больно, какъ мучительно должно было быть бѣдному автору, обязанному обнародовать списокъ лицъ, отъ которыхъ онъ получилъ подаваніе?—этотъ вопросъ ни въ то время, ни позже не вызывалъ на размышленіе нашихъ благотворителей. Въ страданіяхъ зачали наши писатели и въ страданіяхъ взлелѣвали они нашу литературу.

IV.

Между тѣмъ наступили сороковые года, и правительство предприняло мѣры къ поднятію духовнаго уровня евреевъ. Зная, что послѣдніе въ подобномъ дѣлѣ не съ особеннымъ сочувствіемъ отнесутся ко всякому, исходящему иавнѣ почину, правительство предварительно отправило въ черту осѣдлости д-ра Лиленталя съ тѣмъ, чтобы онъ ласками и угрозами убѣдилъ народъ въ необходимости преобразования ихъ школьнаго воспитанія. Посѣщая всѣ болѣе или менѣе значительные еврей-

* «Beth Ho-Ozar» 2-я кн., стр. 301. Вильна, 1841 г.

скіе города, д-ръ Лиліенталь агитировалъ въ пользу порученаго ему дѣла, убѣждалъ общественныхъ представителей, умолялъ ихъ, но повсюду встрѣчалъ явное несочувствіе. «Докторъ!—отвѣтили ему въ Вильнѣ,—знакомы-ли вы съ побужденіями нашего правительства? Обхожденіе со всѣми христіанами, за исключеніемъ греческихъ, явно показываетъ, что правительство имѣетъ въ виду установить одну только церковь въ государствѣ, одно только свое могущество, но не наше будущее благосостояніе; къ сожалѣнію, мы должны признать, что мы мало питаемъ довѣрія къ новымъ мѣропріятіямъ министра (Уварова) и съ какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ заглядываемъ въ будущее» *. Подобные отвѣты приходилось выслушивать Лиліенталю и въ другихъ городахъ. Народъ не безъ основанія полагалъ, что рекомендуемая *просвѣтительная* мѣра имѣетъ ту же подкладку, что и практиковавшіяся уже на дѣлѣ *непросвѣтительная* мѣры: опытъ насроящаго и прошедшаго былъ достаточенъ для того, чтобы научить ихъ критически относиться къ будущему. Одна лишь незначительная часть молодежи восторженно встрѣтила Лиліенталья. Это были тѣ самоучки, которыхъ толкнула на новый путь случайно попавшая имъ въ руки запретная книжка (въ родѣ Мендельсоновскаго перевода библіи, произведеній М. Гинзбурга, А. Лебензона, И. Левинзона и др.), но которымъ окружающая среда мѣшала двигаться дальше по этому пути. Эта горсть людей видѣла въ лицѣ д-ра Лиліенталья своего освободителя отъ долголѣтнаго духовнаго порабощенія и шумно выражала ему свое сочувствіе **. Но что значила эта горсть въ сравненіи съ цѣлымъ народомъ? И нѣтъ сомнѣнія, что правительственная попытка не увѣнчалась бы успѣхомъ, если бы принятіе или непринятіе рекомендуемыхъ просвѣтительныхъ мѣръ зависѣло исключительно отъ евреевъ и если бы рядомъ со словами убѣжденія не пущены были въ ходъ и угрозы. «Министръ. (Уваровъ) желаетъ,—обращается д-ръ Лиліенталь къ представителямъ вилен-

* «Евр. Библ.» т. I. «Къ исторіи образованія русск. евр.» Моргуиса, стр. 150.

** «Евр. Библ.» т. I. «Къ ист. обр. евр.» Моргуиса, стр. 149 и слѣд.

ской еврейской общины,—чтобы евреи учреждали училища сообразно съ духомъ и потребностями времени, *прежде чѣмъ правительство вынуждено будетъ заставить ихъ это сдѣлать* *. Евреямъ, такимъ образомъ, оставалось лишь подписаться подъ правительственнымъ проектомъ и подыскать матеріальныя средства для его выполненія, что они и сдѣлали.

Устройство первоначальныхъ и раввинскихъ училищъ, безъ сомнѣнія, имѣло значительное вліяніе на развитіе свѣтской литературы. Классъ интеллигентныхъ и полуинтеллигентныхъ людей немного пріободрился, увеличился въ числѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивая спросъ и вызывая предложеніе въ области свѣтской литературы. Новый толчокъ, данный еврейскому народу, не замедлилъ отразиться и на типографскомъ дѣлѣ, выравнившись въ значительномъ увеличеніи общаго числа еврейскихъ книгъ, начиная съ 1848 года. Количество еврейскихъ книгъ различныхъ названій, вышедшихъ изъ цензуры:

въ 1843 г. составляло . . .	32
› 1844 › › . . .	62
› 1845 › › . . .	43
› 1846 › › . . .	34
› 1847 › › . . .	52
› 1848 › › . . .	100
› 1849 › › . . .	72
› 1850 › › . . .	71
› 1851 › › . . .	71
› 1852 › › . . .	75
› 1853 › › . . .	60
› 1854 › › . . .	98
› 1855 › › . . .	89 **.

Замѣчаемое начиная съ 1848 года (т. е. того года, когда правительственныя мѣры успѣли уже войти въ дѣйствіе) увеличеніе числа еврейскихъ книгъ наглядно выражаетъ взаимодействие между литературой и нѣскольکو обновленною жизнью.

* Ibid., 149.

** «Ж. М. Н. Пр.» 1862 г., февраль: «Число книгъ и період. изд.»

Но не надо забывать, что освѣжающая волна, пробѣжавшая по еврейской жизни, имѣла въ себѣ слишкомъ много искусственнаго: внутри она поддерживалась сравнительно небольшою кучкою людей, а извнѣ — строгостью. Впрочемъ, просвѣщеніе тормозилось еще тѣмъ, что, кромѣ различныхъ сборовъ съ евреевъ для содержанія ихъ училищъ, между прочимъ, установленъ былъ особый сборъ съ еврейскихъ книгъ (въ 1½ коп. съ cadaго печатнаго листа), печатаемыхъ въ Царствѣ Польскомъ и за границей. Это создало преграды тому духовному воздѣйствію, которое могли оказать западные евреи на менѣе просвѣщенныхъ восточныхъ своихъ единовѣрцевъ. Но слѣдующая эпоха показала, что пріохотить и поощрять къ просвѣщенію — скорѣе всего возможно гуманными мѣрами.

II. Маркъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НИ ПАВА, НИ ВОРОНА.

(ИСТОРИЯ ОДНОГО ИЗЪ МНОГИХЪ) *.

IV.

Я сидѣлъ надъ скучной таблицей логариемовъ, когда вошелъ Мендель Ватманъ. Лицо его было блѣдно, разстроено, кой-гдѣ съ кровавыми подтеками. Онъ помѣстился бокомъ ко мнѣ на стулѣ и ждалъ, чтобы я заговорилъ первый. Уже одно его появленіе не въ назначенное для урока время заставило меня догадаться, что съ нимъ случилось что-то неладное. Я закрылъ таблицу логариемовъ и, посмотрѣвъ на его опущенное, осунувшееся лицо, спросилъ:

— Что съ вами?

Внезапный, долго сдержанный порывъ плача былъ отвѣтомъ на мой вопросъ. Это былъ какой-то въ душу проникающій плачъ, заразительный, такъ что и я самъ чуть не заплакалъ.

— Я несчастливъ...—пробормоталъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ, — теперь мнѣ приходится съ моста да въ воду!

— Что же съ вами случилось? Разкажите толкомъ.

И онъ, всхлипывая, рассказала мнѣ исторію со стихами.

Я старался, насколько мнѣ было возможно, успокоить его, ободрить, заставить его смотрѣть спокойнѣе на его настоящее положеніе, но мои слова были напрасны.

* См. „Восходъ“ кн. III.

Какъ могъ онъ успокоиться, когда онъ лишился хлѣба и крова, когда ребъ Шахне прогналъ его не на шутку, когда ему негдѣ переночевать ближайшую ночь?

— Что мнѣ теперь дѣлать?—убивался онъ,—куда я дѣнусь, чѣмъ я буду жить?..

— Покамѣть можете жить у меня,—утѣпалъ я его.

— Ну, а потомъ?

— Постараемся достать для васъ уроки, вѣдь вы знаете древне-еврейскій языкъ; ну и прекрасно!

Глаза Менделя засіяли радостью и благодарностью; онъ схватилъ мою руку и хотѣлъ поцѣловать, но я отстранилъ его.

— Ахъ, какъ бы мнѣ доказать вамъ мою благодарность за ваше участіе ко мнѣ!—лепеталъ онъ растроганнымъ голосомъ.

Нѣсколько дней Мендель прожилъ у меня, а потомъ я съскалъ для него квартиру у одной лавочницы, мужъ которой отправился въ Америку.

Спустя нѣсколько времени, Мендель былъ почти что обезпеченъ, доставъ кой-какіе уроки. И какъ велика была его радость, когда ему представился выгодный урокъ въ домѣ Гринберга съ платою по 5 руб. въ мѣсяцъ. Этотъ урокъ обрадовалъ Менделя не потому, что онъ будетъ получать ежемѣсячно 5 р., а единственно потому, что теперь представлялась ему постоянная возможность находиться наединѣ съ гимназисткой М-ше Гринбергъ, къ которой онъ не былъ равнодушенъ. Онъ самъ хорошо сознавалъ, что его влеченіе съумасбродно, глупо и бессмысленно, но говорить съ нею, видѣть ее—стало для него насущною потребностью. На урокахъ онъ таялъ отъ блаженства, когда она смотрѣла на него своими прекрасными черными глазами, когда она разспрашивала его о томъ, какимъ образомъ онъ вырвался изъ фанатической среды, что онъ думаетъ дѣлать въ будущемъ,—и онъ уходилъ отъ нея очарованный, полный невыразимо сладостныхъ ощущеній. Паулина Гринбергъ принадлежала къ тѣмъ молоденькимъ дѣвушкамъ, которыя съ перваго же взгляда очаровываютъ шаловливою граціей и гордою неприступностью: Стройная, съ глубокими, черными глазами и такими же волосами, съ тонко очерченными губками и ловкими, граціозными манерами, Паулина представляла со-

бою для неопытнаго ешиботника какую-то миеологическую волшебницу, готовую каждую минуту исчезнуть изъ глазъ очарованнаго обожателя. Мендель чувствовалъ, что его любовь къ Паулинѣ росла не по днямъ, а по часамъ, но онъ не хотѣлъ заглядывать въ будущее, онъ смутно предчувствовалъ, что это будущее разрѣшится для него самымъ горькимъ разочарованіемъ, такъ какъ его вездѣ и всегда сопровождала неотвязчивая мысль, что онъ бѣденъ, не имѣетъ приличнаго общественнаго положенія и не получилъ надлежащаго образованія. Но известное дѣло: юность не любитъ анализа. Чувство, вспыхнувшее въ его молодомъ дѣвственномъ сердцѣ, было для него такъ ново, такъ незнакомо и оригинально, лицезрѣніе Паулины доставляло ему столько сладостныхъ минутъ блаженства, что онъ не сталъ бы и слушать того, кто вздумалъ бы доказывать ему всю призрачность его душевныхъ вожделѣній.

— Мнѣ необходимо поступить въ гимназію, иначе я буду только жалкимъ отщепенцемъ—то, что, по выраженію Крылова, ни пава, ни ворона,—говаривалъ мнѣ Мендель на урокахъ.

Я же, въ свою очередь, поощрялъ его къ ученію, находя, разумѣется, его рѣшеніе вполне рациональнымъ. Онъ былъ подготовленъ къ VI классу и рассчитывалъ, въ случаѣ неудачи на экзаменѣ, поступить безпрепятственно въ Vй.

Намонецъ наступили приемные экзамены и вмѣстѣ съ ними и самое жестокое разочарованіе для моего ученика. Онъ не былъ принятъ, т. е. не былъ даже допущенъ къ экзамену. Директоръ, не особенно благоволившій къ племени израильскому, чуть не разразился хохотомъ, когда передъ нимъ предстала мизерная фигура комичнаго жиденка, говорившаго по русски съ чисто-еврейскимъ акцентомъ и совершенно оторопѣвшаго отъ юпитеровскихъ взглядовъ гимназическаго начальника.

— Вамъ уже поздно поступить въ гимназію:—вы слишкомъ стары, посвятите себя другому занятію,—отрѣзалъ директоръ совершенно хладнокровно.

Послѣдняя неудача совсѣмъ сбילה Менделя съ толку, повергла въ самое безутѣчное отчаяніе. «Ни пава, ни ворона»,—повторялъ онъ мысленно роковыя слова,—всѣ мои надежды рухнули, и все изъ-за какого нибудь каприза директора! Первое

время послѣ понесеннаго имъ удара онъ шатался безцѣльно, забросилъ книжку и не хотѣлъ возобновить занятія, чтобы приготовиться къ высшему классу.

Навонецъ, послѣ неоднократныхъ убѣжденій, мнѣ кое-какъ удалось уговорить его приняться снова за учебныя занятія. Но ученье шло у насъ какъ-то вяло. Менделю недоставало прежней предприимчивости и энергіи. Дѣло въ томъ, что его страсть къ Паулинѣ приняла болѣе острый характеръ послѣ неудачи въ гимназій, сознание его будущаго ничтожества передъ любимымъ существомъ усугубляло въ немъ упорство его страсти, мучительное сознание, что ему всегда придется держать въ самой строгой тайнѣ свое чувство, изъ опасенія—не оскорбитъ-ли онъ признаніемъ благородное достоинство недоступной и высококомѣрной дѣвушки. Что же касается до Паулины Гринбергъ, то она несомнѣнно прогнала бы этого дерзавшаго воздыхателя, если бы тотъ вадумалъ хоть однимъ словомъ намекнуть ей о своемъ чувствѣ. Пренебрежительное состраданіе къ бѣдному ешиботнику вкоренилось въ ея умѣ еще съ самаго ранняго дѣтства. Тѣмъ не менѣе отъ ея женской наблюдательности не ускользали слишкомъ нѣжные взоры, которые учитель тайкомъ бросалъ на нее во время уроковъ. Когда онъ отвѣчалъ на ея вопросы, въ интонаціи его голоса слышались слезы, голосъ его былъ до нѣжности мягкій, умоляющій; въ потускнѣвшихъ отъ бессонныхъ ночей, меланхолическихъ глазахъ мерцали самые вѣрные симптомы страстной любви, безнадежной и безжалостно отвергнутой, словомъ—во всѣхъ его движеніяхъ и манерахъ, во всемъ его «*Treiben und Wesen*» проглядывало безпрестанно преслѣдуемое желаніе открыть мимикой, жестами и выраженіемъ лица то, чего ему нельзя было выразить словами. Это долге сдержанное желаніе одинъ разъ чуть не измѣнило ему на урокѣ: это случилось помимо его воли, благодаря его бессознательной расцѣянности. Онъ вадалъ ей письменное упражненіе—переводъ русской статейки на древне-еврейскій языкъ. Она сидѣла къ нему профилемъ, такъ что, находясь въ положеніи удобномъ и безопасномъ для лицезрѣнія, онъ, невидимо для нея не могъ отказать себѣ въ великомъ удовольствіи — изучить въ подробностяхъ пре-

лестное личико, черные блестящіе волосы, нѣжные, ловкіе пальчики, скригѣвшіе перомъ по бумагѣ, словомъ—всю фигуру дѣвушки, дышавшую молодостью, свѣжестью, здоровьемъ и тѣмъ особеннымъ, неуловимымъ, нѣжащимъ ароматомъ, которымъ бываетъ напитана атмосфера въ близости любимой дѣвушки. Казалось, будто онъ застылъ въ этой безмолвно-наблюдательной позѣ, какъ автоматъ или, вѣрнѣе, какъ человѣкъ, погруженный въ гипнотическій сонъ, во время котораго субъектъ не смѣетъ дѣлать никакихъ движеній, кромѣ тѣхъ, которыя приказываетъ ему дѣлать магнитизеръ. Между тѣмъ его воображеніе работало усиленно, и онъ совершенно забылъ, что его слишкомъ сосредоточенное вниманіе, обращенное на сидящую передъ нимъ дѣвушку, можетъ какъ нельзя краснорѣчивѣе выдать его сердечную тайну, которая, въ случаѣ ея обнаруженія, навѣрное лишитъ его дальнѣйшей возможности сидѣть такъ близко возлѣ любимаго предмета, какъ теперь,—пріятной возможности, лишеніе которой было бы для него невыносимо. И чего только онъ ни передумалъ въ этотъ получасовой промежутокъ сосредоточеннаго созерцанія? Неужели она его никогда не полюбитъ, неужели ему вѣчно придется играть жалкую роль тайнаго обожателя и не смѣть заикнуться ни единымъ словомъ о терзающемъ его сердце чувствѣ? О, съ какимъ неописаннымъ блаженствомъ онъ бросился бы теперь къ ея ногамъ, съ какою жадностью онъ цѣловалъ бы кончикъ ея башмака, выглядывавшаго изъ-подъ подола ея платья! Съ какимъ сердечнымъ облегченіемъ онъ пролетѣлъ бы желанныя слова: «вы мое божество и я, недостойнѣйшій, благоговѣю передъ вами, какъ передъ святыней; ненавиждте меня, презирайте какъ паршивую собаку, но я за васъ готовъ умереть, готовъ обречь себя на всевозможныя адскія муки, но только ради васъ!»

И, можетъ быть, еще долго, долго онъ продолжалъ бы фантазировать на эту тему, если бы Паулина не успѣла тѣмъ временемъ окончить заданный ей переводъ. И какъ велико было ея смущеніе, когда, поднявъ глаза, она встрѣтилась съ сосредоточенно-направленнымъ на нее взоромъ учителя, который, казалось, и не думалъ прерывать свое сосредоточенное созерцаніе.

Желая освободиться отъ его пристального взгляда, Паулина пододвинула къ нему письменный приборъ и бумагу, проговорила:

— Извольте просмотрѣть написанное.

Но Мендель не разслышалъ ея обращенія и остался въ прежнемъ неподвижномъ положеніи.

— Что вы такъ странно на меня смотрите?—проговорила она уже такимъ громкимъ и недовольнымъ голосомъ, что Менделю нельзя было не разслышать произнесенной ею фразы.

Только теперь онъ словно очнулся отъ глубокаго сна и, сразу понявъ всю неловкость своего положенія, и поблѣднѣлъ и покраснѣлъ, не зная въ замѣшательствѣ, что отвѣчать. Торопливо схватилъ онъ перо и, опустивъ глаза на лежавшую передъ нимъ бумагу, нерѣшительнымъ, смущеннымъ голосомъ залепеталъ:

— Извините меня... я не... я не... я уже не сплю нѣсколько ночей... я началъ засыпать, пожалуйста, извините мнѣ мою разсѣянность... И проговоривъ это, онъ чуть не разрыдался какъ ребенокъ.

— Давно-ли вы начали спать съ открытыми глазами? сухо замѣтила Паулина и поднялась со стула, прибавивъ:

— Теперь урокъ конченъ... до свиданья!

V.

Поразительная метаморфоза произошла съ моимъ ученикомъ послѣ этого казуса. На моихъ урокахъ онъ выказывалъ полнѣйшую невнимательность и какую-то нетерпѣливую разсѣянность, но я не имѣлъ духа замѣтить ему объ этомъ, такъ какъ хорошо зналъ причину этой разсѣянности. Нѣсколько разъ онъ жаловался мнѣ на отсутствіе аппетита, говорилъ, что онъ уже нѣсколько ночей сряду не спитъ. Однажды въ мои руки случайно попало одно вещественное доказательство, которое какъ нельзя лучше оправдало назрѣвавшее во мнѣ подозрѣніе, что страданія моего ученика—чисто-Вертеровскія.

Вполнѣ убѣжденный въ безнадежности и несбыточности своей страсти, Мендель совсѣмъ пересталъ думать о будущемъ,

о томъ, что рано или поздно, ему придется разстаться съ предметомъ его сердца навѣки: и неосуществимость его надеждъ была слишкомъ ясна, чтобы онъ продолжалъ предаваться какому бы то ни было самообману. Но онъ никоимъ образомъ не могъ успокоиться при мысли, что Паулина ничего не знаетъ о его невыносимыхъ мукахъ, и ему казалось, что его страданія не были бы такъ мучительны, если бы Паулина хотя знала, что онъ страдаетъ изъ-за нея. Но какъ открыть ей свою тайну? Сказать ей просто, что онъ ее любитъ, было бы опасно; она, по всей вѣроятности, приметъ его признаніе за оскорбленіе. отъ котораго могутъ получиться для него весьма печальные результаты. Слѣдовательно, ему нужно было дать ей понять какимъ нибудь косвеннымъ намекомъ, чтобы не оскорбить ея дѣвическаго достоинства. Но какъ ему это сдѣлать? Онъ не обладалъ дипломатическою ловкостью и изворотливостью настолько, чтобы ему удалось обдѣлать съ успѣхомъ такое тонкое, щекотливое дѣло. И по цѣлымъ днямъ онъ сидѣлъ въ своей невзрачной комнаткѣ, придумывая какой либо деликатный способъ признанія, составлялъ въ умѣ своемъ различныя комбинаціи, которыя тотчасъ же самъ разрушалъ, и въ иныя минуты впадалъ въ самое безутѣшное отчаяніе. «Зачѣмъ бы ей, кажется, оскорбиться моимъ признаніемъ, развѣ я не человѣкъ? Вѣдь я отъ нея ничего не требую, я только открою ей, что она дороже мнѣ всего на свѣтѣ, и больше ничего, что я несчастнѣйшій человѣкъ, увлекшись недосыгаемымъ предметомъ». И онъ порѣшилъ написать ей пламенное посланіе, самолично вручить ей его послѣ урока и больше къ ней не являться во избѣжаніе могущихъ произойти для него отъ его признанія неприятностей.

Нѣсколько ночей на-пролетъ провелъ онъ надъ сочиненіемъ письма, имѣвшаго цѣлью замѣнить его словесное признаніе. «Я хорошо знаю, что мнѣ не слѣдовало бы писать къ вамъ, мое божество, это письмо, но сердце не спрашивается разсудка; я чувствую себя наканунѣ съумасшествія, до того мое увлеченіе вами овладѣло всѣмъ моимъ существомъ, я чувствую, что дѣлаю то, чего не слѣдовало бы мнѣ дѣлать, а между тѣмъ дѣлаю, потому что моя личная воля тутъ ни при чемъ». Такими

словами начиналось его длинное посланіе. Мендель никакъ не могъ согласиться съ мыслию, что Паулина не оскорбится его любовнымъ объясненіемъ, — объясненіемъ ничтожнаго и безвѣстнаго бѣдняка, и ему хотѣлось предупредить малѣйшее неудовольствіе съ ея стороны. Для достиженія этой цѣли онъ прибѣгнулъ къ хитросплетенному предисловію, доказывалъ, что никто не долженъ обижаться расположеніемъ и симпатіей челоуѣка низшаго, что чувство одинаково какъ у богачей, такъ и бѣдняковъ, и что, напротивъ, у послѣднихъ оно бываетъ глубже, чище и безкорыстнѣе, чѣмъ у первыхъ. Посланіе заканчивалось слѣдующими словами: «Докторъ лечитъ всѣхъ безъ разбору: пьяницъ, воровъ, умалишенныхъ, прокаженныхъ и идиотовъ; пускай я—нищій, идиотъ, съумасшедшій, но вы мой докторъ, вы однѣ можете облегчить мои муки, и знаете чѣмъ? тѣмъ, что позволите мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ, именно, что вы мнѣ дороже всего на свѣтѣ, что за васъ я готовъ пожертвовать даже жизнью, и неужели вы будете такъ жестоки, чтобы лишить меня моего послѣдняго утѣшенія, т. е. сознанія, что вамъ извѣстно какъ глубоко я страдаю, терзаемый безнадежною страстью? Я знаю, что жизнь моя уже разбита навсегда, что смерть была бы для меня спасеніемъ, но для меня было бы легко умереть отъ вашихъ рукъ. О если, бы вы хотѣли быть милосердной, и лишить меня жизни собственными руками! Если бы вы рѣзали мою плоть, я бы не чувствовалъ никакой боли, напротивъ, я бы задыхался отъ блаженства, отъ невыразимаго сладостнаго ощущенія, недоступнаго никому, кромѣ меня».

Отъ послѣднихъ словъ Мендель былъ въ восхищеніи. «Теперь,—думалъ онъ,—я обезпечилъ себя на всѣхъ позиціяхъ, она меня пойметъ и проститъ меня».

Это-то именно письмо, адресованное къ m-lle Паулинѣ Гринбергъ, Мендель нечаянно уронилъ въ моей комнатѣ, и изъ него я узналъ всю печальную драму, разыгрывавшуюся въ его влюбленномъ до безумія сердцѣ.

Я нѣсколько разъ заговаривалъ съ нимъ на тему о любви, о чувствахъ, съ цѣлью вызвать его на откровенность, утѣшить

его, образумить, но онъ запирался, боялся быть со мною откровеннымъ.

Однажды онъ вынулъ изъ кармана листокъ бумаги и, подавая мнѣ, конфузливо пробормоталъ:

— Извольте проредактировать стихотвореніе, написанное моимъ близкимъ пріателемъ.

Я началъ читать, и Мендель устремилъ на меня нетерпѣливо-вопросительный взглядъ:

Одинъ въ мученьяхъ, безъ привѣта,
 Безъ ласки любящей души,
 Проживши жизнью аскета,
 Безвѣстно умеръ онъ въ тиши.

* * *

Меня молилъ онъ, умирая:
 „Когда навѣки я засну,
 Скажи ей прямо, не скрывая,
 Что я любилъ ее одну.

* * *

Что смерти ждалъ я, какъ спасенья,
 Что образъ минувшій я унесъ
 Въ страну холоднаго забвенья,
 Гдѣ слѣха нѣтъ, но нѣтъ и слезъ.

* * *

И если взоръ ея слезою,
 Слезою жалости блеснетъ,
 Мой духъ за грань гробовою
 На мигъ блаженство обрѣтетъ“...

— Ну, какъ оно вамъ нравится?—спросилъ мой ученикъ, когда я окончилъ читать.

— Ерунда!—сказалъ я въ отвѣтъ, отбросивъ листокъ на столъ, къ немалому разочарованію ожидавшаго отъ меня болѣе благопріятнаго отзыва Менделя.

VI.

Нѣсколько дней носился Ватманъ съ своимъ признаніемъ, не осмѣливаясь вручить его въ руки Паулинѣ. Всякій разъ, когда онъ подносилъ руку къ карману, чтобы вынуть запечатанный конвертъ, имъ овладѣвала какая-то непобѣдимая ро-

бость, руки ему не повиновались, сердце болѣзненно билось, и въ горлѣ онъ испытывалъ какое-то неприятное стѣсненіе; словомъ, онъ чувствовалъ себя неспособнымъ отрѣшиться, хотя бы на одну минуту, отъ своей врожденной робости и застѣнчивости. «Завтра непременно подамъ, рѣшалъ онъ про себя», и оставаясь при благомъ намѣреніи до слѣдующаго завтра. И мысль, что Паулина никогда не узнаетъ о его злополучной страсти, мысль, казавшаяся ему прежде такою страшною и невыносимою, постепенно начала уступать горькому сознанію, что для него будетъ все равно—узнаетъ ли она объ этомъ или нѣтъ, что его горячее признаніе нисколько не измѣнитъ установившихся между нимъ и Паулиной отношеній, что она его никогда не полюбитъ, что она для него не болѣе, какъ недосыгаемая звѣзда, сіяющая на недосыгаемомъ горизонтѣ.

Прошло нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ онъ ко мнѣ ни разу не навѣдывался. Я рѣшился отправиться къ нему на квартиру, чтобы узнать причину его отсутствія. Я хотѣлъ пройти въ его комнату, но хозяйка меня предупредила:

— Вы, вѣрно, къ Ватману?

— Да.

— Его нѣтъ уже здѣсь.

— Гдѣ же онъ?

— Въ еврейскомъ госпиталѣ.

— Что съ нимъ случилось?

— Совсѣмъ боленъ сталъ, не ѣсть, не пить, не спать, кашляетъ и кровью харкаетъ; я, знаете, весь день въ лавкѣ занята, кто же будетъ за нимъ ухаживать? вотъ я и посоветывала ему помѣститься въ больницѣ, тамъ доктора и реценты бесплатно; садитесь, что вы стоите? продолжала словоохотливая хозяйка, пододвигая ко мнѣ деревянный стулъ, предварительно оттеревъ его своимъ засаленнымъ передникомъ.

— Благодарю, мнѣ некогда, расскажите мнѣ подробно, какъ это онъ заболѣлъ?

— Вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ все ходилъ такой мрачный, угрюмый; я даже разъ спросила у него: «отчего вы такъ печальны, не кушаете? Вамъ нужно бы у доктора спросить», а онъ отвѣчаетъ: «что-то грудь болитъ, ничего, и такъ

пройдетъ». Разъ ночью поздно слышу кто-то рыдаетъ, но такъ жалобно, такъ страшно, что и мнѣ страшно стало, дѣтки вспо-лошились; вбѣгаю къ нему въ комнатку, зажигаю свѣчку, ви-жу,—сидитъ онъ въ одной рубашкѣ, глаза такіе страшные, си-дитъ и плачетъ, волосы на себѣ рветъ... «Отнесите ей говорить, письмо и скажите это отъ доктора Ватмана... слышите? отъ док-тора медицины Ватмана... впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ... не нужно, несите назадъ! Она разсердится, осмѣетъ меня»... Я сейчасъ и позвала Менуху ди зогерке *, она сказала, что это дурной глазъ, напештала ему и прошло. Пусть Богъ сохранить всѣхъ евреевъ отъ такихъ страховъ: и до сихъ поръ не могу придти въ себя отъ той страшной ночи...» закончила хозяйка, вздрог-нувъ всѣмъ тѣломъ, словно отъ набѣжавшаго холода. Теперь только мнѣ стало ясно, какъ далеко зашелъ Мендель съ своею любовью, и чувство сожалѣнія сжало мое сердце. Распростив-шись съ хозяйкой, я бѣгомъ бросился по направленію къ ев-рейскому госпиталю навѣстить несчастнаго. Я засталъ его ле-жащимъ на койкѣ съ исхудалымъ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, съ покорностью въ мутныхъ глазахъ, выражавшихъ какое-то безнадежное спокойствіе. Увидѣвъ меня, больной, повидимому, обрадовался:

— А, это вы? Спасибо, что навѣстили, я вѣдь тутъ чужой, безъ родныхъ, безъ друзей, пробормоталъ онъ съ какимъ-то зловѣщимъ хрипѣніемъ въ груди

— Что съ вами?

— Не видите развѣ? У меня чахотка, скоро меня не ста-нетъ, отвѣтилъ онъ тономъ человѣка, хорошо сознающаго без-надежность своего положенія.

— Не говорите глупостей! Вы еще молоды и будете жить.

— А это что?—пробормоталъ онъ, указавъ мнѣ слабымъ дви-женіемъ руки на кровь на своемъ платкѣ.

— Но вы можете еще надѣяться на выздоровленіе...

— Благодарю васъ за утѣшеніе, но оно меня мало грѣбетъ.

— Зачѣмъ такое отчаяніе?

* Зогерке—старая женщина-лектриса читающая передъ неграмотной частью женщинъ жаргонный переводъ молитвъ и библейской исторіи.

— Странное дѣло: помогутъ-ли мнѣ всѣ эти микстуры, когда во мнѣ еще не устранена причина, породившая мою болѣзнь?— проговорилъ онъ, тяжело вздохнувъ.

— Что это за причина? Будьте со мною откровенны, какъ съ роднымъ братомъ.

— Не стоитъ,—отвѣтилъ онъ, безнадежно махнувъ рукою,—я жалокъ и не желаю быть, кромѣ того, еще смѣшнымъ...

Каждый день аккуратно я навѣщалъ больного, бесѣдовалъ съ нимъ старался его занимать. Часто, глядя на его изможденное изнурительнымъ недугомъ лицо, я замѣчалъ, какъ потускнѣвшіе глаза внезапно озарялись какимъ-то блескомъ воодушевленія и надежды, но этотъ блескъ также внезапно смѣнялся зловѣщимъ мракомъ отчаянія и сознанія печальной дѣйствительности. Онъ не могъ безъ ужаса смотрѣть на свои исхудалыя руки, болѣе напоминавшія собою руки мертвеца, чѣмъ живого человѣка. Докторъ, пользовавшій его, въ послѣднее время совершенно пересталъ прописывать ему микстуры, находя его состояніе безнадежнымъ. Мендель тотчасъ-же догадался, что это значить, и его начало мучить опасеніе, что онъ умретъ, не открывши Паулинѣ, что она одна была виновницей его преждевременной смерти. И лежа на смертномъ одрѣ, обураваемый въ полночную бессонницу ужасными мыслями о близкой смерти, онъ блуждалъ воспаленными глазами по мрачнымъ стѣнамъ больницы, безмолвная тишина которой нарушалась оханьемъ и стонами такихъ же страдалцевъ, какъ и онъ. Теперь онъ чувствовалъ себя неспособнымъ сдерживаться—и рѣшился открыть свою тайну кому-бы то ни было, даже первому встрѣчному, чтобы быть въ состояніи—по крайней мѣрѣ умереть съ облегчающимъ сознаніемъ, что Паулинѣ извѣстно, что только она была единственной причиной его смерти. Онъ даже предвкушалъ чувство особаго блаженства при мысли, что онъ испуститъ послѣдній вздохъ изъ-за любимаго существа, которое, зная это, непременно проникнется къ нему болѣзненною жалостью. И съ облегченнымъ сердцемъ мысленно декламировалъ онъ про себя написанные имъ когда-то стихи, о которыхъ я отозвался раньше такъ сурово.

И если взоръ ея слезою,
 Слезою жалости блеснетъ,
 Мой духъ за гранью гробовою
 На мигъ блаженство обрѣтетъ.

Какъ-то разъ я навѣстилъ его въ сумеркахъ. Сквозь больничныя окна прорѣзывались послѣдніе лучи заходящаго весенняго солнца. Я нашелъ Мендела въ забытіи. Время отъ времени онъ широко раскрывалъ глаза, какъ будто ужасаясь какого-то грознаго видѣнія. Кашель, не оставлявшій его ни на минуту, былъ какой-то дребезжащій, словно звукъ надтреснутаго горшка. Онъ не отвѣтилъ на произнесенное мною приѣтствіе и нѣсколько мгновеній пристально оглядывалъ меня, какъ незнакомаго человѣка. Мнѣ даже показалось, какъ будто я становлюсь ему въ тягость, что я пришелъ не кстати.

— Если вамъ хочется спать, такъ я приду послѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, я очень даже радъ. Вы пришли какъ разъ кстати, мнѣ стало теперь страшно и грустно,—проговорилъ онъ едва внятнымъ голосомъ.

— Что же васъ, наконецъ, такъ печалитъ? Откройтесь и вамъ легче станетъ.

Онъ молчалъ, но въ сумеречной мглѣ я замѣтилъ, какъ глаза его наполнились слезами. Не дождавшись отъ него отвѣта, я взялъ его руку и продолжалъ:

— Скажите сами, справедливо ли съ вашей стороны относиться съ недовѣріемъ къ тому, кто не разъ имѣлъ случай доказать вамъ свою дружбу и привязанность?

— Съ недовѣріемъ?.. О, не говорите этого! Развѣ я могу относиться съ недовѣріемъ къ вамъ, моему учителю, заступнику и покровителю? Я полонъ благодарности къ вамъ, но не въ силахъ доказать ее: я вѣдь умирающій... И сдѣлавъ возможное усиліе, онъ притянулъ мою руку къ своимъ воспаленнымъ губамъ и слабо поцѣловалъ ее.

Послѣдовала непродолжительная пауза въ продолженіе которой онъ видимо боролся съ самимъ собою. Минута была рѣшительная. Я, положимъ, могъ бы сказать ему прямо, что уже давно знаю о его несчастной любви, но я не хотѣлъ такъ же-

стоко и внезапно поразить его своимъ знаніемъ того, что онъ до сихъ поръ такъ тщательно скрывалъ.

— Открою,—отвѣтилъ онъ наконецъ,—но позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ глупый вопросъ,—больной вѣдь склоненъ къ сентиментальничанью: скажите, вы вѣрите въ безсмертіе души?

— Вѣрю.

— Значить, мы еще увидимся?—промолвилъ онъ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ.

— Съ кѣмъ это?

Онъ замаялся.

— Ну, съ вами... съ моей умершей матерью... со всѣми друзьями,—пролепеталъ онъ неувѣреннымъ тономъ, чувствуя, что проговорился и что я не удовлетворюсь подобнымъ отвѣтомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, вы скрытничаете и передъ кѣмъ?—передо мною; не стыдно ли вамъ?

— Да, я виноватъ передъ вами, но я не могу... повернитесь ко мнѣ спиною, и я вамъ открою... извините меня, я не могу... тяжело...

— Это зачѣмъ?..—недоумѣвалъ я.

— Мое лицо будетъ ужасно смѣшно и жалко, когда я произнесу мою роковую тайну.

Дѣлать было нечего. Я повиновался. Это была трогательная и вмѣстѣ съ тѣмъ комичная сцена. Но онъ медлил признаніемъ: его душили слезы, слезы умирающаго, рѣшившагося послѣ продолжительной борьбы съ самимъ собою выставить на показъ всю жалость своего положенія, свое униженіе и ничтожество.

— Я люб... лю Па... ул...

Отъ душевнаго волненія его началъ душить непрерывный кашель, и онъ не могъ договорить начатой фразы.

— Па...у...ли...ну Гринбергъ,—продолжалъ онъ прерывающимся голосомъ,—и изъ-за нея умираю...

Жутко стало мнѣ отъ этого признанія. Хотя я былъ приготовленъ раньше къ этому, но слышать подобное изъ устъ умирающаго юноши, при такой удручающей обстановкѣ, мнѣ

никогда еще не приходилось. Когда же я снова повернулся къ нему лицомъ, онъ тяжело дышалъ, какъ будто отъ физическаго утомленія, и глаза его были еще влажны отъ слезъ.

— Не волнуйтесь и будьте смѣлѣе, — сказалъ я, не зная, какъ его утѣшить, успокоить.

— Это отъ меня не зависитъ; да, — проговорилъ онъ уже болѣе спокойнымъ шопотомъ, — я васъ попрошу оказать мнѣ послѣднюю услугу: когда меня уже не станеть, расскажите ей обо всемъ, но, умоляю васъ, не иначе, какъ послѣ... понимаете... послѣ...

Это было наше послѣднее свиданіе. На слѣдующій день я уже нашель его въ мертвецкой.

И. Марголинъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ИЗЪ ТАЛМУДИЧЕСКОЙ ЭПОХИ *.

(Посвящается еврейской молодежи).

III. Р а б и А к и б а

(великомученикъ).

Вся жизнь раби Акибы, начиная отъ его пастушеской, любовной идилліи и кончая его мученическою смертью, исполнена такихъ замѣчательныхъ особенностей, такихъ богатыхъ поэзію моментовъ, что невольно поддаешься тому ореолу величія, какимъ окружило его народное воззрѣніе. Изъ простого, бѣднаго пастуха, преисполненнаго ненависти къ ученому классу въ такой степени, что онъ, по собственнымъ словамъ Акибы, готовъ былъ бы ужалить кого бы то ни было изъ ученыхъ змѣинымъ ядомъ, Акиба подымается до недостигаемой высоты науки, которая не имѣла ему равнаго. Это доказываетъ, что онъ обладалъ выдающимися естественными дарованіями, которыя могли бы въ немъ совершенно заглухнуть, если бы особая, быстро увлекающая своимъ потокомъ сила не вывела его изъ покойно-сладкаго созерцанія природы на широкій путь умственной и національно-политической жизни. Этою силою была любовь къ дочери его богатаго хозяина, женщинѣ, очевидно, вполне его достойной. Увлечшись его красотою и прекрасными качествами, она отеклась отъ жизни, полный избытка и роскоши, и рѣшилась замѣнить ее тяжелой обстановкой крайней нищеты лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы дорогой ей пастухъ отправился въ академію для изученія науки. Жертва съ ея стороны была слишкомъ велика, чтобы Акиба не подчинился ея волѣ. Онъ оставилъ ее нищую, брошенную отцомъ на произволъ судьбы, и, воодушевленный любовью къ этой милой женщинѣ, съ такимъ усердіемъ предался наукѣ, что успѣлъ не только самъ

* См. „Восходъ“ 1887 г., кн. I и II.

изучить ее, но и образовать многочисленный классъ учениковъ-послѣдователей. Какъ велика была радость возлюбленной Акибы, когда, по возвращеніи на родину, встрѣченный толпою, онъ сказалъ своимъ ученикамъ, не желавшимъ пропустить одну проталкивавшуюся сквозь народъ нищю: «Пропустите ее: если бы не она—ни я, ни вы не были бы тѣмъ, чѣмъ мы теперь». Эта нищя была жена знаменитаго ученаго, она ждала его съ трепетнымъ біеніемъ сердца, она сдѣлалась теперь богаче всѣхъ, и даже отецъ ея помирился съ ея положеніемъ, когда узналъ, что презрѣнный имъ пастухъ возвратился со славою великаго учителя. Легенда ничего болѣе не сохранила объ этой женщинѣ, но очевидно, что она отличалась несомнѣнными, прекрасными качествами, когда она такъ долго и мучительно терпѣливо ожидала мужа, отдавшись ему всецѣло и живя при такихъ условіяхъ нищеты, что приходилось продавать ей косы своихъ волосъ, чтобы добывать средства къ существованію. Очевидно, что Акиба всю жизнь преисполненъ былъ глубокой преданности къ своей женѣ и сдержалъ данное ей обѣщаніе подарить золотой Іерусалимъ. Онъ дѣйствительно подарилъ ей золотой медальонъ съ изображеніемъ Іерусалима,—медальонъ, которому позавидовала жена предсѣдателя синедріона и извѣстнаго своимъ богатствомъ р. Гамліеля. Очевидно также, что она раздѣляла вполнѣдствіи его политическія убѣжденія, соглашаясь на геройски-рискованныя путешествія его, предпринимавшіяся имъ съ цѣлью поднять народъ противъ римлянъ, и не удерживая его отъ прямого вмѣшательства въ народное возстаніе. Такія женщины, проникнутыя глубокимъ уваженіемъ къ наукѣ и раздѣляющія вмѣстѣ съ мужьями нравственныя убѣжденія, вытекающія изъ идеи общественнаго блага, достойны высокаго удивленія потомства. Я говорю «потомства» потому, что въ современномъ намъ поколѣніи очень рѣдко приходится встрѣчаться съ такими женщинами, между тѣмъ какъ въ древнюю эпоху исторической жизни евреевъ женскіе идеалы еще были популярны и не было надобности особенно гордиться ими, какъ это видно изъ того, что о такихъ женщинахъ, какъ жена Акибы и жена р. Меира, сохранились самыя скудныя свѣдѣнія.

Таково начало жизни Акибы, окрашенное розовыми надеж-

дами любви и сладкими мечтами о наукѣ. Но въ позднѣйшій періодъ возмужалости она была омрачена тучами, нависшими надъ злополучною жизнію народа. Дѣятельность Акибы относится къ самому бурному періоду еврейской исторіи, когда грозный Римъ, въ лицѣ Адріана, рѣшилъ посягнуть на все, что составляетъ драгоцѣнное достояніе народа. Въ борьбѣ съ этимъ внѣшнимъ насиліемъ Акиба выработалъ въ себѣ твердое убѣжденіе въ необходимости создать нравственную опору народной самобытности, которую онъ видѣлъ съ одной стороны въ популяризаціи ученія и нравственныхъ идей, а съ другой—въ возбужденіи народнаго духа и подготовленіи его къ возможной политической борьбѣ. Во внутренней жизни евреевъ онъ встрѣтился также съ самыми разнообразными теченіями, которыя должны были придти къ равновѣсію. Въ его время наступила пора объединенія іудейскихъ школъ и необходимо было положить конецъ еще не закончившейся борьбѣ двухъ направленій—Шамаей и Гиллеля. Разнь въ направленіяхъ очень вредно вліяла на развитіе народной жизни. Перевѣсъ, очевидно, клонился на сторону болѣе прогрессивнаго направленія—Гиллеля, но направленіе Шамаей еще имѣло затаенныхъ приверженцевъ, которые въ школѣ, въ академіи открыто не выступали, но въ жизни нерѣдко давали иное практическое разрѣшеніе вопросамъ, поставленнымъ и проведеннымъ въ наукѣ совершенно въ иномъ смыслѣ. Все это производило смуты въ умахъ. Представитель синедріона Гамлиель, отличаясь слишкомъ властолюбивымъ характеромъ и стремленіемъ къ подавленію самостоятельности во взглядахъ представителей науки, не обладалъ, однако, достаточною энергіей въ умѣнны руководить академіею и относился различно къ ученымъ, смотря по тому, принадлежали-ли они къ богатому или бѣдному классу. Г. Вейсъ принимаетъ Гамлиеля подъ свою защиту, доказывая, что его непомѣрно строгое отношеніе къ ученымъ обуславливалось его необыкновенною любовью къ народу и горячимъ желаніемъ положить конецъ внутренней розни. Дѣйствительно, Гамлиель прислушивался къ современнымъ условіямъ жизни, заботился о народномъ благѣ, которому онъ посвящалъ много времени изслѣдованіемъ религіознаго и политическаго духа народа. Прав-

да и то, что онъ относился примирительно къ общечеловѣческимъ идеямъ, что, съ цѣлью сохраненія въ чистотѣ имени Божія, онъ запретилъ обманное похищеніе имущества не-еврея, что онъ стремился всѣми силами сообщить направленію Гиллеля господствующій характеръ, — всѣ эти заслуги его совершенно вѣрны. При всемъ томъ, его образъ дѣйствій въ стѣнахъ академіи и синагоги, его честолюбивый характеръ и желаніе импонировать вредно дѣйствовали на успѣшность въ достиженіи цѣлей, имъ же предназначенныхъ. Фальшивое положеніе Гамліеля можетъ быть объяснено тѣмъ, что онъ не обладалъ такою эрудиціей, которая давала бы ему право на занятіе должности перво-степенной. Всѣ законовѣды того времени далеко превосходили его своими познаніями, своею любовью къ народу и серьезнымъ отношеніемъ къ наукѣ. Между тѣмъ, смотря на занятый постъ съ точки зрѣнія династической и опираясь на римскую власть и на свое богатство, Гамліель съ необычайнымъ высокомѣріемъ относился къ достоинству дѣйствительныхъ, первоклассныхъ ученыхъ. Этимъ онъ часто вызывалъ тайную злобу и протесты внѣ академіи, которые окончились тѣмъ, что его лишили главенства, и лишь послѣ того, какъ онъ испросилъ прощеніе у обиженныхъ, ему удалось вновь водвориться на прежней должности. Однимъ изъ главныхъ дѣятелей академіи Гамліеля считался Акиба, который былъ далеко не хладнокровнымъ зрителемъ борьбы разнородныхъ элементовъ, не сдерживаемыхъ мощною рукою Гамліеля, подчасъ прибѣгавшаго къ изгнанію ученыхъ изъ среды академіи. Внутренняя борьба мѣтвой и стремленій какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, въ эпоху Акибы, какъ видно, принимала не менѣе острый характеръ, чѣмъ борьба внѣшняя.

Но, кромѣ участія, которое Акиба принималъ и въ той, и въ другой борьбѣ, ему предстояла еще болѣе тяжелая борьба съ собственнымъ, внутреннимъ міромъ. Учителя, у которыхъ онъ слушалъ науку, принадлежали къ двумъ совершенно противоположнымъ направленіямъ. Одинъ, Гамау, стоялъ на почвѣ толкованія догматики Галахи въ связи съ древнимъ библейскимъ закономъ. Другой — раби Эліезеръ — на почвѣ чистѣйшей традиціи. Первый не могъ представлять себѣ закона, который не имѣлъ бы своего основанія въ библии, а второй, напротивъ,

не отыскивалъ никакого иного разума въ законѣ, кромѣ разума традиціи, устнаго преданія въ томъ видѣ, какъ оно доходило до законоучителя. Отличаясь исполнинскою памятью, о которой говорили какъ о зацементированной системѣ, не пропускающей ни капли попавшей въ нее воды, раби Эліезеръ утверждалъ, что все, что онъ выдаетъ за обязательное правило, есть результатъ дошедшей до него традиціи, не нуждающейся ни въ какихъ мотивахъ. Ученое высокоомѣріе раби Эліезера могло бы сравниться развѣ съ тщеславнымъ высокоомѣріемъ Гамліеля: оба ставили себя въ безапелляціонное положеніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что истинная наука, основанная на разумѣ, не можетъ закоснѣть на не подлежащей критикѣ традиціи. И Акиба не могъ мириться съ такимъ всеразрѣшающимъ вопросомъ оракуломъ, не поддающимся ни пространству, ни времени. Устно переданное воззрѣніе, нашедшее свое начало Богъ вѣсть въ какое отдаленное отъ насъ время и въ какой отдаленной отъ насъ странѣ, принимаетъ, по понятіямъ Эліезера, характеръ законченной заповѣди, обязательной всюду и всегда. Между тѣмъ Акиба не могъ сдѣлаться такимъ безжизненнымъ теоретикомъ: онъ всею душою своею былъ преданъ живымъ интересамъ народа, благу котораго онъ посвятилъ лучшія свои силы. Ввести разнообразныя отношенія народной жизни въ окаменѣлыя формы традиціи значило для Акибы одно изъ двухъ: или задерживать развитіе народной жизни, принося ее въ жертву традиціи, или порвать всякую связь съ абсолютной традиціей, которая не въ силахъ будетъ преградить путь неудержимому потоку жизни. И то, и другое одинаково опасно. Облегченіе тягостей народной жизни есть безусловное правило всякаго разумнаго закона, а съ другой стороны, масса, въ которой глубоко коренится вѣрованіе въ откровеніе закона, всегда желаетъ думать, что новый законъ имѣетъ свое основаніе въ древнемъ обычаѣ или устномъ преданіи. Примиреніе этихъ двухъ началъ—требованій современности съ требованіями традиціи выпало на долю Акибы, и эту задачу онъ выполнилъ блестящимъ образомъ. Для Акибы стало ясно, что законъ долженъ получить свое основаніе или въ библии, или въ традиціи, и онъ началъ связывать новое съ старымъ путемъ самаго широкаго тол-

кованія буквы библейскаго закона и разума Галахи. Логическіе приемы Акибы имѣли такой блестящій успѣхъ, что всѣ удивлялись тому, какъ онъ умѣетъ громоздить галаху надъ галахой. Современная намъ молодежь полагаетъ, что работа Акибы была результатомъ схоластическихъ словопреній, чисто-отвлеченнаго искусства давать отвѣты на всевозможные вопросы. Но, зная характеръ эпохи, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Акиба, можно придти къ несомнѣнному заключенію, что его методъ въ развитіи галахи обусловливается жизненностью самой задачи, которую онъ себѣ поставилъ. Онъ долженъ былъ дать отпоръ слишкомъ отсталой идеѣ, выразителемъ которой было ученіе Эліезера. Послѣдній былъ Шамаитомъ чистой крови и, благодаря его сильному авторитету и неумѣлымъ приемамъ борьбы со стороны Гамліела, идея его могла бы сдѣлаться господствующей и на вѣки похоронить законожизненность направленія гиллелитовъ. Здѣсь рѣчь шла не о схоластикѣ, не о превосходствѣ умственныхъ силъ на поприщѣ схоластической гимнастики, а о самомъ жгучемъ вопросѣ—быть или не быть одному изъ самыхъ цѣлесообразныхъ принципозъ, на которомъ строилось все направленіе Гиллеля. Акиба, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ гиллелитовъ, долженъ былъ вооружаться всею силою своего ума, призвать на помощь всѣ способности своей души, чтобы выступить противъ своего учителя непоборимою логикой толкованія галахи. Акибу сравнивали съ бодающимъ на всѣ стороны буйволомъ, противъ котораго никто устоять не можетъ: такова была сила его логики, противъ которой бороться было очень трудно. Акиба своимъ глубокимъ анализомъ и сравнительнымъ методомъ далъ самый крутой поворотъ направленію въ толкованіи галахи и придалъ ему такой рельефный оттѣнокъ, что съ Акибою галаха подымается на непривычную ей дотолѣ высоту. Одинъ только послѣдователь его — рабби Меиръ могъ поднять ее еще выше, но до Акибы она не отличалась такимъ высокимъ полетомъ. Когда Акиба находился внѣ академіи, и приходилось разрѣшать трудные вопросы галахи, говорили: «Галаха на улицѣ», т. е. если пригласятъ Акибу въ академію, то онъ укажетъ путь къ истолкованію галахи. Легенда ставитъ Акибу на такой пьедесталъ, на

который не удалось подняться ни одному изъ галахистовъ. Она рассказываетъ, что Господь Богъ проводитъ предъ Адамомъ поколѣніе за поколѣніемъ съ его учеными представителями. Адамъ не обращаетъ ни на одно изъ нихъ никакого вниманія, пока не появилось поколѣніе Акибы. На послѣднемъ остановилось вниманіе Адама, который выразилъ Господу свое прискорбіе о смерти Акибы. Въ другомъ мѣстѣ легенда заставляетъ величайшаго изъ законодателей — Моисея выразить Господу Богу свое глубокое сожалѣніе о томъ, что Онъ не далъ евреямъ закона чрезъ Акибу, который гораздо выше его, Моисея. Даже ангелы, по словамъ легенды, завидуютъ ему и просятъ Бога удалить его отъ себя; но Господь отвѣчаетъ имъ: «Оставьте этого старика, онъ достоинъ наслаждаться лицезрѣніемъ Моей славы». Такимъ образомъ народное міросозерцаніе создало изъ Акибы такой идеаль, который не былъ со временъ Адама, предъ которымъ блѣднѣетъ сила Моисея и которому завидуютъ безгрѣшные ангелы. Если народное преданіе сохранило объ Акибѣ такую замѣчательную характеристику силы его знанія закона, то очевидно, что его ученіе отличалось самымъ жизненнымъ направленіемъ и пустило въ народной жизни самыя глубокія корни. Народъ всегда относится чутко къ истиннымъ представителямъ его интересовъ и въ своихъ преданіяхъ отдастъ должное великому своему учителю. Если въ легендѣ мало сохранилось преданій о другихъ сторонахъ дѣятельности Акибы, то это значить, что ученое направленіе его всего болѣе принесло пользу народу. Его политическая дѣятельность не окружена такимъ ореоломъ, какъ его дѣятельность ученая, хотя и здѣсь, и тамъ онъ стоялъ особнякомъ среди своихъ учителей и коллегъ.

Не женте великъ былъ Акиба и въ Агадѣ. Отношеніе галахи къ агадѣ мы уже разъ опредѣлили такъ: въ галахѣ рѣчь идетъ о догматической части закона, все равно юридическаго или богословскаго; въ ней народное воззрѣніе на первомъ планѣ; въ ней жизнь съ ея практическими вопросами, съ ея неотложными требованіями получаетъ отвѣты; въ ней рѣчь идетъ о временной, земной правдѣ. Но есть нѣчто выше житейскихъ вопросовъ дня; есть требованія человѣческой души, которыя

ищутъ удовлетворенія съ неменьшею настойчивостью, чѣмъ неотложная человѣческая нужда; есть болѣе возвышенные вопросы, которые занимаютъ пытливый умъ человѣка и не даютъ ему покою; есть болѣе возвышенныя идеи нравственности и правды, которыя увлекаютъ лучшихъ людей каждой эпохи по пути общечеловѣческаго прогресса. Всѣ эти вопросы перенесены были въ область агады. Въ ней талмудисты разрѣшали вопросы о мірозданіи, о высшемъ существѣ, о современномъ знаніи; въ ней обнаруживали глубокое остроуміе по вопросамъ общезжитія и морали; въ ней проводили все, что должно было вести впередъ еврейство и приближать его къ лучшимъ идеаламъ будущаго. Тѣ самые талмудисты, которые въ галахѣ, согласно требованіямъ времени, поддерживали знамя закона, водрузили въ агадѣ совершенно иное знамя, на которомъ яркими красками выступали совершенно другія требованія и ставились совершенно другія задачи. Талмудисты подвергали свою собственную гадаху критикѣ въ агадѣ. Въ галахѣ они устанавливали порядокъ, въ агадѣ они же его подрывали. Талмудисты были критиками своей собственной мысли и революціонерами своего же порядка. Народъ они поддерживали на уровнѣ его современнаго міросозерцанія, а въ школѣ и внѣ ея раздавался освѣжающимъ образомъ неумолкаемый голосъ агады, въ которой развивалось ученіе, исполненное новыхъ и лучшихъ вѣяній. Если галаха была дочерью земли, служительницею ея интересовъ, хранительницею духа времени,—то агада была дочерью небесъ, предвозвѣстницею лучшаго будущаго и живительною струею прогресса. Въ агадѣ сосредоточивается все, что было лучшаго въ еврействѣ, въ ней, какъ въ зеркалѣ, проходятъ всѣ лучшіе его идеалы, всѣ лучшія его чаянія и надежды.

Акиба во главѣ религіи ставитъ любовь къ Богу, но любовь, исполненную безстрашія и готовую на принесеніе ему въ жертву высшаго блага—самой жизни. Любовь къ высшей идеѣ разума и справедливости проникаетъ весь его внутренній міръ и составляетъ неотъемлемый принципъ жизни. Что это было не отвлеченная формула, а жизненная идея, доказывается всей жизнію Акибы, всею его неустрашимую, какъ мы увидимъ, дѣятельностью и самой его мученической смертью, которая доста-

вила ему наслажденіе практическимъ выполненіемъ высшаго принципа своей жизни. За этимъ принципомъ идетъ другой, уже укорененный Гиллелемъ, любви къ ближнему, который и у него составляетъ верховный законъ общежитія. Но Акиба идетъ далѣе Гиллеля и влагаетъ въ этотъ принципъ новое содержаніе. Для него уже недостаточна отрицательная формула Гиллеля: не дѣлай другому того, что тебѣ самому не любо. Онъ требуетъ отъ людей, униженныхъ, оскорбленныхъ и опозоренныхъ, чтобы они не желали униженія, оскорбленія и опозоренія другимъ, онъ не желаетъ въ чужомъ несчастіи искать для себя утѣшенія. И такъ какъ это требованіе у него ничѣмъ не ограничивается, то, по его воззрѣніямъ, не слѣдуетъ желать ничего подобнаго даже врагамъ своимъ, даже своимъ угнетателямъ. Высшая любовь Бога къ человѣку выражается въ томъ, что Онъ создалъ его по своему образу и подобию; но еще глубже эта любовь Бога коренится въ томъ, что Богъ одарилъ человѣка сознаниемъ того, что онъ созданъ по образу и подобию Божію. Точно также по отношенію къ евреямъ Акиба считаетъ менѣе важнымъ откровеніе Божіе, чѣмъ сознаніе этого откровенія. Сознаніе, нравственная свобода являлись у Акибы отраженіемъ богоподобія. Самъ Богъ, въ противность мнѣніямъ другихъ, дѣйствуетъ не произвольно, а по законамъ разума и справедливости. Въ страданіяхъ людей онъ видитъ источникъ исправленія. Страданія у него — предвозвѣстники лучшаго. Гдѣ зло близко, говоритъ Акиба, тамъ и добро уже не далеко. Въ величайшемъ несчастіи онъ шлетъ благословеніе Господу какъ справедливому судѣ. Когда онъ съ другими законоучителями подѣзжалъ къ Риму, куда они отправились ходатайствовать объ облегченіи участи евреевъ, и замѣтили эту кипучую жизнь, шумъ и движеніе кругомъ, коллеги его впали въ уныніе; но Акиба не упалъ духомъ и въ утѣшеніе имъ сказалъ: «если Римъ пользуется такимъ величіемъ, то какое можетъ предстоять Іерусалиму!» На бѣдствія евреевъ онъ смотрѣлъ также какъ на искупленіе, ибо видѣлъ въ нихъ источникъ исправленія и приближенія къ спасенію. Раби Меиръ, его послѣдователь, глубже взглянулъ на страданіе человечества вообще, считая его страданіемъ самого Бога; но

только взглядъ Акибы на страданіе, какъ на искупленіе, могъ дать его ученику матеріаль для дальнѣйшаго развитія. Акиба даже находилъ, что страданія дѣлають евреевъ болѣе симпатичными и образно выразилъ свою мысль такимъ образомъ: «страданія евреямъ къ лицу, какъ красный ошейникъ бѣлому коню». Украшеніемъ челоуѣка Акиба считалъ трудъ. Самая черная работа гораздо достойнѣе челоуѣка, чѣмъ праздность и протягиваніе руки. На бракъ Акиба смотрѣлъ какъ на святыню. Гдѣ мужъ и жена—тамъ и Богъ, говаривалъ онъ. При такомъ высоконравственномъ взглядѣ на бракъ, Акиба допускалъ болѣе широкія условія развода, чѣмъ другіе современные ему законодѣды. Нѣкоторые объясняютъ его отношеніе къ разводу тѣмъ, что онъ будто желалъ дать въ жизни отпоръ выработавшимся въ его время крайне стѣснительнымъ условіямъ развода и, какъ крайній націоналистъ, онъ будто желалъ пользоваться своимъ авторитетомъ, чтобы новыя идеи не получили распространенія на почвѣ юдаизма. Но это мнѣніе ошибочно. Мы видѣли, что уже Гиллель, жившій въ такое время, когда еще новыя идеи не были извѣстны, также допускалъ свободно разводъ, не имѣя надобности ни въ какомъ протестѣ. Слѣдуетъ думать, что Акиба, подобно Гиллелю и его школѣ, считалъ разводъ однимъ изъ условій, дающихъ возможность сохранить святость брачныхъ отношеній между супругами, такъ какъ они считали бракъ основаннымъ на любви, на началѣ жизненномъ, а не богословско-догматическомъ, котораго придерживалась школа Шамаа. Это объясненіе естественнѣе и болѣе согласно съ истиною. Бракъ Акибы былъ основанъ на священномъ чувствѣ любви, и эта именно святость брачныхъ отношеній внушила ему мысль, что Богъ пребываетъ между супругами. Поэтому нельзя допустить, чтобы идея о разводѣ и его условіяхъ вытекала у Акибы изъ какихъ нибудь постороннихъ самому браку соображеній, а тѣмъ менѣе — изъ религиозно-національныхъ. Женщина въ глазахъ Акибы была существомъ высшимъ, вносящимъ счастье въ семейную жизнь. Онъ ее ставилъ даже на очень высокую ступень, утверждая, что желающій имѣть богатое и долговѣчное потомство долженъ слушаться велѣній Господа и жены. При такомъ высокомъ

взглядѣ на женщину и роль ея въ семьѣ, нельзя допустить и мысли, чтобы Акиба проповѣдывалъ разводъ во имя божественнаго протеста. Напротивъ, считая женщину способною къ осуществленію семейныхъ идеаловъ, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что она можетъ выполнить свою задачу только при условіяхъ мирной семейной жизни, тѣсно связанной съ любовью,—а видъ этихъ условій Акиба считалъ бракъ невысказаннымъ и женщину—неспособною на жертвы, требуемая во имя мира и любви. Акиба вынесъ свои взгляды изъ собственной семьи, у него была идеальная жена, которая доставила ему все и наполнила его семейную жизнь высшимъ нравственнымъ блаженствомъ. Справедливо поэтому г. Горовицъ * говорить, что не имѣлъ-ли Акиба въ виду своей собственной жены, когда ставилъ женщину на такой высокой пьедесталъ, и не думалъ-ли о локонахъ своей жены, отрѣзанныхъ и проданныхъ ею ради славы своего мужа, когда онъ настойчиво требовалъ отъ лица, обратившагося къ нему съ вопросомъ: можетъ-ли онъ уменьшить сумму обезпеченія жены — чтобы онъ удовлетворилъ ее сполна, говоря: «ты долженъ во что бы ни стало выдать ей всю сумму, хоть бы пришлось для этого продать локоны своихъ волосъ!» Святое чувство любви, посѣтившее сердце молодого пастуха, охватило весь его духовный организмъ, положило начало нравственному его перерожденію и развилось во всеобъемлющее чувство, не знающее различія между людьми: онъ перенесъ ее въ семью, перенесъ на собственный народъ, на язычниковъ, на все человѣчество, и въ старости не могъ освободиться отъ впечатлѣній молодости.

Къ язычникамъ Акиба относился съ полнымъ уваженіемъ. Во время знаменитаго путешествія своего онъ изучалъ нравы и обычаи язычниковъ, и все, что было у нихъ хорошаго, нравственнаго, достойнаго подражанія, ставилъ въ образецъ евреямъ. Въ легендѣ сохранились нѣкоторыя бесѣды римлянъ съ Акибой о провидѣніи и нравственности. Тиній Руфъ спраши-

* ר' אקיבא ומשפט האישה בשרון (Акиба и брачное право евреевъ. „Гамахаръ“, годъ 12, тетрадь 7, стр. 432.

ваетъ Акибу: «если Богъ вашъ любитъ бѣдныхъ, то почему онъ не заботится объ ихъ содержаніи?»—Для того,—отвѣчаетъ Акиба,—чтобы мы имѣли случай добрыми дѣлами освободиться отъ мукъ ада.—Напротивъ,—говоритъ Тиній,—этими дѣлами вы на себя навлечете эти муки. Если царь исполненъ гнѣва на одного изъ своихъ рабовъ и ввергаетъ его въ темницу съ цѣлью заморить его голодомъ и жаждой,—то не сдѣлается ли достойнымъ наказанія тотъ, кто осмѣлится доставить ему пищу и питье?—Но, представь себѣ,—говоритъ Акиба,—что царь разгнѣвался на сына своего по поводу совершеннаго имъ проступка и заключаетъ его также въ темницу, оставляя его безъ пищи и питья. Накажетъ ли онъ того, кто ему доставилъ пищу и питье съ цѣлью спасти его отъ мукъ голодной смерти? Конечно, нѣтъ! А люди—дѣти Божіи, ибо сказано: вы дѣти Предвѣчнаго Бога вашего.—Какою гуманностью дышетъ это воззрѣніе Акибы на людей какъ на дѣтей Божіихъ, которыхъ Онъ, правда, караетъ, но при этомъ тайно радуется облегченію ихъ участи. Язычникъ предлагаетъ Акибѣ вопросъ: «Я и ты знаемъ хорошо, что въ идолахъ нѣтъ ничего чудотворнаго. Отчего же бываетъ, что люди, заходя въ ихъ храмъ больными, выходятъ оттуда здоровыми?—Если,—отвѣчаетъ Акиба,—время страданій отъ болѣзни какъ разъ прошло въ ту минуту, когда больной вошелъ въ храмъ, то Богъ, по твоему, долженъ помѣшать выздоровленію только потому, что больной вошелъ въ эту минуту въ явическій храмъ?—Тиній спрашиваетъ Акибу: «Чѣмъ суббота отличается отъ другихъ дней недѣли, что вы избрали ее для отдохновенія?—Что отвѣтилъ бы ты,—спрашиваетъ Акиба,—если бы тебѣ предложили вопросъ: «чѣмъ ты лучше другихъ людей, что желаешь быть отличенъ отъ нихъ?»—Мнѣ такъ слѣдуетъ,—возражаетъ Тиній,—ибо я пользуюсь благоволеніемъ императора. — Точно также, какъ императоръ къ тебѣ, Богъ относится съ благоволеніемъ къ субботному дню,—заключилъ Акиба. Другой разъ тотъ же Тиній предложилъ Акибѣ вопросъ: «Чьи дѣла славнѣе—Бога или человѣка?» Акиба отвѣтилъ: «Дѣла человѣка!—Какъ можно,—говоритъ Тиній,—можетъ ли человѣкъ создать небо и землю?—Этого нѣтъ,—говоритъ Акиба,—но при всемъ томъ дѣла чело-

вѣка лучше. Смотри, вотъ здѣсь лежитъ хлѣбъ, а тамъ вотъ видишь силой Божіей растущіе колосья, наполненные зерномъ,— что изъ нихъ кажется тебѣ болѣе совершеннымъ: хлѣбъ, творенье человѣка, или колосья, творенье Божіе? — Конечно, первый,—отвѣчаетъ Тиній и при этомъ продолжаетъ бесѣду:— Почему вы совершаете надъ собою обрядъ обрѣзанія?—Видишь-ли,—говоритъ Акиба,—какъ я заранѣе угадалъ, къ чему клонятся всѣ твои вопросы, и отвѣтилъ поэтому, что дѣла человѣка прекраснѣе.—Почему же, однако, вы не родитесь въ такомъ видѣ, какъ теперь,—спрашиваетъ Тиній.—Для того именно,—отвѣчаетъ Акиба, — чтобы усовершенствовать себя самостоятельно. Объ этомъ Тиній-Руфѣ легенда рассказываетъ, что онъ разъ пришелъ домой чрезвычайно печальный и раздосадованный. На вопросъ жены объ этомъ онъ отвѣтилъ, что Акиба его конфузитъ предъ императоромъ своими бесѣдами. Въ отместку за это жена Тинія взялась соблазнить Акибу, и дѣло окончилось тѣмъ, что она приняла еврейство и вышла замужъ за Акибу, который, по наитію свыше, это раньше предвидѣлъ во снѣ *. Насколько достоверна эта легенда, мы судить не беремся, но во всякомъ случаѣ она несомнѣнно доказываетъ, что Тиній былъ недоволенъ Акибой и его бесѣдами, которыя имѣли болѣе или менѣе публичный характеръ. Что въ это время были дѣйствительно религіозныя бесѣды между римлянами и евреями, доказывается тѣмъ, что въ первый періодъ христіанства не только цѣлыя римскія общины переходили въ еврейство, но и высшіе классы и даже придворныя особы. О бесѣдахъ современника Акибы Р. Гошуа съ высокопоставленной римлянкой также сохранилось нѣсколько преданій, которыя рисуютъ этого законовѣда, какъ пламеннаго оратора и искуснаго защитника евреевъ предъ римскимъ дворомъ. Не смотря на то, что Гошуа былъ некрасивъ на видъ, высокопоставленная римлянка, однако, любила съ нимъ бесѣдовать и часто удивлялась тому, какимъ образомъ такому некрасивому человѣку Богъ далъ столько ума. Въ отвѣтъ на это Р. Гошуа ей сказала: «вино для сохранения держать не въ золотой, а въ деревянной посудинѣ; такъ

* ספר הדרות, ч. II, стр. 256.

и съ наукой: ее отдають не красивымъ, а уродамъ». Словомъ, бесѣды съ высокопоставленными римлянами были въ это время часты, и слѣдуетъ считать достовѣрнымъ, что Тиний-Руфъ часто велъ бесѣды съ Акибой, который могъ ставить перваго въ затруднительное положеніе.

Кромѣ религіи и нравственности Акиба еще отличался общими знаніями и былъ посвященъ въ ученіе греческихъ философовъ, противъ пантеизма котораго онъ протестовалъ своимъ ученіемъ *. Метафизика была однимъ изъ главныхъ предметовъ изученія Акибы. О немъ говорятъ, что изъ числа другихъ трехъ законовѣдовъ, которые, наравнѣ съ нимъ, вошли въ «рай» (наука о высшемъ существѣ), онъ одинъ только вышелъ оттуда цѣлъ и невредимъ. Какъ извѣстно, одинъ изъ его современниковъ, знаменитый учитель р. Меира, Элиша Бенъ-Абуя, извѣстный ахеръ (отступникъ), измѣнилъ еврейству, врѣзался, какъ говоритъ легенда, въ самыя насажденія, которыя и вырвалъ съ корнемъ. Другіе два—помутились умомъ. Одинъ Акиба выдержалъ борьбу съ философіею и пользовался ею для укрѣпленія вѣры и разума въ Израилѣ. Пользуясь общими своими знаніями для обновленія духа стараго закона, выдержавъ въ этомъ отношеніи тяжелую борьбу съ представителями стараго направленія, во главѣ котораго стоялъ его наставникъ Элизеръ со своимъ громаднымъ авторитетомъ, Акиба, съ другой стороны, не только не прерывалъ связи съ еврействомъ, но старался укрѣпить ее въ народѣ, не расходясь даже съ галахой, выводя новую изъ старой и связывая старую съ древнимъ, библейскимъ закономъ. Этому слѣдуетъ приписать то, что онъ въ глазахъ потомства сталъ выше всѣхъ своихъ современниковъ — Элизера, Тарфона, Ишмаэля, Иоси Галлилеянина и другихъ, пользовавшихся громаднымъ авторитетомъ, законовѣдовъ.

М. Моргулисъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* דרכי המשנה Система Мишны Френкеля 116.

БОЖЬЯ НИВА.

(На мотивъ изъ Пророковъ).

Какъ пахарь предъ нивой, побитой грозой,
Стою предъ тобою, народъ мой родной!
Колосья шумѣли, колосья сверкали
И жатву обильную намъ обѣщали.
Но буря промчалась въ раздольи полей—
Господь мой! Что сдѣлалъ Ты съ нивой моей!
Господь мой! Оплотъ мой! Услышь меня нынѣ:
Я видѣлъ—Ты шелъ по безплодной пустынѣ,—
И вмигъ по равнинѣ, покрытой пескомъ,
Трава разстидалась душистымъ ковромъ,
Блестѣвшіе въ чудной десницѣ перуны
Звенѣли какъ тихія, нѣжныя струны,
И звуки святыя вблизи и вдали,
Какъ пѣснь колыбельная стройно текли.
Гдѣ слѣдъ оставляла стопа неземная,
Тамъ свѣжій родникъ пробивался, сверкая;
Гдѣ капала съ крыльевъ Господнихъ роса,
Тамъ рѣки текли, тамъ шумѣли лѣса,—
И вмигъ превратилась рукой благодатной
Пустыня нѣмая—въ цвѣтникъ ароматный...

Господь мой! Какъ пахарь, Тебя я молю:
Возри на народъ мой—на ниву мою!
Приемли слезу моихъ скорбныхъ моленій:
Не грозныхъ и дивныхъ я жду превращеній,
Не знаменій чудныхъ я нынѣ молю—
Возри на народъ мой—на ниву мою!
Дай свѣта, немного хоть, Господи, свѣта,
Чтобъ ожила нива печальная эта,
Чтобъ то, что осталось понынѣ, на ней
Нетронутымъ грозною бурей Твоей,
Проснулось для жизни, воскресло бы, встало
И вновь зацвѣло бы и вновь задышало...
Господь! За ряды пепелищъ и могилъ—
Одну колыбель воскрешающихъ силъ!
За долгіе годы борьбы и ненастья
Хоть мигъ утѣшенья, хоть капельку счастья!...

С. Фругъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

СТАТИСТИКА О ЕВРЕЯХЪ КОВЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Если вѣрна мысль, высказанная однимъ современнымъ ученымъ, что статистикѣ предстоитъ современемъ занять самое почетное мѣсто между науками и что она откроетъ собою новую, болѣе счастливую, эру для человѣчества, то евреи могутъ утѣшаться надеждою, что эта наука явится для нихъ энергическимъ, краснорѣчивымъ защитникомъ ихъ интересовъ. Вѣрныя статистическія данныя смѣло опровергали сложившіяся, большею частью, голословныя и необоснованныя мнѣнія о евреяхъ и установившіяся объ ихъ національности теоріи. Предлагаемъ читателямъ «Восхода» извлеченныя изъ отчета ковенскаго статистическаго комитета и обработанныя нами нѣкоторыя цифровыя данныя о населеніи евреевъ въ Ковенской губ. въ сопоставленіи съ соответствующими данными о другихъ національностяхъ, населяющихъ губернію*.

Наличное населеніе губерніи къ 1887 г. состояло изъ 1.520,602 душъ обоого пола и распредѣлялось по вѣроисповѣданіямъ** слѣдующимъ образомъ:

Католиковъ	1,108,834
Евреевъ	297,404
Лютеранъ	39,737
Православныхъ	33,004
Старообрядцевъ	28,647

* Памят. кв. Ков. губ. на 1888 г.

** Даныя о прочихъ вѣроисповѣданіяхъ: баптистахъ, реформатахъ, караннахъ, магометанахъ и единовѣрцахъ мы не приводимъ, такъ какъ по незначительности ихъ населенія рискованно дѣлать какіе либо опредѣленные выводы.

Восходъ.

Выводя изъ этой сравнительной таблицы процентное отноше-
 ніе населенія каждой національности къ общему населенію, мы
 найдемъ, что евреи составляютъ 19,5% или приблизительно $\frac{1}{5}$
 всего населенія губерніи и занимаютъ по количеству второе
 мѣсто.

Рождаемость населенія выражается слѣдующими цифрами:

	Число рожденій.	% отношеніе къ чи- сленности вѣроиспов.
Лютеранъ	2,063	5,31
Католиковъ	41,384	3,78
Православныхъ	945	2,89
Евреевъ	6,369	2,16
Старообрядцевъ	636	2,11

Такимъ образомъ мы видимъ, что по естественному приросту
 населенія, т. е. получавшемуся вслѣдствіе рождаемости, ев-
 реи занимаютъ чуть ли не послѣднее мѣсто. Эти данныя мы счи-
 таемъ интересными въ томъ отношеніи, что онѣ съ достаточною
 убѣдительною колеблютъ основательность принятой многими
 гипотезы о расовой индивидуальности евреевъ, по которой фактъ
 чрезмѣрнаго размноженія у евреевъ объясняется будто бы отно-
 сительнымъ избыткомъ числа рожденій у евреевъ надъ числомъ
 рожденій у другихъ національностей. Вышеприведенная таблица,
 какъ мы видѣли, приводитъ какъ разъ къ противоположному вы-
 воду. Если же движеніе еврейскаго населенія идетъ прогрессив-
 нѣе, чѣмъ населеніе другихъ національностей, то причина этому
 отнюдь не въ перевѣсѣ относительнаго числа рожденій, а скорѣе
 въ незначительности смертностей, каковая незначительность обу-
 словливается болѣе благопріятною физическою жизнью еврея.
 Такъ, въ отчетномъ году смертность выражалась по вѣроисповѣ-
 даніямъ въ такомъ видѣ:

	Число рожденій.	% отношеніе къ чи- сленности вѣроиспов.
Лютеранъ	1,327	3,42
Католиковъ	27,023	2,47
Православныхъ	621	1,90
Евреевъ	3,470	1,17
Старообрядцевъ	261	0,87

То есть: евреи по смертности занимаютъ предпоследнее мѣсто, соотвѣтствующее мѣсту, занимаемому ими по рождаемости. И такая незначительность, замѣтимъ, оказывается теперь, когда, вслѣдствіе скученности еврейскаго населенія въ «чертѣ» и другихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, упадокъ матеріальнаго благосостоянія евреевъ сталъ граничить съ мрачнымъ пауперизмомъ, что какъ извѣстно, должно было сопровождаться увеличеніемъ смертностей.

Количество браковъ было такъ распредѣлено:

	Число браковъ.	% отношеніе къ численности въ роиспов.
У лютеранъ	476	1,22
» католиковъ	9,959	0,91
» православныхъ	206	0,63
» евреевъ	1,309	0,44
» старообрядцевъ	69	0,23

И въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ евреевъ на предпоследнемъ мѣстѣ. Такъ какъ количество браковъ главнымъ образомъ зависитъ отъ большей или меньшей степени благосостоянія народа, то вышеприведенное % отношеніе ясно опредѣляетъ незавидное матеріальное положеніе еврейскаго населенія.

Въ силу того естественнаго закона, по которому развитіе семейственнаго начала уменьшаетъ число незаконнорожденныхъ, и наоборотъ, ослабленіе этого начала ведетъ за собою увеличеніе незаконныхъ рожденій, слѣдовало бы заключить, что евреи, насчитывающіе у себя относительно мало браковъ, должны занимать обратно-пропорціональное мѣсто по количеству незаконнорожденныхъ. Но статистика объ этомъ предметѣ не оправдываетъ такого предположенія, опредѣляя евреямъ въ этомъ отношеніи *последнее* мѣсто.

	Число незаконнорожд.	% отношеніе къ численности въ роиспов.
Старообрядцевъ	161	0,56
Православныхъ	82	0,25
Лютеранъ	93	0,23
Католиковъ	1,904	0,17
Евреевъ	14	0,005

Или, выражаясь яснѣе, на 10,000 человекъ населенія приходится незаконнорожденныхъ:

У старообрядцевъ	56
» православныхъ	25
» лютеранъ	23
» католиковъ	17
» евреевъ	5

Приведенное соотношеніе свидѣтельствуетъ о степени нравственности евреевъ, которая, безъ сомнѣнія, нашла бы себѣ подтвержденіе въ статистикѣ уголовныхъ преступленій, если цифры послѣднихъ были бы распределены и по національностямъ, но къ сожалѣнію, въ лежащемъ предъ нами матеріалѣ имѣется одно только распределеніе по сословіямъ.

Народное просвѣщеніе губерніи дало слѣдующіе результаты:

Въ Ковенской муж. гимн. было 369 учащ., въ томъ числѣ 104 еврея	
» Шавельской » » » 386 » » » » 44 »	
» Поневѣж. реальн. уч. » 280 » » » » 29 »	
» Ковенской жен. гимн. » 310 » » » » 115 »	
» Поневѣж. учит. сем. » 164 » » » » — * »	
» Ковенск. епарх. сем. » 145 » » » » — »	

Всего 1,654 учащ., въ томъ числѣ 292 еврея.

По производствѣ % вычисленій количества учащихся евреевъ въ этихъ 6-ти заведеніяхъ къ общему числу учащихся найдемъ, что евреи составляютъ 17,6%, т. е.: значительно меньшую цифру, чѣмъ % отношеніе еврейскаго населенія (19,5%).

Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ дирекціи народныхъ училищъ было всѣхъ учащихся 12,571, изъ которыхъ

на долю православныхъ приходится .	880	2,8
» » лютеранъ » .	744	1,9
» » католиковъ » .	9,086	0,8
» » евреевъ » .	1,731 **	0,6
» » старообрядцевъ » .	149	0,5

* Замѣчательно, что въ 1884 году въ семинаріи учился 1 еврей, въ 1881 г. 3 еврея. Не платитъ ли администрація семинаріи дань времени?

** Въ отчетѣ отмѣчено число 1,642, къ этому числу мы прибавили 89 учащихся въ таурогенской талмудъ-торѣ, не вошедшихъ еще въ отчетъ.

И въ народномъ образованіи евреи заняли свое, какъ бы насиженное, предпоследнее мѣсто. Но тутъ слѣдуетъ оговориться. Въ этомъ отношеніи они занимаютъ такое невыгодное мѣсто только по выводу изъ официальныхъ данныхъ. Въ дѣйствительности же имъ принадлежитъ гораздо лучшая позиція. Для этого слѣдуетъ принять во вниманіе два обстоятельства, оправдывающія наше положеніе. Во первыхъ: нигдѣ такъ не распространено первоначальное *домашнее* образованіе, какъ у евреевъ (мы, конечно, не говоримъ о еврейскихъ предметахъ, въ чемъ безграмотныхъ евреевъ *совсѣмъ* нѣтъ). Это подтверждаетъ тотъ общественный фактъ, что въ то время, какъ почти вся интеллигенція другихъ національностей, обладающая нерѣдко даже знаніемъ курса низшихъ учебныхъ заведеній, примѣняетъ свои умственные силы на государственной службѣ и на множествѣ другихъ путей общественной жизни, еврейская интеллигенція, обладающая среднимъ, а иногда и высшимъ образовательнымъ цензомъ имѣетъ единственный источникъ существованія въ домашнемъ преподаваніи у своихъ единовѣрцевъ. Другое обстоятельство, которое слѣдуетъ имѣть въ виду, состоитъ въ томъ, что еврейская масса, обучающая своихъ дѣтей на мѣдные гроши, поневолѣ не можетъ быть разборчива въ учителяхъ и потому въ большинствѣ случаевъ вынуждена обращаться къ услугамъ такихъ лицъ, педагогическая дѣятельность которыхъ, носящая нерѣдко даже школьный характеръ, не санкціонирована учебнымъ начальствомъ. Понятно, что о количествѣ учащихся у такихъ лицъ не можетъ быть официальныхъ данныхъ.

Эти 1,731 человекъ распределяются по заведеніямъ слѣдующимъ образомъ:

Въ 5-ти евр. начальныхъ училищахъ	401
› ковенской казенной школѣ русской грамотности	66
› частныхъ женскихъ евр. училищъ	206
› 5-ти талмудъ-торахъ	472
› общихъ училищахъ	586

Итого 1,731

Перейдемъ теперь къ той злополучной графѣ, которая набрасываетъ на насъ неблагоприятную тѣнь и служить вмѣстѣ съ этимъ

однимъ изъ основныхъ тезисовъ юдофобской филиппики, — графъ объ исполненіи евреями воинской повинности.

	Христіанъ.	Евреевъ.
Вынимавш. жребій было	10,713	2,522
Слѣдовало принять . . .	2,785	708
Принято	2,785	543 (льгот. 1 разр. 31).
Недобра	—	165

Слѣдуетъ признаться, что такая цифра недобора производитъ самое неблагоприятное впечатлѣніе. Но при этомъ нельзя не принять въ соображеніе одного обстоятельства, которое или совсѣмъ изглаживаетъ это впечатлѣніе или, по крайней мѣрѣ, значительно смягчаетъ его. Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, допускающаго внезапныя освидѣтельствованія, поощряющія донесенія о скрываемыхъ и другія палліативныя мѣры во всѣхъ городахъ и уѣздахъ «черты», *каждый мѣсяцъ* бывають приемы новобранцевъ-евреевъ, такъ что недоборъ безостановочно пополняется. Съ увѣренностью можно сказать, что если отчетъ печатался бы полугодомъ позже, т. е. къ концу года, то недобора съ евреевъ совсѣмъ не значилось бы или онъ былъ бы доведенъ до минимума* Это предположеніе, впрочемъ, подтверждаетъ и самый отчетъ, который на 176-й стр. отмѣчаетъ число принятыхъ на службу евреевъ цифрами 543, а на слѣдующей 177-й стр. количество принятыхъ обозначено уже числомъ 550. Въ частности считаемъ нужнымъ отмѣтить несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ чиселъ отчета съ числами, воспроизведенными «Недѣльной Хроникой» (№ 4 за 1887 г.).

	По отч.	По „Недѣльной Хроникѣ“.
Такъ, въ Вилькомир. у. принято	73	88
недоб. отъ евр.	31	15
не явилось евреевъ.	98	91
Въ Россіенскомъ уѣздѣ не явилось	168	165

Касаясь отбыванія евреями воинской повинности, мы надѣемъ ся, что читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы немного уклонимъ ся

* См. ст. Каценеленбогена „Нѣкоторыя свѣдѣнія о дополненіи недобора новобранцевъ у евреевъ“ (кн. X за 1887 г.).

онъ дѣла. Намъ бы хотѣлось обратить вниманіе тѣхъ, «кому объ этомъ вѣдать надлежитъ», на одно явленіе, кажется, приводимое нами въ первый разъ въ еврейско-русской печати. Читая ежегодные всеподданѣйшіе отчеты министра внутреннихъ дѣлъ объ отбываніи населеніемъ воинской повинности, нельзя не замѣтить того бросающагося въ глаза факта, что наибольшій % недобора отъ евреевъ падаетъ на тѣ губерніи, которыя смежны съ границею, въ особенности съ западною. По мѣрѣ же отдаленности губерніи отъ границы цифра недобора уменьшается, такъ что количество недобора обратно-пропорціонально разстоянію между губерніею и границею. Такъ, изъ отчета мин. внутр. дѣлъ за 1886 г. видимъ, что наибольшимъ недоборомъ отъ евреевъ пострадали слѣдующія губерніи по нисходящей степени.

Губерніи:	Надлежало отбыванію.	Недобора.	% отнош. къ числу подлежащ. вынугію жребія.
Въ Виленской . . .	1,846	210	11,4
» Курляндской . .	455	42	9,45
» Сувальской . .	611	49	8,02
» Лифляндской .	108	8	7,4
» Ковенской . . .	2,522	165	6,54
» Минской	3,341	112	3,4

Въ губерніяхъ, отстоящихъ болѣе или менѣе отъ западной границы, недоборъ значительно падаетъ. Такъ,

Губерніи:	Надлежало отбыванію.	Недобора.	% отнош. къ числу подлежащ. вынугію жребія.
въ Плоцкой	824	7	0,85
» Таврической . .	376	3	0,8
» Бессарабской . .	1,456	9	0,62
» Калишской . . .	012	5	0,55
» Волынской . . .	3,856	18	0,47
» Варшавской . . .	2,196	10	0,45
» Полтавской . . .	701	2	0,29
» Черниговской . .	796	2	0,25
» Подольской . . .	3,382	8	0,24
» Херсонской . . .	1,739	2	0,12
» Кіевской	4,150	2	0,05

Въ губерніяхъ же, примыкающихъ къ внутреннимъ губерніямъ Россіи: Витебской, Гродненской, Екатеринославской, Могилевской и 6-ти губерніяхъ Царства Польскаго недобора совсѣмъ не было. Такое распредѣленіе недобора нельзя считать случайнымъ, такъ какъ оно повторяется изъ года въ годъ съ поразительною вѣрностью * и потому оно должно вызывать на размышленіе: не обусловливается ли недоборъ отъ евреевъ именно тѣмъ, что мѣстожителство ихъ лежатъ на рубежѣ «открытой западной окраины Россіи» и что, если бы они жили во внутреннихъ губерніяхъ или на восточной границѣ, какъ напр., въ Уфимской, Пермской, Вятской и поволжскихъ губерніяхъ, недоборъ былъ бы рѣдкостью. Наше предположеніе получаетъ тѣмъ болѣе вѣса, что весьма возможно поставить евреевъ, хотя бы въ видѣ опыта, въ вышеупомянутыя условія. Вѣдь въ другихъ случаяхъ и относительно другихъ народностей наше правительство прибѣгаетъ къ такимъ мѣрамъ, такъ напр., относительно приобрѣтенія недвижимаго имущества поляками и иностранцами, которымъ безусловно запрещается покупать такое имущество въ западныхъ губерніяхъ и не возбраняется приобрѣтать во внутреннихъ губерніяхъ.

Въ приложеніи къ отчету имѣется статистика слѣдующихъ въ губерніи, выражающаяся слѣдующими цифрами:

	Число слѣдующихъ.	% отнош. къ числен. вѣроисповѣдан.
Лютеранъ	91	0,21
Католиковъ	2,130	0,19
Старообрядцевъ	54	0,19
Православныхъ	30	0,09
Евреевъ	192	0,07

Приводя эту таблицу, въ которой евреи занимаютъ послѣднее мѣсто, мы нисколько не считаемъ ее доказательствомъ теоріи объ антропологическомъ различіи евреевъ; сообщаемъ ее только, какъ фактъ, нелишенный интереса для специалистовъ.

О еврейскихъ колоніяхъ губерніи и объ участіи въ торговлѣ

* См. также отчетъ за истекшій 1887 г., приведенный въ № 8 „Недѣльной Хроникѣ“.

и обрабатывающей промышленности «отчетъ» никакихъ свѣдѣній не сообщаетъ.

Сравнивая 1887 г. съ предшествовавшимъ ему 1886-мъ годомъ, мы получаемъ слѣдующія разности въ данныхъ о евреяхъ.

Въ 1886 году считалось евр. населен. 294,950` душъ, а въ истекшемъ 1887 г. — 297,404 души т. е.: оно увеличилось на 2,454 человека. Такъ какъ естественный приростъ, получившійся отъ избытка родившихся надъ умершими, равняется (6,369 рожд. 3,470 смерт.) 2,899 ч., т. е. больше официальной цифры увеличения (2,899—2,454) на 445 челов., то послѣднее число должно быть отнесено на еврейскую эмиграцію, о чемъ «отчетъ», впрочемъ, и не упоминаетъ*.

Рожд. было въ 1885 г. 2,16% по отнош. къ числен. населен, въ 1886 г. тоже 2,16%. Смертностей было въ 1885 году 1,22% по отнош. къ числен. населен., въ 1886 г. 2,17%. Браковъ было въ 1885 году 0,46% по отнош. къ числен. населен., въ 1886 г. 0,44%.

Учащихся евреевъ въ гимназіяхъ, семинаріяхъ и реальн. уч. было 20,3% по отнош. къ числу учащихся 17,6%. Въ училищахъ подвѣдомственныхъ дирекц. нар. учил. 0,42% по отнош. къ числу учащихся 0,60%.

Недоборъ евреевъ-новобранцевъ въ 1886 г. составилъ 247 ч., а въ 1887 г. 165 ч.

Исключая одного повышенія числа учащихся въ низш. уч. завед., во всемъ прочемъ отмѣчается пониженіе.

А. Коранъ.

* Въ дѣйствительности число эмигрировавшихъ гораздо большее, такъ какъ значительное приращеніе еврейскаго населенія дала, по всей вѣроятности, иммиграція евр. русско-подданныхъ, оставившихъ Пруссію и поселившихся массами въ Ковенской губ., какъ самой близкой къ границѣ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЛИТЕРАТУРА НАШИХЪ ЕЖЕГОДНИКОВЪ.

III.

1) *Гакеремь* (הכרם): Еврейскій историко - литературный Сборникъ, издаваемый Л. *Атласомъ*. Варшава, 1887.

2) *Бетъ-оцаръ га-Сафрутъ* (בית אוצר הספרות): Magazin für hebräische Literatur und Wissenschaft, Poesie und Belletristik, edirt von E. *Gräber*. I Jahrgang. Jaroslau, 1887.

Грустные мысли приходятъ подчасъ въ голову, когда читаешь новѣйшія научныя сочиненія на еврейскомъ языкѣ. Съ глубокимъ прискорбіемъ замѣчаешь, что эта юная отрасль литературы нашей принимаетъ совсѣмъ вонадлежащее направленіе, имѣетъ самый неправильный, кривой ростъ, не обѣщающій въ будущемъ ничего добраго, плодотворнаго. Да! Нынѣшняя еврейская наука, воздѣлываемая преимущественно на страницахъ новоявленныхъ «историко-литературныхъ сборниковъ», уклонилась отъ прямого пути, отъ существеннаго своего назначенія, и приноситъ столь же мало пользы исторіи, какъ и литературѣ.

Ибо въ чемъ, собственно, главное назначеніе спеціально - еврейской науки? Разумѣется—въ тщательномъ изслѣдованіи и разъясненіи нашей исторіи, древней, средневѣковой и новой, въ освѣщеніи нашей трехтысячелѣтней письменности, словомъ, — въ выясненіи всей прошедшей жизни еврейства, матеріальной и духовной. Такого рода историческая работа весьма сложна, многообъемлюща, и можетъ выразиться въ многоразличныхъ формахъ: въ видѣ обширныхъ систематическихъ руководствъ, излагающихъ подробно и связно факты еврейской исторіи, въ формѣ округленныхъ монографій, изображающихъ одну какую либо эпоху или крупное событіе, въ формѣ философскихъ трактатовъ, донскивающихъ смысла такихъ фактовъ, въ

обнародованіи архивныхъ документовъ, наконецъ — въ изслѣдованіи и разборѣ имѣющихся уже историческихъ данныхъ. Всѣ эти различные виды историческаго труда должны быть направлены къ одной общей цѣли — къ выясненію или *фактовъ* или *смысла* нашего прошедшаго, и все то, что не ведетъ прямо къ этой цѣли, не заслуживаетъ названія исторіи.

Что же мы видимъ въ нынѣшней научной литературѣ нашей? Эта литература не дала намъ еще ни одного сноснаго учебнаго руководства по еврейской исторіи, ни одной значительной и оригинальной монографіи, ни одного цѣльнаго философско-историческаго труда, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ произведеній, которыя ей удалось стануть у нѣмецкихъ еврейскихъ историковъ и, въ переводахъ или извлеченіяхъ, пересадить на свою убогую ниву. И при такомъ жалкомъ состояніи, при такой ничтожной обработанности простѣйшихъ, необходимѣйшихъ историческихъ началъ, эта самая литература чѣмъ, вы думаете, пробавляется? Самую мелочную историческую — съ позволенія сказать — «критickou», самыми мелочными толкованіями вкривь и вкосъ библейскихъ и талмудическихъ выраженій, которыя и такъ уже отъ неимовѣрнаго количества всяческихъ толкованій затемнены до крайности мелочными разсужденіями по поводу разныхъ пустяковъ, — вообще всѣмъ, что можно назвать *историческою казуистикою*. Одинъ печатаетъ цѣлую монографію о какомъ-то забытомъ раввинѣ — и все свое описаніе сводитъ къ разсужденіямъ о годѣ и мѣстѣ рожденія или смерти своего героя, къ болѣе или менѣе ярчкотворнымъ сопоставленіямъ многочисленныхъ цитатъ и смылокъ, имѣющихъ или неимѣющихъ отношенія къ дѣлу, но во всякомъ случаѣ ровно ничего не выясняющихъ въ жизни описываемой личности и свидѣтельствующихъ только о томъ, что авторъ монографіи порылся въ нѣсколькихъ старыхъ фоліантахъ, нырнулъ въ глубь «моря талмудейскаго» и, подобно водолазу въ баснѣ, вмѣсто жемчужины вытащилъ черепичный обломокъ. Другой пишетъ диссертацию о времени и мѣстѣ появленія той или другой старинной книги и, приводя всѣ про и contra, имѣющіяся по сему столь важному вопросу, пускается въ самыя головоломныя разсужденія во вкусъ раввинскаго *пильула*, — а изъ всей этой суматохи опять-таки ровно ничего фактическаго не выходитъ; третій съ глубокомысліемъ философа, рѣшающаго міровые вопросы, съ рвеніемъ великаго научнаго изобрѣтателя пространно разсуждаетъ о какой-нибудь ничтожной грамматической формѣ, встрѣчаемой въ такихъ-то мѣстахъ и не находящейся, или находящейся съ инымъ отгѣнкомъ, въ другихъ мѣстахъ, изъ чего вытекаетъ... больше ничего, какъ много шуму изъ-за пустяковъ

Господа еврейскіе писатели! Это-ли настоящая наука, это-ли научная литература? Да вѣдь все это—жалкіе опилки науки, преврѣнныя щепки и обрѣзки, летящіе изъ-подъ топора или струга настоящаго мастера и подбираемые только бѣдными служанками для подтопки печей! Развѣ изъ этихъ опилокъ, изъ этихъ жалкихъ щепокъ думаете вы воздвигнуть храмъ еврейской исторіи, еврейской науки? Развѣ такою кропотливою муравьиною работою вы надѣетесь достигнуть чего либо крупнаго и значительнаго?

Это — очень печальное явленіе, тѣмъ болѣе безотрадное, что причина его кроется, повидимому, въ органическихъ умственныхъ особенностяхъ, присущихъ современному поколѣнію нашихъ писателей. И въ самомъ дѣлѣ, изъ какихъ личностей составляется нынѣшній контингентъ писателей на древне-еврейскомъ языкѣ? Изъ людей, прошедшихъ свое дѣтство и юность, а нерѣдко и зрѣлыя годы, въ изученіи талмудической и раввинской литературы, въ хедерахъ и ешиботахъ,—людей весьма способныхъ и одаренныхъ, но способности которыхъ направлены въ одну только сторону, вслѣдствіе крайней односторонности ихъ образованія. Это образованіе снабдило ихъ болѣе или менѣе значительнымъ запасомъ своеобразной раввинской эрудиціи, чуждой всего историческаго, свѣтскаго, живаго, и вращающейся только въ области религиозныхъ, обрядовыхъ мелочей; это же образованіе дало имъ развѣ навсегда *научный методъ*, который они прилагаютъ ко всему, съ тѣмъ ижъють дѣло. Методъ этотъ, справедливо прозванный «казуистическимъ», состоитъ въ томъ, чтобы при изслѣдованіи какого либо предмета не касаться самой его сути, его причинъ и послѣдствій, а накопить массу мелочныхъ мыслей, доводовъ и ижъній, когда либо высказанныхъ за и противъ даннаго предмета, сопоставлять ихъ, сравнивать, сочетать во всевозможныхъ комбинаціяхъ, создавать затрудненія, разрѣшать ихъ и опять запутывать, словомъ—упражняться въ умственной эквилибристикѣ. Этотъ-то безплодный и вредный методъ употребляется большинствомъ нынѣшнихъ писателей въ ихъ научныхъ работахъ по еврейской исторіи и литературѣ. Эти нелѣпыя казуистическіе приемы такъ вѣлились въ нихъ плоть и кровь, что ко всему рѣшительно они подступаютъ съ этими приемами, во всемъ видятъ только объектъ для мелочныхъ словопреній и для изощренія своей эрудиціи. И вотъ мы видимъ обширную, но крайне мелочную ученость, видимъ поражающую силу анализа, способнаго разбить живописный холмъ на груды мелкихъ песчинокъ,—но не видимъ никакого живого, фактическаго знанія, способнаго расширить и углубить наше

міросозерпаніе, не видимъ никакой способности къ синтезу, обобщенію, способному изъ разбросанныхъ въ безпорядкѣ обломковъ возсоздать цѣльный и художественный монументъ. А именно послѣдняго рода способность и нужна въ историческихъ работахъ. Мелочнымъ анализомъ, діалектикою про и contra, разными логическими выкладками—тутъ ничего не подѣлаешь: тутъ необходимо широкое обобщеніе, сдерживаемое въ границахъ данныхъ фактовъ, и основательное знаніе этихъ фактовъ. Въ исторіи нужно понимать суть явленій и обобщать ихъ такъ, чтобы изъ разрозненныхъ фактовъ возсоздать цѣлую картину эпохи, къ коей она относится, а вовсе не нужно разбивать самые факты на мелочи и толковать объ этихъ мелочахъ. Въ этомъ-то отсутствіи обобщающей способности, въ искусственномъ приѣмленіи казуистическаго метода талмуда къ области исторіи и заключается коренной недостатокъ нашихъ ученыхъ писателей и ихъ произведеній. Въ этомъ же печальномъ явленіи должны мы искать также причину того позорнаго факта, что среди ученыхъ изъ русскихъ евреевъ не появилось еще ни одного Гейгера, Юста, Греца или Вейса, ни одного ума, способнаго къ широкимъ обобщеніямъ и крупнымъ *систематическимъ* трудамъ, ни одного творческаго генія въ области еврейской исторіи, литературы и философіи, и что противъ крупныхъ научныхъ дѣятелей, въ родѣ сейчасъ упомянутыхъ, мы можемъ выставить лишь массу мелкихъ труженниковъ, посредственностей, нагруженныхъ большими запасомъ мертвой эрудиціи, силъ которыхъ хватить на какія нибудь мелочи, на откапываніе разныхъ цитатъ и на мелочныя словопренія объ этихъ цитатахъ, но отнюдь не на созданіе чего либо цѣльнаго, систематическаго. Возьмите, напримѣръ, ученые труды всѣхъ этихъ Рейфмановъ, Заксовъ, Голдберговъ, Галберштамовъ, Штрашунговъ, Дубзевичей, и скажите, можно-ли ихъ поставить на ряду съ систематическими произведеніями названныхъ выше заграничныхъ ученыхъ? Признаемся откровенно: мы отдали бы цѣлую кучу мертвыхъ, кропотливыхъ изысканій нашихъ донорошенныхъ мудрецовъ за одну живую монографію Гейгера, за одну главу «Исторіи» Греца. Конечно, наши ученые могутъ открыть разныя мелкія ошибки и у Греца, и у Гейгера, что они часто и дѣлаютъ, ибо на это ихъ бѣдныхъ силъ хватаетъ: но если они неятъ, что, поступая такъ, они сами выше такихъ людей, какъ Грець и Гейгеръ, то они разсуждаютъ столь же правильно, какъ та муха, которая, ползая по поверхности классической статуи и встрѣта на своемъ пути микроскопическую неровность, стала бы обличать творца статуи въ непониманіи художественныхъ требованій, а себя величать художественнымъ

критикомъ. Конечно, по своему нушиному разуиѣнію исполнѣ правъ этотъ пресмыкающійся маленькій критикъ; но скажите: кто выше—творецъ статуи или критикующая его муха?..

На всѣ эти безотрадныя размышленія, давно уже и не разъ приходившія намъ въ голову, вновь навело насъ теперь чтеніе двухъ объемистыхъ «историко-литературныхъ» сборниковъ, появившихся недавно въ Польгѣ и родственной ей Галиціи. Вѣглый разборъ содержанія обоихъ этихъ сборниковъ намъ лучшимъ образомъ объяснить и подтвердить изложенныя выше мысли.

Вотъ передъ нами «Виноградникъ» («Гакеремъ») — толстый сборникъ статей въ слѣшкомъ 30 печатныхъ листовъ, издаваемый г. Атласомъ — и на первомъ мѣстѣ «историческая» монографія самого издателя или «Виноградаря», какъ онъ себя называетъ. Монографія озаглавлена: *Мѣсяцъ и Звѣзды, или: рабби Исаакъ бенъ Шешетъ и его современники*. Изъ краткаго предисловія мы узнаемъ, что авторъ считаетъ конецъ XIV столѣтія «ночью» въ умственной жизни испанскихъ евреевъ; а раввинскаго писателя Исаака бенъ Шешета — главнымъ свѣтиломъ этой ночи, мѣсяцемъ, озаряющимъ ея густой мракъ. Если первую часть этого мнѣнія нельзя отрицать, ибо съ средины XIV вѣка дѣйствительно замѣчается сильная убыль умственныхъ силъ въ испанскомъ еврействѣ, то со второю частью этого мнѣнія едва-ли можно согласиться, ибо донынѣ всѣ компетентные историки считаютъ главнымъ дѣятелемъ той эпохи и главнымъ ея свѣтиломъ не второстепеннаго Исаака бенъ Шешета, а знаменитаго *Хасдая Крескаса* (1340—1410 г.), автора религіозно-философскаго сочиненія «Свѣтъ Божій» (*Оръ Адонай*). Крескасъ былъ въ описываемую эпоху единственнымъ крупнымъ представителемъ того философскаго направленія, которое создало «день» въ духовной жизни испанскихъ евреевъ, хотя его личныя философскія воззрѣнія гораздо болѣе отвѣчали господствовавшему въ его время духу реакціи, нежели свободомыслию предшествовавшей просвѣтительной эпохи. Исаакъ б. Шешетъ былъ только однимъ изъ крупнѣйшихъ талмудистовъ своего времени и прославился какъ авторъ свода «раввинскихъ рѣшеній» по разнымъ религіознымъ вопросамъ («Тшуботъ го-Ривомъ»); но онъ не создалъ никакого особеннаго направленія, никакой школы, а потому едва-ли можетъ претендовать на роль представителя эпохи, на роль «мѣсяца, освѣщающаго темную ночь».

Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же автору понадобилось поставить средне-вѣковаго раввина на такой высокой пьедесталъ? Не для того-ли, чтобы о

нельзя было рассуждать вервнъ и вкось, какъ о человѣкѣ великомъ, по отношенію къ которому и мелочи ннѣють свое значеніе? И дѣйстви- тельно, авторъ пускается въ такія мелочныя, микроскопическія изслѣдова- нія, какъ если бы рѣчь шла о Моисей, Лакургѣ, или Гомерѣ. Какъ ни маловажны жизнь и дѣятельность Исаака б. Шешета, но если бы авторъ ограничился краткимъ фактическимъ очеркомъ этой жизни и дѣятельности, онъ бы сдѣлалъ нѣчто небезполезное и небезынтересное. Что же сдѣлалъ авторъ? Онъ воспользовался своимъ скромнымъ сюжетомъ не для историче- ской цѣли, не для изображенія исторической личности, а для того только, чтобы сочинить ученѣйшую диссертацию о хронологіи разныхъ событій въ жизни своего героя. Авторъ могъ бы снѣло озаглавить свою статью: «Опытъ хронологической казуистики», или же: «Опытъ историческаго пилпула», ибо кромѣ пустѣйшихъ словопраній въ его трудѣ рѣшительно ничего нѣтъ. Читая статью, вамъ сдается, что вы читаете «кусочекъ гема- ры». Тутъ и внѣшній порядокъ, и методъ, и приемы талмуда. Какъ въ талмудѣ, за краткимъ догматическимъ положеніемъ «мишны» слѣдуютъ длиннѣйшія пренія «гемары», такъ и тутъ: приводится какое нибудь по- ложеніе изъ Греця и по поводу сего положенія идутъ самыя головоломныя, мелочныя разсужденія. Грецъ, напримѣръ, говоритъ, что р. Исаакъ б. Шешетъ родился *приблизительно* въ 1310 году (Gesch., VIII, 33), а г. Атласъ, авторъ статьи, приводитъ десятки разныхъ ссылокъ, изъ ко- нхъ однѣ свидѣлствуютъ, что р. Исаакъ родился тогда-то, другіе го- ворятъ, что въ такое-то время ему было столько то лѣтъ; третьи пока- зываютъ, что въ такое то мѣсто онъ переселился въ такомъ-то возрастѣ и т. д.—а изъ всего этого вытекаетъ, послѣ разныхъ сопоставленій, пре- ній и глубокомысленныхъ соображеній, что р. Исаакъ родился не около 1310 г., какъ преступно утверждаетъ Грецъ, а въ 1326 г., какъ доподлинно узналъ г. Атласъ. Послѣ опредѣленія года рожденія р. Исаака, идутъ въ такомъ же духѣ разсужденія о мѣстѣ его рожденія, и тутъ опять таки послѣ сложнѣйшаго «пилпула» и кучи цитатъ за и противъ—доказывается, что онъ родился отнюдь не въ Барселонѣ, какъ говоритъ Грецъ, а въ Валенсіи. Такимъ же казуистическимъ способомъ опредѣляется хронологія разныхъ другихъ событій жизни р. Исаака; но этого еще мало г. Атласу. На его счастье, р. Исаакъ сочинилъ обширный сводъ религиозныхъ рѣше- ній, подъ которыми, конечно, дать не мѣтется,—и вотъ тутъ-то пытли- вому духу г. Атласа представляется широкое поле для разныхъ глубоко- мысленныхъ комбинацій: приходится опредѣлить—когда, въ какой годъ,

то или другое «рѣшеніе» было написано. Опять идутъ ссылки, сравненія, пренія за и противъ, опять идетъ ожесточенная баталія цифръ, словъ и цитатъ—и главнокомандующій этой мизерной арміи блещетъ во всемъ величїи эрудиціи. И вотъ вы прочитываете 24 длинныхъ страницы этого головоломнаго вздора и наконецъ спрашиваете себя: что же я вынесъ изъ чтенія всей этой статьи? Характеристику личности героя, его дѣятельности, характеристику его современниковъ, новыя свѣдѣнія о его эпохѣ? Ровно ничего подобнаго. Вы выносите только убѣжденіе, что автору не было никакого дѣла до всѣхъ этихъ историческихъ «пустяковъ», что онъ имѣлъ одну только цѣль: умственный турниръ и—показать міру свою эрудицію. И такъ какъ при простомъ изложеніи и объясненіи фактовъ такой турниръ былъ бы невозможенъ, то авторъ все существенное обошелъ и уцѣпился за ничтожныя хронологическія даты, какъ за предметъ благопріятный для казуистическихъ преній. И такую галиматью авторъ называетъ «жизнеописаніемъ»! «Изложивъ подробно, говоритъ онъ въ концѣ статьи—обстоятельства вѣшной жизни р. Исаака, мы въ слѣдующей статьѣ сдѣлаемъ обзоръ духовныхъ особенностей этого человѣка» (стр. 24). По истинѣ, слова эти напоминаютъ знаменитую надпись: «Се—левъ, а не собака» и въ понимающемъ читателѣ способны возбудить только улыбку.

Въ такомъ же духѣ написаны всѣ прочія «научныя» статьи г. Атласа. Одна изъ нихъ трактуетъ о времени составленія и авторства грамматико-масоретской книги «Ахла ве' охло» и заключаетъ въ себѣ полемику съ Грецомъ по этому предмету,—полемику, которая по нашему мнѣнію выѣденнаго яйца не стоитъ, ибо намъ рѣшительно все равно, тотъ или другой раввинъ написалъ эту безразличную книжку. Столь же поучительно и изслѣдованіе г. Атласа объ агадической книгѣ «Тана дебетъ Эліагу». Эта книга далеко не такая безразличная вещь, какъ названное сейчасъ масоретское сочиненіе: она заключаетъ въ себѣ массу пралестныхъ легендъ съ историческимъ оттѣнкомъ и множество глубокомысленныхъ изреченій. Напиши г. Атласъ историческій или философскій анализъ самого содержанія этой книги, мы бы ему сказали спасибо, но онъ этакими пустяками не интересуется. Для него важнѣе разсуждать о времени и мѣстѣ составленія книги, о мѣстожительствѣ ея неизвѣстнаго автора—и такъ какъ на этотъ счетъ написано уже не мало разными досужими учеными, то г. Атласу осталось только приводить ихъ мнѣнія, слыхать ихъ, полемизировать съ ними, нускаясь въ самую глубокую эрудицію и громоздя цитаты надъ цитатами. Въ концѣ концовъ авторъ самъ признается, что

не пришелъ ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ относительно поставленныхъ имъ вопросовъ, да для него никакихъ выводовъ и не нужно было, ибо его единственною цѣлью былъ самый процессъ писанія и казуистическихъ разсужденій *quand même*...

Въ унисонъ съ г. Атласомъ поютъ и всѣ прочіе сотрудники его сборника. И Господи! какой это жалкій, скуку наволяющій хоръ! Ничего, ровно ничего, что трогало бы за душу, что заставило-бы задуматься, что обогатило бы умъ новыми свѣдѣніями. Все—мелочная схоластика, да и только. Г. *Энттейнъ*, напримѣръ, пишетъ по части «грамматики и масоры» и разсуждаетъ о происхожденіи упомянутой уже масоретской книги «Ахла ве-Охло», объ употребленіи буквы «в» въ концѣ словъ, объ употребленіи знака «сегаль» и суффикса «,» въ арамейскомъ и сирійскомъ нарѣчіяхъ и о тому подобныхъ важныхъ вопросахъ, которые имѣли бы смыслъ въ какомъ-нибудь специальномъ филологическомъ изданіи, но вовсе неумѣстны въ обществ. «историко-литературномъ» сборникѣ. Столь же мелочны, спеціальны и неумѣстны статьи: г. *Рейфмана*—о грамматическомъ сочиненіи Менахема бенъ Серука, г. *Гецова*—о смыслѣ библейскихъ прозвищъ, г. *Трона*—объ опредѣленіи часовъ сумерекъ по талмуду, и многія другія статейки и замѣтки экзегетическаго свойства. Нѣкоторую малую полезность по отношенію къ изслѣдованію талмуда можно признать за статьи: г. *Файнштейна*—объ изреченіяхъ и молитвахъ талмудистовъ, г. *Когана*—о рабби Іохананѣ, составителѣ іерусалимскаго талмуда, г. *Іерусалимскаго*—объ отношеніи іерусалимскаго талмуда къ вавилонскому и г. *Рохлина*: «Прибавленія и примѣчанія къ извѣстной хронологической книгѣ «Седеръ га-доротъ». Но и эти статьи были-бы гораздо полезнѣе, если бы были освобождены отъ излишняго балласта учености и казуистическихъ словопреній.

Среди трехъ десятковъ статей и замѣтокъ, составляющихъ содержаніе сборника г. Атласа, мы нашли одну только вещь, представляющую живою историческую интересъ. Это—впервые обнаруженныя четыре письма покойнаго библиографа *Бенякоба о порядкахъ въ вилненскомъ раввинскомъ училищѣ въ 50-хъ годахъ* (стр. 41—62). Письма эти адресованы изъ Вильны къ извѣстному Исаакъ-Беру Левинзону, жившему въ Кременцѣ, и относятся къ 1856 году. Возникла переписка между Бенякобомъ и Левинзономъ по слѣдующему поводу. Въ 50-хъ годахъ шла въ Вильнѣ ожесточенная борьба между сторонниками мѣстнаго раввинскаго училища, основаннаго въ 1848 г., и противниками его. Сторонниками училища были

официальные преподаватели его и незначительная, радикальная часть мѣстной интеллигенціи; противниками же были раввины, ортодоксы и почти вся масса. Были люди, которые принципиально не были против училища, но требовали измѣненія его порядковъ и программы; во главѣ такихъ людей стоялъ Беньякобъ. Борьба партій въ Вильнѣ выразилась въ массѣ доносовъ и жалобъ по начальству и вообще дѣлала вездѣ очень много шума. Дошли слухи объ этой борьбѣ и до Левинзона, доживавшаго тогда свои послѣдніе годы въ Кременцѣ. Благородный ратоборецъ просвѣщенія вознегодовалъ и далъ знать своимъ друзьямъ въ Вильнѣ, что противники училища кончатъ очень плохо, если не отстанутъ отъ борьбы. Слова ученаго старца были переданы и Беньякобу—и послѣдній, желая оправдать себя и свою партію передъ Левинзономъ и привлечь его, мѣтшаго большой вѣсъ и въ правительственныхъ сферахъ, и въ обществѣ, на свою сторону, написалъ ему рядъ писемъ, въ которыхъ съ начала до конца рассказываетъ исторію возникновенія и послѣдовательнаго развитія безурядицы, вызвавшей борьбу за и противъ раввинскаго училища. Четыре изъ этихъ писемъ, находящихся въ рукахъ издателя сочиненій И. Б. Левинзона, г. Б. Натанзона въ Варшавѣ, нынѣ и помѣщены въ «Гакеронтъ», въ переводѣ съ нѣмецкаго подлинника.

Письма эти разкрываютъ передъ нами поразительную картину тогдашняго состоянія виленскаго еврейскаго общества — картину ожесточенной борьбы, взаимныхъ доносовъ и жалобъ, доходившихъ до высшихъ правительственныхъ сферъ, картину невѣжества, недобросовѣстности, взаимнаго непониманія и полнѣйшаго хаоса. Ученики и наставники раввинскаго училища возбуждали противъ себя своимъ «вольнымъ поведеніемъ» общественное мнѣніе; представители общества жаловались на училищные порядки мѣстному начальству, которое въ свою очередь сносилось съ высшимъ начальствомъ; послѣднее посылало предписанія, которыя опять вызывали жалобы, доносы и агитацію, и т. д. Беньякобъ, какъ мы уже сказали, былъ въ числѣ противниковъ училищныхъ порядковъ, а потому его показанія, какъ свидѣтельство одной только заинтересованной стороны, надо принимать съ большою осторожностью. И вотъ къ чему фактически сводятся показанія этого свидѣтеля. Уже вскорѣ послѣ основанія училища,— рассказываетъ онъ,—когда инспекторомъ его былъ назначенъ Г. Каценеленбогенъ, а старшимъ учителемъ — А. Б. Лебензонъ (извѣстный поэтъ), въ народѣ возникли опасенія насчетъ будущности училища. Оба назначенія не нравились ортодоксальному большинству, такъ какъ Лебензонъ былъ

уже извѣстны, какъ человѣкъ свободомыслящій въ религиозныхъ вопросахъ, а Каценеленбогенъ былъ человѣкъ официальный, проникнутый безусловнымъ уваженіемъ ко всѣмъ распоряженіямъ начальства. Опасенія ортодоксовъ сбылись: вскорѣ выяснилось, что еврейскіе преподаватели смотрятъ халатно на преподаваніе талмуда, а ученики, проникнутые тогдашними отрицательными идеями, и совсѣмъ пренебрегаютъ талмудомъ, отдаваясь всецѣло изученію наукъ и языковъ. Кроме того, нѣкоторые ученики позволяли себѣ открыто совершать противорелигіозные, шокирующіе массу поступки: употребляли нееврейскую пищу, носили вещи по субботамъ etc. Такъ шло дѣло нѣсколько лѣтъ — и училище все болѣе и болѣе падало во мнѣніи массы. Приближалось уже время перваго выпуска кончившихъ учениковъ, а раввинская подготовка послѣднихъ была такая ничтожная, что о назначеніи ихъ духовными раввинами нельзя было и думать. Думали — гадали и остановились на слѣдующемъ: раздѣлить всю массу учениковъ на двѣ категоріи — на кандидатовъ въ учителя и на кандидаты въ раввины. Послѣдніе должны были въ продолженіе послѣдняго года пребыванія въ училищѣ упражняться въ раввинской практикѣ подъ руководствомъ одного изъ мѣстныхъ духовныхъ раввиновъ. Эта игра, однако, тоже оказалась безуспѣшною: ученики, отрицательно относившіеся къ талмуду и раввинизму, макировали своими религиозными обязанностями и вовсе не упражнялись въ своей специальности. Еврейскіе преподаватели и мѣстное учебное начальство смотрѣли на все это сквозь пальцы и нерѣдко даже одобряли поведеніе учениковъ. Послѣдніе, по свидѣтельству Беньюба, вслѣдствіе этого крайне деморализовались и позволяли себѣ не только свободомысліе въ религиозныхъ дѣлахъ, но даже нравственную равнуданность. Тогда раввины и представители мѣстнаго общества ополчились и стали дѣйствовать, ибо видѣли, что вѣрѣ израильской грозитъ опасность отъ новыхъ раввиновъ. Въ 1855 г. виленскій верховный раввинъ И. Гордонъ отправилъ въ Петербургъ, прямо на Высочайшее имя, прошеніе, въ которомъ жаловался на порядки раввинскаго училища, на поведеніе учениковъ и преподавателей и на потворство всему этому мѣстнаго начальства. По настоянію раввина, представители общества также рѣшили послать прошеніе на имя Государя и просить, чтобы раввинское училище, какъ разсадникъ вреднаго вольномыслія, упразднили, а вмѣсто этого, съ цѣлью подготовить образованныхъ раввиновъ, допускать учениковъ старыхъ талмудическихъ ешиботовъ въ гимназій, для обученія тамъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ общимъ предметамъ, при одновременномъ посѣщеніи ешибота — и такимъ

образомъ правительство получить образованныхъ раввиновъ, свѣдующихъ и въ еврейскомъ законѣ. Вслѣдствіе этихъ жалобъ предписано было виденскому губернатору произвести дознаніе и отправить въ Вильну чиновникъ по особымъ порученіямъ отъ министра народнаго просвѣщенія. Результатъ всѣхъ этихъ розысканій былъ незначительный: усиленъ былъ нѣсколько въ училищѣ элементъ религіозный, да приказано ученикамъ держать себя болѣе чинно—и больше ничего. Между тѣмъ въ Вильнѣ былъ назначенъ новый военный губернаторъ (военный губернаторъ былъ тогда вмѣстѣ съ тѣмъ попечителемъ учебнаго округа), генералъ фонъ-Груберъ. Въ надеждѣ на новое начальство, въ городѣ пуще разгорѣлись интриги разныхъ партій, новаго губернатора засыпали со всѣхъ сторонъ прошеніями и жалобами, причѣмъ противники училища такъ усердствовали, что генералъ, которому все это надоѣло, сдѣлалъ имъ рѣзкій выговоръ, обвинилъ ихъ въ фанатизмъ и религіозной нетерпимости. Такимъ же образомъ отнесся къ дѣлу и назначенный въ 1856 г. на мѣсто Грубера генералъ Назимовъ. Послѣдній, какъ извѣстно, держался либеральныхъ началъ и очень сочувственно относился къ евреямъ, а потому его не могло не поразить то, что вскорѣ послѣ его пріѣзда явилась къ нему депутація отъ мѣстнаго еврейскаго общества съ жалобами на раввинское училище, принципамъ котораго генералъ вполне сочувствовалъ. Генералъ Назимовъ усмотрѣлъ въ жалобахъ депутатовъ только партійныя, фанатическія поползновенія (чему не мало способствовало и то, что изъ двадцати депутатовъ, бывшихъ у генерала, ни одинъ не могъ правильно объясниться по русски)—и въ продолженіе двухъ часовъ говорилъ имъ и убѣждалъ оставить свою прежнюю замкнутость, довѣриться правительству, содѣйствовать успѣхамъ образованія, а не тормозить его, какъ они это дѣлаютъ, и т. п. Депутаты молча выслушали эти слова и конечно не удовлетворились ими. Они еще разъ послали прошеніе въ Петербургъ, къ министру внутреннихъ дѣлъ, и просили сдѣлать новое дознаніе черезъ особаго чиновника, ибо мѣстныя власти крайне пристрастны къ дѣлу. На этомъ пунктѣ пока останавливается рассказъ, продолженіе котораго надо ожидать въ слѣдующихъ письмахъ Венякова, нѣющихъ появиться во второмъ томѣ сборника г. Атласа. Вслѣдствіе недостатка времени и мѣста, откладываемъ до другого раза тѣ соображенія, которыя намъ хотѣлось бы высказать по поводу опубликованныхъ писемъ и ограничиваемся замѣчаніемъ, что письма эти составляютъ весьма важный матеріалъ для исторіи образованія рус-

книгъ евреевъ, а въ разсматриваемомъ нами сборникѣ они—единственная интересная вещь, единственный пріятный оазисъ.

Въ качествѣ параллели къ изображенной въ письмахъ Беньякоба картинѣ бывшего раввинскаго училища, издатель помѣстилъ описаніе нынѣшняго состоянія другого, неофициальнаго «раввинскаго училища»—знаменитаго *воложинскаго ешибота*, процвѣтающаго и по днесь. Въ описаніи говорится о великихъ достоинствахъ ешибота, но не умалчивается и о нѣкоторыхъ его недостаткахъ, какъ напримѣръ объ исключеніи изъ состава преподаванія всего, что не имѣетъ тѣсной связи съ талмудомъ. Авторъ утверждаетъ, что несмотря на запрещеніе начальства ешибота, учащееся тамъ юношество тайкомъ предается чтенію новыхъ просвѣтительныхъ книгъ и журналовъ, что въ талмудическомъ расадникѣ имѣется не мало благородныхъ идеалистовъ, мучениковъ идеи, пламенныхъ искателей истины, которыхъ волнуютъ великіе философскіе и социальные вопросы. Во всемъ этомъ есть, несомнѣнно, значительная доля правды, и всякій благомыслящій человекъ долженъ только радоваться, видя, что и тутъ оправдывается пословица: нѣтъ худа безъ добра. Не такъ, однако, смотритъ на дѣло редакторъ «Гакерема», снабдившій статью о воложинскомъ ешиботѣ своими примѣчаніями. Вопервыхъ, ему очень досадно, что авторъ статьи открылъ нѣкоторые недостатки въ порядкахъ ешибота, и онъ прямо заявляетъ, что ешиботъ—образецъ совершенства и ни въ какихъ реформахъ не нуждается; во вторыхъ, ту отрадную картину идейнаго подвижничества, которую нарисовалъ авторъ статьи, г. Атласъ считаетъ отнюдь не отрадною и даже печальною, ибо чтеніе просвѣтительныхъ книгъ можетъ, по его мнѣнію, только повредить благоправію учениковъ ешибота (стр. 81). Такимъ образомъ, г. Атласъ вполне сходится во мнѣніяхъ съ тѣми фанатическими гонителями свѣтскаго знанія, которые стоятъ во главѣ ешибота,—съ тѣми же и поздравляемъ.

Вообще, направленіе г. Атласа и его сподвижниковъ въ вопросахъ общественныхъ—самое отсталое, самое ретроградное. Вотъ, напримѣръ, обширная публицистическая статья г. *Я. Лифшица* изъ Ковны: «Разныя поколѣнія и ихъ писатели». Намъ уже давно не доводилось читать такую горячую апологію мракобѣсія и движенія вспять, какая заключается въ этой оригинальной статьѣ. Въ порывѣ священнаго негодованія, авторъ предастъ анаемѣ все новое, всю послѣднюю просвѣтительную эпоху, вызвавшую столько благородныхъ идей и подвиговъ, словомъ все умственное направленіе, преобразившее жизнь русскихъ евреевъ въ послѣдніе полвѣка.

Онъ заходитъ еще дальше и включаетъ въ формулу отлученія все «берлинское просвѣщеніе», т. е. дѣятельность Менделсоновской школы, ибо эта школа впервые провозгласила «вредную» мысль, будто къ іуданству должно относиться критически и будто сущность еврейскаго образованія заключается не въ знаніи талмуда и религиозныхъ сводовъ, а въ знаніи исторіи еврейскаго народа и древнееврейскаго языка. «Душа еврейской націи — говоритъ г. Лифшицъ—ея жизненный принципъ — это исключительна *тора*, Законъ Божій» (стр. 166). Все, что содѣйствуетъ усиленію тору, усиливаетъ и еврейскую націю, все, что ослабляетъ тору, ослабляетъ и націю. Въ среднихъ вѣкахъ мы были духовно сильнѣе, чѣмъ теперь, ибо держались только закона Божія и не мудрствовали; намъ тогда не грозило національное распаденіе. Не грозило намъ ничего и лѣтъ 50 тому назадъ, когда мы, русскіе евреи, не увлекшись еще гибельнымъ приѣздомъ нашихъ нѣмецкихъ единовѣрцевъ, не гнались за просвѣщеніемъ, за свѣтскимъ знаніемъ, а мирно пребывали «въ шатрѣ тору». Были тогда у насъ и свои вожди, и свои великіе люди. Была у насъ въ первой половинѣ этого столѣтія свѣтлая эпоха расцвѣта талмуда, которую можно назвать «эпохою Хаима Воложинскаго», ибо сей великій мужъ, основатель воложинскаго расадника, былъ истиннымъ стражемъ духовной цѣлости Израиля. Было у этого человѣка много сподвижниковъ, замѣчательныхъ раввиновъ и талмудистовъ, предъ которыми народъ благоговѣлъ. Во главѣ общества стояли тогда или энергичные раввины, или богобоязненные богачи, которые въ случаѣ надобности всегда умѣли отстаивать еврейскіе интересы даже предъ высшимъ правительствомъ. Вообще, то было свѣтлое, невозмутимое, прекрасное время,—время полного единодушія, глубокой религіозности, духовной крѣпости. Эта тихая идиллія смѣнилась зрѣлищемъ отчаянной междуусобной борьбы съ тѣхъ поръ, какъ умъ проклятое просвѣщеніе ворвалось въ нашу мирную обитель и носило раздоръ между отцами и дѣтми. Молодое поколѣніе бросило священную тору и устремилось къ общему образованію; литература стала развивать губительныя идеи берлинской школы, учила критически относиться къ талмуду и раввинизму—этимъ оплотамъ нашего бытія—и стремиться къ «очищенной» вѣрѣ, развивала мысль, будто достаточно знать исторію еврейскую и еврейскій языкъ, чтобы быть истымъ евреемъ,—словомъ, всячески разрушала нашу твердыню, нашу традиціонную «тору», и тѣмъ ослабила насъ, разъединила, разбила до того, что нашему національному единству и чуть ли не существованію грозитъ неминуемая опасность. Этой опасности

удастся избѣгнуть только тогда, когда мы всё вернемся на прежній путь, заживем по старому, по своему, по самобытному, и отбросимъ все чуждое и наносное, когда у насъ будетъ свое просвѣщеніе—религиозное, талмудическое, когда мы не будемъ подражать инымъ народамъ въ духовной нашей жизни, когда мы замкнемся за стѣны нашей твердыни—религии, которая одна способна защитить насъ отъ всѣхъ бурь и сохранить насъ отъ гибели.

Мы передали вкратцѣ, но съ документальною точностью, содержаніе статьи г. Лифшица. И чтожь вы на это скажете, читатель? Вѣрится-ли вамъ, чтобы на исходѣ 19-го вѣка проповѣдывались такіе дикіе, средне-вѣковые взгляды? Къ вамъ приходятъ и говорятъ: вы—еврей, а потому вы—человѣкъ совсѣмъ не отъ міра сего, человѣкъ съ особымъ умственнымъ складомъ, съ особыми влеченіями. Для другихъ народовъ вѣ области вѣры существуетъ широкая область знанія—область науки, исторіи, философіи; для васъ же, поелику вы еврей, существуетъ одна только область вѣры, одна только наука—наука религии, одна философія—философія талмуда и раввинизма. Вы протестуете противъ такого дикого взгляда, противъ наложенія оковъ на вашъ духъ, противъ умственного заточенія, которому хотятъ подвергнуть васъ вопреки природѣ и сознанию. Вы возражаете: развѣ можно духовную жизнь цѣлаго народа сосредоточить въ области религиозныхъ сводовъ? Можно-ли всю дѣятельность физическаго организма свести, напримѣръ, къ работѣ однихъ только рукъ, или ногъ, или желудка, и можно-ли всѣ разнообразныя способности души свести къ одной только дѣятельности—къ вѣрѣ, къ изученію вопросовъ религиозныхъ? Вы говорите, что свободное изслѣдованіе и свѣтское знаніе ослабляютъ іуданизмъ. Это вполнѣ вѣрно; но развѣ они не ослабляютъ всѣхъ прочихъ религій? Развѣ видѣли вы гдѣ-нибудь, чтобъ волкъ пасся мирно съ овцою и чтобъ наука и философія уживались совершенно мирно со всѣми догматами вѣры? Философія, конечно, не можетъ разрушить самую основу вѣры, сущность ея, но она можетъ отбросить ея шелуху, ея внѣшній лоскъ, то, что для простонародья составляетъ все; она можетъ, напримѣръ, приложить критическую мѣрку къ талмуду и превратить его изъ свода дѣйствующихъ религиозныхъ законовъ въ любопытный историческій документъ... Вы, господа Лифшицы и Ко, въ этомъ усматриваете великую опасность для еврейства, а мы вамъ скажемъ, что нѣтъ никакой опасности въ томъ, что распространяетъ свѣтъ, что требуется разумомъ, какъ необходимая пища, ибо жизненная сила ев-

рейства крестя не въ одномъ талмудѣ и даже не въ одной только религии, а въ общности историческаго прошлаго, въ обширной совокупности явленій, составляющихъ нашу трехтысячелѣтнюю исторію. Не пустыя обряды соединяютъ насъ всѣхъ, а внутреннее сознание, которое крѣпче всякихъ переживаемыхъ обрядовъ. А потому намъ нечего болѣе и не надобно намъ загромождать себя валами и крѣпостными стѣнами отъ остальнаго человѣчества, съ которымъ у насъ естественно гораздо болѣе общихъ интересовъ, нежели особенныхъ отличій. Мы не больны, и намъ незачѣмъ садиться на діету, витать однимъ талмудомъ и «торомъ»: намъ утѣ придется въ разнообразной пищѣ—и мы должны употреблять все, что нашимъ силамъ доступно. Мы должны жить *полною*, широкою жизнью свободныхъ людей, а не тюремною, половничатою жизнью одичалыхъ анахоретовъ; мы... но намъ самимъ становится и стыдно, и смѣшно доказывать такія элементарныя вещи... Только появленіе такой невѣроятной апологій иракобѣсія, какъ статья г. Лишница, заставило насъ невольно высказать то, что составляетъ азбуку всякаго здравомыслящаго современнаго человѣка. Мы на минуту забылись: мы вообразили себя въ давнишней обстановкѣ, услышавъ отголоски минувшаго врачнаго времени, вспомнили священную борьбу за свободу мысли, борьбу, поглотившую всѣ наши юныя годы и юныя силы,—и руки невольно сжались, и мы забыли, что предъ нами не прежнія полчища врака, а лишь призраки прошлаго, отраженія еге, вызванныя въ памяти одною новою проповѣдью въ старомъ духѣ...

Однако, точно-ли это—призраки, вся эта агитація понятнаго движенія, вся эта проповѣдь самобытности и призывъ «домой»? Не есть-ли все это знаменіе нашего печальнаго времени, не предвѣщаетъ-ли это новый губительный кризисъ въ нашей духовной жизни?...

Довольно, однако! Мы уже такъ много распространились о нѣкоторыхъ статьяхъ традиціоннаго «Виноградника», что не оставили мѣста для обзора остальныхъ статей, въ немъ помѣщенныхъ. Впрочемъ, мы отиѣтили все крупное въ сборникѣ и, кажется, успѣли убѣдиться, какого полета эта птица, какова его наука и его публицистика. Намъ остается только сказать пару словъ о его критикѣ и беллетристикѣ. О первой можно сказать, что въ ней замѣтны знаніе дѣла и значительная эрудиція, но еще болѣе замѣтно стремленіе во что бы то ни стало выказать это знаніе и эту эрудицію,—а это качество некрасивое. О беллетристикѣ, состоящей изъ одной большой новѣсти и небольшого разсказа, можно сказать, что

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

она по качеству стоитъ еще ниже беллетристики прочиѣ разобранныхъ нами сборниковъ. Разказъ г. *Монасовича*, подъ заглавіемъ (въ приближенномъ переводѣ) «Федотъ, да не тотъ: былъ», можно признать еще сноснымъ: это—невинная юмористическая вещьца, при чтеніи которой вы по крайней мѣрѣ не скучаете. Но за то большая повѣсть г. *Фрейдзона*: «Ссора между братьями» есть образецъ настоящей Шехерезады, въ которой нѣтъ ничего бытового еврейскаго, кромѣ именъ. Рядъ невѣроятныхъ событій, возмутительныхъ злодѣйствъ, великихъ добродѣтелей, чудесныхъ избавленій, неожиданныхъ встрѣчъ, таинственныхъ инкогнито—вотъ все содержаніе повѣсти. Намъ некогда пересказывать это содержаніе подробно, но если вы хотите убѣдиться въ вѣрности нашего сужденія, прочтите повѣсть въ подлинникѣ—и вы увидите, какія вещи у насъ выдаются за серьезную беллетристику...

Переходимъ къ разбору четвертаго изъ нашихъ ежегодныхъ сборниковъ—къ сборнику г. *Гребера* «Литературный Магазинъ». Сборникъ этотъ сталъ издаваться въ прошломъ году въ пограничной съ нами Галиціи, но рассчитанъ главнымъ образомъ на русско-еврейскую публику, да и большинство его сотрудниковъ состоятъ изъ писателей; живущихъ въ Россіи. По общему своему характеру онъ вполне сходенъ съ рассмотрѣннымъ нами сейчасъ сборникомъ г. Атласа, но отличается отъ него съ одной стороны совершеннымъ отсутствіемъ публицистики и ретроградныхъ пошлостей, а съ другой—большимъ разнообразіемъ научнаго отдѣла.

Въ сборникѣ всего четыре отдѣла: богословскій, научный, стихотворный и беллетристическій; но первые два отдѣла вовсе не разграничены, такъ что въ богословскомъ отдѣлѣ встрѣчаются статьи историческія и филологическія, а въ научномъ—статьи богословскія. Большинство статей составляютъ небольшія замѣтки весьма незначительной научной цѣнности. Таковы: изслѣдованіе о нѣкоторыхъ извѣстныхъ средневѣковыхъ грамматикахъ, найденное въ бумагахъ покойнаго *Мунка*, замѣтки объ именахъ городовъ, употреблявшихся въ средневѣковой литературѣ (изъ рукописей *Ю. Фирста*), о сокращеніяхъ словъ въ старинныхъ книгахъ (изъ рукописей *Цунца*), объясненіе различныхъ словъ въ сочиненіяхъ Саадіа Гаона (*С. Бубера*), биографико-библиографическій очеркъ г. *Рейфмана* объ одномъ комментаторѣ «Мидрашей» Исахарѣ Когонѣ, авторѣ популярнаго комментарія «Матнось Кгуно», и т. п. Нѣкоторые историческія интересы представляютъ: замѣтка *Греча* «Римскіе императоры въ талмудѣ и мидратѣ»,

гдѣ доказывается, что въ агадической литературѣ существуютъ нѣкоторыя темныя указанія на императоровъ: Пескениа, Нигера, Диоклетіана, Константина и Галла; отрывокъ изъ неизданныхъ арабскихъ писаній Маймонида, изъ коего узнаемъ, что послѣдній рѣзко осуждалъ музыку, какъ нѣчто подчняющее умъ чувству и потому вредное; жизнеописаніе одного французскаго раввина, Арона Вориса, жившаго во время великой революціи (статья *Н. Брама*); біографіи нѣкоторыхъ современныхъ дѣятелей еврейской мысли, въ родѣ раввиновъ Розенфельда и Д. Т. Эфроса и писателей І. Переля, Гольдберга и Филиповскаго. Къ сожалѣнію, біографіи эти очень коротки и написаны не ad hoc, а въ видѣ «текста» къ помѣщеннымъ въ сборникѣ портретамъ писателей. Особенно поражаетъ своею безсодержательностью біографія извѣстнаго галиційскаго просвѣтителя и писателя Іосифа Переля. Біографъ, надворный совѣтникъ г. Гурляндъ, не нашелъ болѣе подходящаго матеріала, для наполненія трехстраничной характеристики, какъ указаніе на тотъ «важный» фактъ, что Перель получилъ двѣ медали отъ австрійскаго и русскаго правительствъ, и перепечатку аттестатовъ, при коихъ эти медали препровождены. Настоящая характеристика, не такъ-ли?

Только двѣ крупныя, достойныя вниманія вещи имѣются въ разсматриваемомъ нами сборникѣ. Первая изъ нихъ — монографія *Давида Когона* «Свѣтъ и Тьма», заключающая въ себѣ жизнеописанія поэтовъ — антикаббалистовъ братьевъ Франсисей, мистиковъ Лейбеля Простаца и Хаиля Малиха, и составленная на основаніи неизданныхъ источниковъ. Объ этой монографіи, или точнѣе монографіяхъ мы не будемъ говорить, ибо онѣ вышли отдѣльнымъ изданіемъ, о которомъ мы уже дали отчетъ въ декабрьской «Лѣтописи» минувшаго года. Что же касается второй вещи, то она значительна не по своему объему, а только потому, что имѣетъ отношеніе къ двумъ весьма важнымъ и еще мало изслѣдованнымъ моментамъ въ исторіи русскіхъ евреевъ.

Мы говоримъ о трехъ коротенькихъ статьяхъ г. *Гурлянда*, изъ которыхъ первая относится къ исторіи «Уманской рѣзни» 1768 года, а послѣднія двѣ — къ исторіи бѣдствій 1648 года. Въ началѣ первой статейки г. Гурляндъ объявляетъ, что онъ приступилъ къ собиранію матеріаловъ, печатныхъ и письменныхъ, относящихся къ исторіи еврейскихъ бѣдствій на Украинѣ въ 1648 и 1768 г., въ эпохи хмельничины и гайдамачины; что по собраніи всѣхъ этихъ матеріаловъ онъ ихъ издастъ съ примѣчаніями и разъясненіями, а на ихъ основаніи построитъ подробнѣйшую исто-

рію тѣхъ мрачныхъ эпохъ. Не знаемъ, насколько удовлетворительна будетъ «исторія» г. Гурлянда, ибо въ качествѣ историка онъ еще себя ничѣмъ не зарекомендовалъ; но онъ довольно извѣстенъ, какъ ученый археологъ, и мы увѣрены, что ему удастся составить полный сводъ матеріаловъ, относящихся къ упомянутымъ эпохамъ, — а такому предпріятію нельзя не порадоваться, и нельзя не желать скорѣйшаго его осуществленія. Пока г. Гурляндъ дѣлится съ нами нѣкоторыми свѣдѣніями изъ собранной имъ коллекціи документовъ. Особенно цѣннымъ считаемъ мы документъ, относящійся къ исторіи «Уманьской рѣзни», такъ какъ эта исторія еще въ высшей степени темна и требуетъ усиленныхъ изысканій*.

Документъ состоитъ изъ длинной, стихами написанной, молитвы—панихиды, составленной вскорѣ послѣ Уманьской рѣзни и до-нынѣ читаемой ежегодно въ день 5-го Тамуза (5-го іюля) во всѣхъ синагогахъ города Умани, въ память объ евреяхъ, убитыхъ и принявшихъ мученическую смерть въ 1768 г. Содержаніе молитвы не только трогательное, но и потрясающее. Въ ней говорится о тѣхъ звѣрствахъ, которыя совершались гайдамаками надъ несчастными уманьскими евреями. Не щадили никого:

* Г. Гурляндъ справедливо жалуется на эту неизслѣдованность предмета, причемъ замѣчаетъ, что Грець даже не упомянулъ въ своей „Исторіи“ о рѣзни 1768 года. Это невѣрно, ибо въ IX томѣ „Исторіи“ Греца, на стр. 117 нѣмецкаго изданія упомянуто въ самыхъ общихъ выраженіяхъ о рѣзни, учиненной въ Гомель, въ 1768 г., Гонтою и Желѣзнякомъ. Конечно, бѣглыхъ свѣдѣній, мимоходомъ сообщенныхъ Грецомъ, нѣкимъ образомъ нельзя считать достаточными, а вдобавокъ Грець ошибся въ названіи мѣстности, написавъ Гомель вмѣсто Умань. Ошибка эта произошла вслѣдствіе двойного употребленія слова „הומ"א“ въ еврейскихъ документахъ для названія бѣлорускаго Гомеля и украинской Умани. Но съ другой стороны г. Гурляндъ впадаетъ въ противоположную ошибку, полагая, что „הומ"א“ еврейскихъ документовъ всегда относится къ Умани (Сборникъ, 2-й отдѣлъ, стр. 10, прим. 7). Именно въ названныхъ имъ документахъ это слово относится къ Гомелю, а не къ Умани. Такъ, въ главномъ документѣ, въ лѣтописи „הומ"א ב"ת", изображающей событія 1648 г., словомъ „הומ"א“ обозначается Гомель, чему доказательствомъ служитъ то, что оно приводится подъ рубрикою: „Вѣдствія на Литвѣ“ и въ числѣ городовъ Стародубъ, Черниговъ, Слудскъ, Пинскъ etc. (назв. лѣтописи, 13, а—b, варшав. изд. 1872 г.), да еще то, что изъ другихъ источниковъ извѣстно, что описанная событія относятся къ Гомелю. Разумѣется, тамъ гдѣ слово „הומ"א“ употреблено по отношенію къ событіямъ 1768 г., оно непременно означаетъ „Умань“, но въ послѣднемъ случаѣ оно большей частью пишется иначе, именно „הומ"א“ (Гумейнъ). Мы сочли нужнымъ остановиться на этихъ мелочахъ, такъ какъ изъ нихъ могутъ простекать крупныя историческія ошибки.

рѣзали и малыхъ, и старыхъ, и женъ, и дѣвушекъ. Громадная толпа евреевъ заперлась было въ синагогѣ, но разбойники ворвались и туда, схватили окутанныхъ въ молитвенныя ризы евреевъ, молящихся и рыдающихъ, и нрѣзали до одного, наругавшись вдобавокъ надъ святынею *. Всѣ улицы города покрыты были горами труповъ и лужами крови, но когда тѣла стали разлагаться и мѣшали проходить гайдамакамъ, атаманъ послѣднихъ (Гонта ?) приказалъ бросить ихъ за городъ, на поле, на сѣденіе псамъ и хищнымъ птицамъ. Три дня продолжались звѣрства въ Уманѣ 5-го, 6-го и 7-го Тамуза 1768 г., и убито было всего, какъ показано въ припискѣ къ молитвѣ, *тридцать тысячъ* евреевъ, обывателей города, а также и прѣѣзжихъ изъ окрестныхъ деревень и мѣстечекъ. Изъ молитвы мы также видимъ, что подобныя звѣрства, хотя въ меньшемъ размѣрѣ, совершались въ украинскихъ городахъ и мѣстечкахъ: Тетіевѣ, Голтѣ, Балтѣ, Тульчинѣ, Павловичѣ, Рапковѣ, Лисянѣ и въ деревнѣ Медничѣ. Подлинникъ молитвы, написанной на пергаментѣ, хранится въ видѣ священнаго свитка въ одной изъ уманьскихъ синагогъ.

Гораздо менѣе цѣнны для исторіи другіе два документа, обнаруженные г. Гурляндомъ и относящіеся къ рѣзнѣ 1648 г., такъ какъ объ этой рѣзнѣ мы имѣемъ подробнѣйшія описанія современниковъ-очевидцевъ, давно уже извѣстныя въ печати. Впрочемъ, и эти документа нелишни, какъ историческій матеріалъ. Одинъ изъ нихъ заключаетъ въ себѣ краткую прозаическую молитву за упокой души убитенныхъ въ 1648 г., хранящуюся въ древней рукописи въ синагогѣ подольскаго мѣстечка Шаргорода. Другой состоитъ изъ двухъ длинныхъ «плачей» (*кинотъ*), сочиненныхъ по поводу бѣдствій 1648—49 годовъ и хотя уже бывшихъ въ печати, но составляющихъ большую библиографическую рѣдкость. Документы эти, какъ уже сказано, мало прибавляютъ къ нашимъ прежнимъ свѣдѣніямъ о разсматриваемыхъ событіяхъ, но важны, какъ подтвержденіе и отчасти лишь какъ дополненіе ихъ. Обѣ молитвы выставляютъ Немировскій погромъ, какъ самый ужасный изъ всѣхъ, и исчисляють множество еврейскихъ общинъ, пострадавшихъ отъ полчищъ Хмельницкаго. Въ одномъ изъ нихъ говорится, что число этихъ несчастныхъ общинъ доходило до *трехсотъ*. Приводятся также имена нѣкоторыхъ святыхъ мучениковъ, принявшихъ смерть при торжественной, трагической обстановкѣ.

* Ср. „Гайдамачину“ Д. Л. Мордочева, гл. VI.

Для характеристики внѣшняго порядка въ сборникѣ, нелишне замѣтить кстати, что три статьи г. Гулянда, относящіяся къ одному отдѣлу исторіи, помѣщены не вмѣстѣ, а разбросаны въ различныхъ мѣстахъ сборника, даже въ различныхъ отдѣлахъ. Вообще, въ сборникѣ г. Гребера господствуетъ полнѣйшій, первобытный хаосъ. Около ста статей, замѣтокъ, отрывковъ и стихотвореній разбросаны, какъ попало, безъ связи и системы, несмотря на существующее внѣшнее дѣленіе. Каждая почти статья имѣетъ свою особую нумерацію, такъ что справки и поиски въ этой книгѣ сопряжены съ немалыми хлопотами. Опечатокъ, крупныхъ и мелкихъ, видимо-невидимо. Словомъ, книга напечатана такъ, какъ умѣютъ печатать только въ хасидской, малограмотной, пробавляющейся лубочною литературою, Галиціи.

О прочихъ научныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Магазинѣ», не стоитъ распространяться. Это, по большей части, мелкія экзегетическія статьи и сомнительной важности документы. Замѣтка о *еврейскихъ древностяхъ въ славянскихъ земляхъ*, на которой значится, что она взята изъ рукописей покойнаго Цунца, напоминаетъ намъ по содержанию своему нѣчто, давно уже читанное нами въ Цунцовыхъ «Gesammelte Schriften». Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ послѣднихъ въ настоящую минуту подъ рукою, для того, чтобъ убѣдиться, насколько новы сообщаемыя въ замѣткѣ свѣдѣнія. Историческіе документы, помѣщенные въ другой статьѣ и относящіяся къ исторіи еврейскаго погрома въ Офенѣ (Венгріи) въ 1686 г., также не впервые появляются въ печати, и составляютъ переводъ съ нѣмецкой статьи, помѣщенной нѣкогда въ «Monatschrift» Франкля и Греца,—чего впрочемъ и издатель не скрываетъ. Подробная статья г. *Виллера* «Духовное и свѣтское», заключаетъ въ себѣ параллели между разсказами и характерами Библии и Илліады. Эти параллели могли бы быть крайне интересными, еслибы авторъ не задался несправедливою тенденціею во что бы то ни стало выставить превосходство священнаго Писанія надъ языческою Илліадою. При этомъ онъ обнаруживаетъ не только полнѣйшее непониманіе поэтическихъ красотъ, но и весьма плохое знакомство съ безсмертнымъ произведеніемъ грековъ, а подчасъ и недобросовѣтность, вызываемую предвзятою идеею. Его, напримѣръ, возмущаетъ жестокость Ахиллеса на полѣ брани, но онъ нисколько не возмущается таковыми же жестокостями Самсона, Давида и другихъ библейскихъ воиновъ. Въ немъ возбуждаютъ улыбку наивныя отношенія гомеровскихъ героевъ къ олимпійскимъ богамъ,—а изъ этого видно, что

авторъ не имѣетъ никакого понятія о греческомъ міросозерцаніи. Можно было привести еще множество ошибокъ и грубыхъ промаховъ автора, да не стоитъ этимъ заниматься.

О стихотворномъ и баллетристическомъ отдѣлахъ ограничимся замѣчаніемъ, что первый количествомъ весьма обширенъ, хотя качественно оставляетъ многого желать, а второй состоитъ изъ двухъ рассказовъ г. *Браудеса*, совершенно безразличныхъ и въ художественномъ, и въ бытовомъ отношеніи.

Общее заключеніе, вынесенное нами изъ чтенія сборника г. Гребера, такое: въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ стоитъ выше сборника г. Атласа, а именно: по отсутствію рѣзкихъ ретроградныхъ тенденцій, по стремленію къ обнародованію рѣдкихъ историческихъ документовъ и по менѣе ошибочному, менѣе казуистическому характеру „научныхъ“ замѣтокъ. Но онъ имѣетъ и свои крупныя недостатки, каковы: крайняя мелочность однихъ статей и замѣтокъ, узко-спеціальный характеръ другихъ, плохая обработанность третьихъ, а вообще—крайній хаосъ, беспорядокъ, отсутствіе опредѣленной программы, какой-то смѣшанный конгломератъ разнородныхъ вещей. Если эти недостатки будутъ устранены въ слѣдующихъ выпускахъ сборника, а хорошія стороны усилены, то можно, пожалуй, современемъ предсказать изданію г. Гребера лучшей приемъ и у публики, и у критики.

Критикусь.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Евреи и христіане. Сочиненіе Натальи Петровны Уваровой, урожденной княжны Горчаковой. Переводъ съ французскаго С. Л. Деманта. Москва, 1888 г. (39 стр. in 8°).

Брошюра г-жи Горчаковой-Уваровой «*Juifs et Chrétiens*», вышедшая въ Парижѣ въ концѣ минувшаго года, вызвала при своемъ появленіи немало шуму и толковъ въ печати. На нее смотрѣли какъ на своего рода отвѣдъ юдофобской книгѣ Дрюмона—и значительная часть французской печати привѣтствовала ее въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Намъ, однако, кажется, что успѣхомъ своимъ брошюрка г-жи Горчаковой-Уваровой обязана въ гораздо большей степени имени и высокому положенію ея автора, нежели собственному своему содержанію. Брошюрка эта, по нашему мнѣнію, представляетъ собою не столько апологію евреевъ, сколько филиппику противъ христіанъ, или точнѣе—противъ христіанскихъ народовъ, не соблюдающихъ своего религіознаго закона. Авторъ ставитъ такимъ народамъ въ образецъ евреевъ, «ту единственную націю, которая (вся-ли?) среди всеобщаго блужданія мысли сѣуиѣла удержаться во всей своей неприкосновенности» (стр. 9). Авторъ расположенъ къ евреямъ не столько какъ къ людямъ вообще, сколько какъ къ людямъ, сохранившимъ, по ея мнѣнію, во всей чистотѣ свое религіозное чувство, стоящимъ выше христіанъ по своей нравственности и братской солидарности. Онъ увѣренъ, что «еврей не имѣетъ пороковъ», что «въ сношеніяхъ евреевъ между собою никогда не встрѣчается измѣны» (стр. 17), что «несмотря на то, что христіанское ученіе о нравственности несравненно выше іудейскаго, *de facto* нравственность евреевъ неизмѣримо выше нравственности христіанъ» (стр. 18), что еврей въ своихъ поступкахъ постоянно справляется со своими священными книгами, между тѣмъ какъ христіане этого не дѣлаютъ (стр. 36), и т. п.

Можно-ли согласиться со всѣми этими мнѣніями автора? По нашему убѣжденію, нѣтъ. Намъ сдается, что вслѣдствіе излишняго пафоса и малаго знакомства съ дѣломъ, почтенный авторъ слишкомъ превозноситъ качества евреевъ и слишкомъ унижаетъ своихъ единовѣрцевъ. Что въ простой еврейской массѣ религиозное чувство сильнѣе, сложнѣе, нежели въ массѣ христіанской, нельзя оспаривать; но чтобы между евреями существовала идеальная братская солидарность, чтобы еврей на практикѣ никогда не обманывалъ своего брата, чтобы въ своихъ житейскихъ поступкахъ онъ всегда соображался со св. Писаніемъ—обо всемъ этомъ мы въ первый разъ слышимъ. Во имя справедливости и безпристрастія, мы должны заявить, что въ насъ, къ несчастію, всѣхъ этихъ достоинствъ не имѣется и что авторъ по добротѣ сердца и невѣдѣнію приписалъ намъ то, чего у насъ вовсе нѣтъ. Мы—нисколько не выше въ нравственномъ, житейскомъ и прочихъ отношеніяхъ окружающихъ насъ народовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы и не ниже ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Мы—люди, со всѣми достоинствами и слабостями людей, и какъ таковыя, т. е. какъ *равныя*, но отнюдь не какъ лучшіе или «избранныя», мы требуемъ и добиваемся гражданской равноправности. Вообще, мы думаемъ, что нѣтъ опредѣленнаго мѣрила *національной* нравственности, или *національныхъ* качествъ, что всякая нація есть совокупность индивидуумовъ и нравственныхъ, и безнравственныхъ, и средней нравственности, и что вообще крайне рискованно говорить категорически о различныхъ національныхъ типахъ, въ особенности духовнаго свойства.

Заблужденія г-жи Горчаковой-Уваровой происходятъ, какъ мы уже сказали, какъ отъ недостаточнаго знакомства съ евреями (нѣскольکو единичныхъ примѣровъ, ею приведенныхъ, не могутъ служить достаточными доказательствами), какъ и—еще болѣе—отъ той односторонней точки зрѣнія, на которой она стоитъ. Эта точка зрѣнія—исключительно религиозная, игнорирующая всѣ прочія стороны индивидуальной и общественной жизни. Еслибъ г-жа Горчакова писала трактаты о вопросахъ чисто-религиозныхъ, положимъ о сравнительныхъ религиозныхъ воззрѣніяхъ евреевъ и христіанъ, тогда эта точка зрѣнія, пожалуй, была-бы уместна; но видъ она пишетъ о вопросѣ социальномъ, экономическомъ, правовомъ—о сферахъ вѣшной матеріальной жизни людей, въ которыхъ религія далеко не единственная законодательница... Эта же односторонняя точка зрѣнія—мы съ искреннимъ огорченіемъ должны отмѣтить этототъ фактъ—чисто вводитъ автора въ такіа заблужденія, которыя отзываются не дру-

жалобѣнъ, а, наоборотъ, недоброжелательствомъ къ евреямъ, — что ужь вовсе не гармонируетъ съ общими тѣмъ книги. Такъ, авторъ признаеть за одно съ противниками евреевъ, что распримы народа съ евреями въ году погромовъ вызваны были чувствомъ самосохраненія, ибо «населеніе (русское) видитъ себя разореннымъ, но не въ силахъ защищаться», видитъ себя бессильнымъ противъ еврейской солидарности (стр. 16). Въ другомъ мѣстѣ она говоритъ: «Вполнѣ признавая рѣдкія качества евреевъ, мы должны все-таки сознать, что западные государства поступаютъ противъ закона самосохраненія, призывая ихъ посредствомъ избирательства управлять народами. Направленіе, которое они (евреи) дадутъ законамъ, будетъ совершенно противно духу этого народа и діаметрально противоположно нашимъ основнымъ идеямъ» (стр. 28). Еще одно удивительное мѣсто: «Допустимъ даже, что невозможно видѣть въ евреяхъ соотечественника, но, по крайней мѣрѣ, можно желать, чтобъ прекратились враждебныя отношенія къ нему, чтобъ ему предоставили права и покровительство, которыми пользуются другіе чужестранцы» (стр. 29—30).

Какъ видите, въ книгѣ г-жи Горчаковой-Уваровой немало вопиющихъ противорѣчій. То она возвышаетъ евреевъ до небесъ, призывая ихъ образцами нравственности, то свергаетъ ихъ съ пьедестала и совѣтуетъ христіанамъ быть съ ними на-сторожѣ. Нѣтъ, что бы тамъ ни говорили другіе, а мы рѣшительно не понимаемъ, чего хочетъ авторъ книги «Евреи и Христіане». Намъ кажется, что вся эта книжка—скорѣе литературный капризъ, чѣмъ серьезное литературное произведеніе. Намъ сдается, что благомыслящіе евреи должны были бы сказать автору книжки то, что сказалъ нѣкогда еврейскій мудрецъ одной пчелѣ: «Мнѣ не надо ни твоего меда, ни твоего жала»...

Москва и Лондонъ. Историческіе, общественные и экономическіе очерки и изслѣдованія С. Б. Иппо. Москва, 1888, 498 стр. in 12°.

Книга г. Иппо трактуеть, какъ можно уже судить по заглавію, о вопросахъ социальна-экономическихъ и имѣеть цѣлью сопоставить социальна-экономическіе порядки Россіи и Англій. Авторъ — большой поклонникъ англійскихъ порядковъ, которые онъ ставитъ въ образецъ нашему правительству. Говоря о торгово-промышленной жизни Россіи, авторъ не могъ не коснуться и еврейскаго вопроса, въ существованіи коего онъ усматриваетъ большое экономическое зло. Онъ говоритъ: «Для того, чтобы торговля могла вполнѣ удовлетворять своему истинному благотворному назна-

ченію, необходимо уничтоженіе тѣхъ препятствій, которыя влекутъ за собою для развитія торговли внутреннія ограниченія правъ одной части населенія государства изъ-за религіознаго и племеннаго отличія этой части отъ преобладающаго элемента населенія» (стр. 98). Онъ доказываетъ, что законъ, ограничивающій право жительства евреевъ въ Россіи, безусловно отзывается на развитіи русской промышленности во внутреннихъ губерніяхъ (стр. 100).

Одну обширную главу своего сочиненія (гл. XXIV первой части) авторъ посвящаетъ цѣликомъ еврейскому вопросу и въ ней подробно развиваетъ свои указанные сейчасъ мнѣнія. Ссылаясь на выдающіеся экономическіе авторитеты и на факты, г. Иппо доказываетъ въ частности, какъ важно для промышленности Москвы свободное пребываніе въ этомъ городѣ евреевъ, и между прочимъ приводитъ составленную въ этомъ смыслѣ известную петицію московскихъ купцовъ-христіанъ, поданную на имя министра финансовъ 5 мая 1882 г.

Въ общемъ, книга г. Иппо заключаетъ въ себѣ массу любопытныхъ данныхъ и документовъ, могущихъ дать весьма полезныя свѣдѣнія людямъ, интересующимся экономическими вопросами.

С. М.

О Г Л А В Л Е Н І Е

МАРТОВСКОЙ КНИГИ.

I. ВВЕДЕНИЕ ВЪ ИСТОРИЮ ХАССИДИЗМА. (Продолженіе). С. М. Дубнова.	3
II. ГОРЯЩІЙ ДЕМОНЪ. (Средневѣковая испанская легенда). Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	19
III. ИСААКЪ ДЖЕМЪ. Быль эпохи возрожденія, рассказанная книжными червякомъ. Н. Ру—кина.	24
IV. МИРТАЛА. Историческая повѣсть. Элизы Оржешко. Переводъ съ польскаго. (Продолженіе). А. И. Онуфровича.	51
V. ЕВРЕЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ. Ю. В. Манасевича.	89
VI. ДВА ЕВРЕЯ-ВРАЧА ПРИ МОСКОВСКОМЪ ДВОРѢ. I. Берхина.	111
VII. ТРИ КАРТИНЫ. Стихотвореніе. И. Тагера.	117
VIII. НИ ПАВА, НИ ВОРОНА. Исторія одного изъ многихъ. И. Маргалина.	121
IX. АГАРЬ ВЪ ПУСТЫНѢ. Изъ Корнелія Уейскаго. Стихотвореніе. Вѣры Никольской.	136
X. ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Г. Карпелеса. Переводъ Нетра Вейнберга. Съ примѣчаніями А. Я. Гаркави (въ особомъ приложеніи).	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XI. ВЪ ЧЕРТѢ ЕВРЕЙСКОЙ ОСЪДЛОСТИ. П. О.	1
XII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ЛИТЕРАТУРА НАШИХЪ ЕЖЕГОДНИКОВЪ. П. <i>Кнесетъ Исроэль</i> (בנות ישראל): Общественно-промыш-	

ленный и научно-литературный сборникъ на древне-еврейскомъ языкѣ,
издаваемый С. П. Рабиновичемъ и I. I. Гурвичемъ. Томъ второй.
Варшава, 1887. Критикуса 10

ХІІІ. БИБЛЮГРАФІЯ:

- 1) *Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма.* Сочиненіе проф. А. Рилля. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Корша. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1888. 23
- 2) *Всеобщая Исторія, Георга Вебера, перевелъ Андреевъ.* Изданіе К. Т. Солдатенкова, Москва, 1887 г., томъ VI. А. Волынскаго. 27

О Г Л А В Л Е Н І Е

АПРѢЛЬСКОЙ КНИГИ.

-
- I. ИСААКЪ ДЖЕМЪ. Быль эпохи возрожденія, разсказанная книж-
нымъ червякомъ. (Продолженіе). Н. Ру—кина. 3
- II. ВОРМСКІЕ НЕЗНАКОМЦЫ. Стихотвореніе. С. Гриблата. 26
- III. МИРТАЛА. Историческая повѣсть. Элизы Оржешко. Переводъ съ
польскаго. (Продолженіе). А. И. Онуфровича 31
- IV. ИЗЪ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКАГО ПЕЧАТНАГО ДѢЛА ВЪ РОССИИ.
И. Марика. 76
- V. НИ ПАВА, НИ ВОРОНА. Исторія одного изъ многихъ. Окончаніе.
И. Марголина 92
- VI. ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ИЗЪ ТАЛМУДИЧЕСКОЙ ЭПОХИ. III Рабби
Акиба. (Великомученикъ). М. Г. Моргулис 107
- VII. ВОЖЬЯ НИВА. Стихотвореніе. С. Г. Фруга. 121
- VIII. ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Г. Карпелеса. Переводъ
Негра Вейнберга. Съ примѣчаніями А. Я. Гаркави. (въ особомъ
приложеніи).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- IX. СТАТИСТИКА О ЕВРЕЯХЪ КОВЕНСКОЙ ГУБ. А. Корана. 1
- X. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ЛИТЕРАТУРА НАШИХЪ ЕЖЕГОДНИ-
КОВЪ. I. *Гакеремъ* (הכרם): Еврейскій историко-литературный Сбор-
никъ, издаваемый Л. Атласомъ. Варшава, 1887.—II. *Бетъ-*
оуаръ га-Сафрутъ (בית אוצר הספרות): Magazin für hebräische

Literatur und Wissenschaft, Poesie und Belletristik, edirt
von *E. Gräber*. I. Jahrgang. Jaroslau, 1887. 10

XI. БИБЛИОГРАФІЯ:

- 1) *Евреи и христіане*. Сочиненіе Натальи Петровны Уваровой,
урожденной княжны *Горчаковой*. Переводъ съ французскаго
С. Л. Деманта. Москва, 1888 г. (39 стр. in 8°). 31
- 2) *Москва и Лондонъ*. Историческіе, общественные и экономи-
ческіе очерки и изслѣдованія *С. Б. Инно*. Москва, 1888,
498 стр. in 12°. С. М. 33

дятся, что Саронская роза сбросила свой покровъ вдовицы и вновь расцвѣла въ своей воскресшей красотѣ,—чудится, что опять чудесно зазвучали струны тѣхъ арфъ, которыя привлекали цѣлый народъ въ храмъ на горѣ Морин до той поры, пока корахидскіе пѣвцы не повѣсили ихъ на вѣтвяхъ вавилонскихъ ивъ, потому что не хотѣли пѣть пѣснь Сіона въ чужой землѣ! Теперь, какъ въ дни національнаго процвѣтанія своего, еврейскій языкъ снова раскрываетъ всю свою сокровищницу, чтобы украсить пѣсню, которую потокомъ пѣвцовъ-левитовъ, поетъ на андалузской землѣ во славу своего Бога и своего народа.

Сообразно этому, и основной характеръ поэзіи Іегуды Галеви—преимущественно религиозный, истинно набожный. Смирненіе и покорность волѣ неисповѣднаго Бога проповѣдуетъ и онъ, какъ высочайшую цѣль жизни; покаяніе и раскаяніе выставляетъ въ задушевныхъ звукахъ и онъ, какъ путь къ этой цѣли; точно также умѣетъ онъ, посредствомъ изображенія мимолетности и ничтожества здѣшней жизни, пѣть и говорить намъ о страданіяхъ и скорбяхъ на землѣ и о райскихъ наслажденіяхъ на небѣ. Но къ чистѣйшей гармоніи возвышается его поэзія тогда, когда, каковъ бы ни былъ ея источникъ, она наконецъ опускается на землю своей родины. Тутъ предъ глазами поэта растворяются ворота опустѣвшаго Сіона, появляются золотыя стѣны храма, и набожные священники, пестрыя толпы набожнаго народа входятъ туда, запахъ жертвенныхъ куреній смѣшивается съ пѣніемъ левитовъ, и Іерусалимъ полонъ народомъ, который Господь снова привелъ, «какъ видящихъ это во снѣ», въ отечество...

«Разрушенный городъ Бога и поверженная въ прахъ святыня его кидаютъ свои мрачныя тѣни во всѣ пѣсни и во всѣ настроенія поэта; но не гнилой запахъ мерзости и заустѣнія вѣетъ намъ оттуда; передъ нами встаютъ изъ этихъ произведеній почтенныя старыя развалины, богатыя воспоминаніями обломки, и все это—облитое волшебнымъ мерцаніемъ луны. Что стихотворенія Іегуды Галеви всюду встрѣчали радушный пріемъ и что нѣтъ ни одного изъ мало-мальски извѣстныхъ обрядниковъ, который не украсилъ бы себя цвѣтами изъ его поэтическаго сада—это понятно само собою, и даже въ самыхъ незначительныхъ произведеніяхъ его всегда найдется какая нибудь отличительная черта, которая тотчасъ же выдастъ автора. Дѣйствительно, никто не умѣетъ такъ, какъ онъ, угадывать чутьемъ и выражать словомъ разные моменты чуднаго прошедшаго и группировать ихъ въ узкихъ рамкахъ маленькой пѣсни; настоящее и прошедшее соединяетъ онъ искусною рукою, и яркій блескъ радостнаго будущаго проли-

ваетъ даже на темную картину безотраднѣйшей дѣйствительности настоящаго».

Всѣмъ праздничнымъ и траурнымъ днямъ синагогальнаго года Іегуда Галеви посвятилъ богатства своей поэзіи, изъ которыхъ извѣстно больше трехсотъ; но знаменитѣйшая изъ его религіозныхъ пѣсней—Сіонская пѣсь, которая и по сю пору раздается торжественно-элегическими звуками во всѣхъ синагогахъ Израиля въ печальную годовщину разрушенія Іерусалима и возвышаетъ сердца всѣхъ вѣрующихъ; о ней одинъ выдающійся не-еврейскій критикъ замѣтилъ, что во всей религіозной поэзіи—не исключая Мильтона и Клонштока—не найдется ничего, что можно было бы поставить выше этой элегіи, гдѣ языкѣ щедро открылъ всѣ свои сокровища и чары тому, кто ни въ одной строкѣ не старался доказать свое стихотворное искусство, но съ набожною преданностью и скромнымъ самозабвеніемъ желалъ проявить и подтвердить самыя глубокія движенія своей души. Даже и теперь эта элегія, въ вѣрномъ переводѣ, не можетъ не производить глубокаго впечатлѣнія:

Сіонъ! Неужели не слышишь ты привѣта твоихъ милыхъ,
Тяжело скованныхъ, оставшихся у тебя?
Привѣта съ востока и запада, съ сѣвера и юга,
Несущагося къ тебѣ слезами и издаемаго громкимъ шумомъ?
А вѣдь привѣтъ души есть надежда раба!
Когда потокъ слезъ открыто и свободно исторгается у него, словно роса,
падающая на гору Хермонъ, тогда кажется ему,
Что онъ имѣетъ право горячо плакать на твоихъ горахъ!
Въ тѣ минуты, какъ охватываетъ меня твое страданье, я становлюсь
похожъ на сову,

И тутъ убавкиваетъ меня свѣтлая греза:
Далеко, далеко возвращаются на родину плѣнные;
И ликуетъ воспламененная душа моя,
Какъ въ рукѣ плывца арфа съ ея бурей пѣсенъ! Увы!
Приковано къ Бетъ-Эль мое сердце! Лейтесь же, слезы!
Какъ нѣкогда лились предъ Господомъ хвалебныя пѣсни ангельскихъ
хоровъ,

Святыхъ, погибшихъ смертью жертвъ.
Здѣсь воссѣдалъ на престолѣ Богъ въ Своемъ величіи,
Среди священнаго города. Высоко возносились
Твои ворота, открытыя предъ вратами неба!
Только лучъ божества озарялъ блескомъ твою жизнь,
Затемни солнце и луну, и вѣнецъ звѣздный.
Какая горить во мнѣ жажда излить

Упоенное сердце мое въ твоихъ священныхъ кущахъ,
 Гдѣ духъ Божій сошелъ на учениковъ!
 Да, по-истинѣ то было небесное мѣсто, пологъ великолѣпнй
 И небесная сіянія былъ тронъ Твой. А теперь отраживается
 Дерзкіе рабы возвышались на его сѣдалища!
 О, если бы я могъ, не зная отдыха, странствовать къ мѣстамъ,
 Гдѣ Богъ открылъ Себя Своимъ пророкамъ!
 Но гдѣ взять мнѣ исполнскихъ крыльевъ?
 Къ твоимъ дорогимъ развалинамъ хотѣлось бы проникнуть мнѣ
 Всей силою моего раненаго сердца!
 И кинулся бы я ницъ лицомъ коимъ
 На твою священную землю, вѣчно чистую,
 И крѣпко обнималъ бы каждый камень,
 И цѣловалъ безконечно цѣловалъ бы пылъ твою!
 А потомъ дальше, все дальше, гдѣ добычею смерти
 Дорогіе предки почіють въ холодныхъ могиллахъ.
 О, Хевронъ! Всемогущимъ трепетомъ
 Охваченъ я тамъ, гдѣ краса твоихъ могилъ,
 Самые дорогіе люди всего широкаго земного шара—
 Абаримъ, Гарь-Гагаръ! Гдѣ твои свѣточы,
 Лучезарные свѣточы—учителя, судьи,
 Сошли въ могилы. О, воздухъ моей жизни—
 Благоуханія твоей земли! Не аромата миртовъ,
 Не запаха пряностей!—я жажду твоей пыли,
 И каждая капля твоихъ водъ
 Была бы для меня сладостнымъ бальзамомъ! О, какое блаженство—
 Нагимъ и боснимъ ходить по твоимъ развалинамъ,
 Гдѣ нѣкогда гордо вносились твои великолѣпные дворцы,
 Гдѣ хранилось величайшее изъ твоихъ священныхъ драгоценностей—
 Ковчегъ завѣта, такъ дерзко разрушенный!
 Тамъ, гдѣ херувимы съ огненнымъ мечомъ
 Охраняли Святую Святыхъ—я бы съ радостью
 Быстро сорвалъ съ головы драгоценнѣйшее украшеніе
 И кинулъ его въ прахъ! Я бы широко раскрылъ
 Двери моего гнѣва и послалъ самое дикое пролітіе
 Тѣмъ временамъ, что осквернили святину!
 Прочь пища и питье! Можетъ ли думать о нихъ тотъ,
 Кто видитъ, какъ дикія собаки терзаютъ на клочки льва?
 Можетъ ли доставлять блаженство даже яркій свѣтъ солнца,
 Когда вороны нагло разрываютъ твоихъ орловъ?
 О, чаша гора! Ты вѣдь почти переполнена!
 Повремени, дай мнѣ одну минуту отдыха!
 Душа моя едва можетъ вмѣстить въ себя всю ея муку,
 Сердце мое слишкомъ тѣсно для такого количества горечи!

Сіонъ, яркій вѣнецъ высшей красоты,
 Въ сердцѣ друзей твоихъ вѣчно сохраняется
 Блаженство любви къ тебѣ! Навѣки
 Остаеся ненарушимой нѣзбѣдная преданность тебѣ.
 Всѣ, привѣтствовавшіе радостными ликовавшими дни твоего благоденствія,
 И всѣ, горько оплакивашіе твое наденіе,
 Плакавшіе горькими слезами въ дальнемъ изгнаніи
 При вѣсти о твоей гибели,—всѣ они не перестаютъ жадно стремиться
 къ тебѣ душой!

Когда колѣни ихъ смиренно сгибаются предъ Господомъ,
 Голова ихъ склоняется къ твоимъ вратамъ.
 Разбитые и разсыпанные по горамъ и долинамъ,
 Они думаютъ о тебѣ и въ счастьи и въ мученіяхъ!
 Силетенные съ тобой въ жаркой душевной тревогѣ,
 Они такъ жаждутъ обнимать тебя, прижиматься къ тебѣ,
 И самое задушевное стремленіе ихъ—блаженно покомиться
 Подъ твоими тѣнистыми пальмами.
 Шиннаръ, Патросъ—сміютъ ли они жѣряться
 Съ твоимъ величіемъ? Смѣютъ ли созданія
 Ничтожнаго смысла равнять себя
 Съ твоимъ блескомъ—этимъ лучезарнымъ свѣтомъ Божиимъ?
 Кто дерзнетъ въ суетномъ словозверженіи
 Приблизиться къ твоимъ боговдохновеннымъ, твоимъ пророкамъ,
 Твоимъ священнымъ пѣвцамъ и левитамъ?
 Исполненскими шагами пробѣгаетъ время,
 Мѣняются, быстро исчезаютъ царства жи;
 Только твое небесное царство остаеся вѣчно неизмѣннымъ,
 И слово твоихъ пророковъ не замолкнетъ никогда!
 Сіяніе Божества украшаетъ тебя, какъ столицу,
 И поэтому благо тѣмъ, кто почитаетъ въ твоей землѣ!
 И десятикратно благо тому, кто, согрѣтый огнемъ надежды,
 Полный вѣры, ждетъ дня,
 Когда священная цѣль достигнется. О, чудное чувство!
 Собственными глазами узрѣть твою красоту,
 Когда вновь заблеститъ твоя звѣзда, и вновь и лучезарнѣе, тѣмъ прежде,
 Загорится твоя утренняя заря!
 Какъ пышно расцвѣтетъ счастье, столь горячо желанное,
 Для всѣхъ избранныхъ, какъ будутъ они ликовать въ тотъ день,
 Когда Сіонъ снова возстанетъ въ блескѣ своей молодости!

Глубокое томленіе по странѣ отцовъ, нашедшее себѣ такое пламенное
 выраженіе въ этой Сіонской одѣ, перешло съ теченіемъ времени, по жѣрѣ
 того, какъ жизнь поэта все больше и больше омрачалась, въ созрѣвшее
 рѣшеніе отправиться въ Палестину. Іегуда Галеви, заваленный практикой

врачъ, высокоотинный учитель его народа, оставилъ родину, единственную любимую дочь, вѣрныхъ друзей, напрасно старавшихся отговорить его отъ этого, и пустился въ странствіе, откуда ему уже не суждено было возвратиться. Только одна часть его пѣсенъ даетъ намъ свѣдѣнія объ этомъ странствіи; онѣ—самое совершенное, что только создано этии поэтомъ. Когда читаешь ихъ, кажется, что его муза тѣмъ шире и могущественнѣе распускала свои крылья, чѣмъ ближе подвигался онъ къ цѣли своего набожнаго и романтическаго стремленія. А достигнута эта цѣль—онъ умолкаетъ; поэтическая легенда представляетъ его испускающимъ послѣднее дыханье подъ копытомъ сарацинскаго коня у воротъ Іерусалима, въ минуту, какъ онъ только что спѣлъ свою Сіонскую пѣсню при видѣ священнаго города!

Но историческая критика отрицаетъ и эту прекрасную смерть, стараясь болѣе или менѣе искусными умозаключеніями доказать, что Іегуда достигъ цѣли своего путешествія, а затѣмъ, раздраженный представившимся ему несоотвѣтствіемъ между идеаломъ и дѣйствительностью и «отрезвленный развалинами», пустился въ обратный путь, во время котораго и умеръ. Надо сознаться, что въ основаніи легенды лежитъ болѣе правильное пониманіе этого характера, чѣмъ въ мнѣніи критики. «Его стремленіе осуществилось, задача его жизни была исполнена, и легенда, приведя его къ этой цѣли, представляетъ его нашедшимъ здѣсь и послѣднюю цѣль его существованія».

Какими трогательными звуками онъ преслѣдуетъ эту задачу въ своихъ странническихъ пѣсняхъ, какое потрясающее поэтическое выраженіе придаетъ онъ своимъ чувствамъ, какъ горячо отстаиваетъ онъ свое предпріятіе предъ благоразумными друзьями, предъ холодно-разсуждающими современниками—все это находимъ въ этихъ странническихъ (большую часть переведенныхъ на нѣмецкій языкъ) пѣсняхъ, основной характеръ которыхъ составляетъ, конечно, пламенная, неутолимая жажда поцѣловать прахъ земли отцовъ.

О, городъ міра, столь прекрасный въ твоемъ милостѣ величій,
 Съ далекаго заиача влечетъ меня къ тебѣ!
 Высоко вадимаются волны любви, когда вспоминаю я о быломъ времени,
 О храмѣ, нынѣ разрушенномъ, объ исчезнушемъ великолѣпнѣи!
 О, будь у меня орлиныя крылья, полетѣлъ бы я къ тебѣ,
 Чтобы моиы влажными щеками омочить твою землю!
 Меня влечетъ къ тебѣ, хотя вѣтъ уже твоего царя,

Хотя тамъ, гдѣ струился бальзамъ, теперь гниѣдятся змѣи.
О, если бы могъ я цѣловать твою землю, твою пыль,
Какъ медь сладкую для любящей души!:

На востокъ мое сердце, самъ я на границѣ запада,
Какъ можетъ меня радовать то, въ чемъ нѣкогда находилъ я удовольствіе?
Какъ исполнить мой обѣтъ, когда Сіонъ
Въ плѣну Эдома, а самъ я подъ ярмомъ араба?
Какъ ничтожны для меня всѣ богатства Испаніи, и какъ много значить
мнѣ

Урѣкъ крахъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ возманился драмъ!.

Такъ переходитъ съ мѣста на мѣсто этотъ набожный странникъ, всюду радостно и гостепрѣимно прѣвѣтствуемый, всюду встрѣчающій просьбы остаться и всегда отвѣчающій на нихъ отказомъ, преодолевая опасности, спасаясь отъ бурь и неутомимо подвигаясь все впередъ и впередъ, къ золотой цѣли своихъ завѣтныхъ стремленій. Дѣйствительно-ли онъ пережилъ ужасную бурю на морѣ, или предугадалъ ее своею поэтическою душою въ ярко-звѣздную ночь на открытомъ морѣ—во всякомъ случаѣ его стихотвореніе «Морская буря» есть гимнъ, поражающій смѣлымъ полетомъ фантазіи и увлекательною силою языка...

I.

Онъ—руководитель въ словѣ и дѣлѣ,
Вся небесныя наполнены Имъ,
И на безбрежную даль океана
Иливаетъ Онъ свою благодать.
Но человекъ бродитъ во тьмѣ,
И когда Богъ не направляетъ его шаги,
Онъ приноситъ жертвы живымъ образамъ,
И предметъ его заботъ—пустой призракъ.
А когда, покидая узкій материкъ,
Хочетъ онъ пуститься въ широкое море,
Какъ герой, ликуя, вступаетъ въ арену,—
Тогда его вина ведетъ его на ложный путь.
Къ вечеру кидаетъ онъ якорь, и къ утру снова плыветъ,
И тутъ замѣчаетъ, что человѣческая сила и человѣческій расчетъ.
Не могутъ опредѣлить минуту прѣзда и минуту отъзда.
Тутъ приходитъ раскаяніе и пониманіе
Въ трепещущую душу,
И изъ обремененнаго сердца

Вылетает горькій крикъ скорби:
Куда могу я обратиться отъ Твоего Духа,
Куда убѣгу отъ лица Твоего?

II.

Ревутъ и катятся волны
Съ измѣняющеюся мощью по необоримой равнинѣ.
Небо темнѣетъ,
Плывутъ воды,
И, вылетая изъ бездны,
Валы разбиваются другъ о друга.
Кипѣнье и свистъ,
Шипѣнье и вой,
И никакая сила не одолѣетъ
Громадныя массы.
Вѣшено сталкиваются онѣ,
И здѣсь образуются пучины, тамъ встаютъ горы.
Слабый корабль
Кидается то вверхъ, то внизъ.
Глазъ мой ищетъ спасителей—
Гдѣ они?
И тутъ сердце мое обращается къ Нему,
Который провелъ Израиля черезъ море;
Я зываю къ Богу, но боюсь,
Что за грѣхи мои
Молитва моя не будетъ угодна Ему.

III.

И снова реветъ море,
Восточный вѣтеръ ломитъ мачты,
Ночь шатается,
Киль дрожить,
Подобно усталымъ крыльямъ повисли паруса,
И изъ холодныхъ пучинъ
Вылетаетъ съ шумомъ кипящая пѣна.
Тутъ отчаяніе овладѣваетъ сердцами,
И бѣшено накидываются они на матросовъ.
Гдѣ же ваша сила?
Ты, жалкій капитанъ,
Ты, безпомощный кормщикъ,
Вы, негодные гребцы,
Вы, слѣпые сторожа?

Точно пьяный сметает вань корабли по волнамъ
И выкидываетъ изъ себя людей,
Какъ негодныя вещи.

Левизанъ

Съзнаетъ, какъ женихъ,
Гостей къ себѣ на свадебный пиръ.
Жадною рукой
Охватываетъ океанъ свою добычу,
И нѣтъ никакого спасенья,
И нѣтъ никакого убѣжища!

IV.

Я же возвожу свои глаза
Къ Тебѣ, о, Господи,
И молюсь Тебѣ
Съ благоговѣнiемъ.
И когда мое сердце дрожить
И трепещетъ въ глубокой тревогѣ,
Тогда прибѣгаю я къ Тебѣ,
Какъ Иона, сынъ Амитая,
И вспоминаю о вѣчномъ тростникѣ,
И пою радостную пѣсню
О чудесахъ на берегу Иордана.

И тутъ расширяется мое сердце,
Будто наполнившись воздухомъ Эдема,
Ибо благъ Господь,
Онъ превращаетъ горькое страданье въ веселье
И измѣняетъ свой гнѣвъ въ милость.
Да, съ надеждойзираю я на Него,
Укрощающаго дикiя моря,
Иливающаго солнечныя лучи
И ниспосылающаго вѣтры
На свою землю
Въ вѣчномъ порядкѣ.

V.

Онъ отвратилъ Свой гнѣвъ
Отъ неизменно рожденнаго
И освободилъ душу отъ погибели.
Съ небесныхъ высотъ изливается миръ
На пучины.
Смокаетъ вой бури,

И точно превращенное въ масло,
 Мирно течетъ гнѣвное море.
 Страхъ уходитъ,
 Тревога улеглась.

И ангельскіе голоса съ вышины
 Возвѣщаютъ отчаявшимся
 Избавленіе!

О, если бы и Израилю,
 Тяжело удрученному,
 На которомъ лежитъ рука врага,
 Который вѣчно перебрасывается съ мѣста на мѣсто,
 Подобно кораблю въ бурю,—

О, если бы и Израилю
 Снова услышать радостную вѣсть:

Пробудитесь, пробудитесь
 Изъ мрачной тьмы
 Вы, дѣти вѣрности!
 Богъ силы и славы
 Возвращается,
 Чтобы снова озарить васъ Своимъ свѣтомъ!..

Если на рѣшеніе Іегуды отправиться въ Палестину и подѣйствовали, быть можетъ, историческія событія, и между ними прежде всего вѣсть о страшномъ опустошеніи, которому крестоносцы въ ту пору подвергали Св. Землю,—то во всякомъ случаѣ онъ представляется совершенно одинокимъ явленіемъ въ ту пору, хотя и всѣ другіе поэты выражали въ своихъ стихахъ такое же стремленіе увидѣть страну отцовъ и такую же скорбь о мукахъ изгнанія. И въ нихъ, не смотря на чисто-научное направленіе ихъ дѣятельности, живетъ та же любовь къ ихъ народу, любовь, которая въ дни гоненій, начавшихся теперь какъ въ мусульманской, такъ и въ христіанской Испаніи, конечно, усиливалась и заставляла ихъ говорить въ защиту своей религіи. Поэтому они уже не ограничивались поэтическими сѣтованіями, а старались, насколько это было для нихъ возможно, отстаивать религію научными доводами и ими отражать нападенія христіанъ и арабовъ, главнымъ же образомъ—нагометанскихъ философовъ. И передовое мѣсто между этими мыслителями занимаетъ все тотъ же Іегуда Галеви, причемъ характеристично, какъ его мыслительная дѣятельность и поэтическое творчество гармонически дополняютъ другъ друга. Первая проникаетъ въ его поэтическія воззрѣнія и расширяетъ ихъ, второе просвѣтляетъ и очищаетъ его мышленіе. Книга «Kitâb al-Chuggah w' al-dalil fi Nus-

rah Din addsalī) * (Книга аргументаціи и демонстраціи для защиты угнетенной религіи, по еврейски «Kusari», «Al-Chazari») — важнѣйшій памятникъ его философскаго мировоззрѣнія. Не о какой нибудь сдѣлкѣ или примиреніи между двумя враждебными силами заботится онъ; его главная забота—прочно оградить религію отъ нападеній философіи. Іегуда Галеви хотѣлъ сдѣлать религію самостоятельною и поставить ее надъ философіей, какъ самодержавную властительницу. Онъ доказалъ, что богословіе вполне можетъ обходиться безъ помощи спекулятивныхъ выводовъ и идти къ своей цѣли совершенно одно. Въ этомъ и заключается въ сущности значеніе выраженнаго имъ въ книгѣ «Al-Chazari» мировоззрѣнія, которое такимъ образомъ не идетъ критическимъ путемъ Табири, но скорѣе предпочитаетъ набожную дорогу Бахи.

Цѣлью своего, написаннаго по арабски конечно, сочиненія онъ самъ выставляетъ опроверженіе направленныхъ со всѣхъ сторонъ на еврейскую религію обвиненій и упрековъ. Форма книги диалогическая и имѣетъ историческую подкладку. Царь хазаровъ—народа, о которомъ мы уже говорили по поводу письма *Хасданъ ибнъ Шапрута*,—хочетъ убѣдиться въ справедливости видѣннаго имъ сна, который показалъ ему, что Богу угодны не его мысли, а его дѣла. Онъ обращается для этого къ философу, мировоззрѣніе котораго, какъ-то ученіе о несозданности міра, о законченности человѣка посредствомъ мыслительной дѣятельности и о томъ, что Богъ слишкомъ возвышенъ для того, чтобы имѣть специальное (о каждомъ человѣкѣ въ отдѣльности) провидѣніе—рѣшительно противорѣчить всему тому, что съ нимъ приключилось. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ спрашиваетъ христіанина и араба; но и изъ ихъ воззрѣній, при радостномъ сознаніи всемірно-исторической миссіи христіанства, можетъ онъ почерпнуть только одно, въ чемъ тотъ и другой соглашаются—именно подтвержденіе этихъ воззрѣній изъ исторіи Израиля. На этомъ-то историческомъ фундаментѣ строить свою систему еврей, къ которому въ заключеніе обращается царь. Только это историческое основаніе, а не философская спекулятивность служить у него важнѣйшимъ аргументомъ для идеи о Богѣ, и поэтому только еврейскій законъ обязателенъ для народа, который можетъ предъявить такое историческое прошедшее. Этотъ законъ представляется непосредственнымъ выраженіемъ божественной воли, чистое пониманіе которой составляетъ одну изъ прекраснѣйшихъ

* Чит. *fi nusrat al-din al-dsalil*.

сторонѣ въ мировоззрѣніи Іегуды Галеви. Послѣ того какъ въ первомъ отдѣлѣ изложены въ краткомъ очеркѣ религиозныя системы и еврей занялъ свое положеніе относительно философіи, во второмъ слѣдуетъ обращеніе хазарскаго царя. Еврейскій «учитель» становится, конечно, его руководителемъ и обсуждаетъ съ нимъ всѣ отдѣльныя подробности своей религиозной системы. Сперва — бесѣда объ атрибутахъ божества. Слѣдуетъ разсужденіе о Палестинѣ, которая между странами занимаетъ такое же положеніе, какое указано еврею между народами. Законы, связанныя со Св. Землею и существованіемъ храма, главнымъ образомъ жертвенный культъ, понимаются символически, какъ эмблема чело-вѣческаго тѣла. Въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ взглядовъ мыслитель подпадаетъ влиянію поэта; на Израиля смотритъ онъ, какъ на сердце чело-вѣчества, и его страданія суть только средство къ исцѣленію этого больного сердца, которому осталось черпать надежду и утѣшеніе исклю-чительно изъ ученія о Богѣ. Столпами этого ученія признаются созданіе міра и исходъ изъ Египта, въ которыхъ проявилось непосредственное участіе Бога въ судьбахъ своего народа. Отсюда истекаетъ для Израиля обязанность — исполнять законъ во всѣхъ его частяхъ, какъ дѣлали это его предки, нѣкогда стоявшіе на высотѣ науки и доведеніе до значительнаго процвѣтанія еврейскій языкъ, на которомъ написанъ этотъ законъ. Интереснымъ разсужденіемъ о преимуществахъ еврейскаго языка оканчи-вается второй отдѣлъ, за которымъ въ третьемъ слѣдуетъ подробная си-стематизація этого закона по всѣмъ его развѣтвленіямъ. Естественнымъ образомъ присоединяется сюда полемика противъ каранновъ, которые вѣдъ отrekliсь отъ объясняющей законъ традиціи, а теперь принялись пропа-гандировать свои идеи также и въ Испаніи. Третій отдѣлъ заключается поученіемъ на счетъ отвергнутой караннами традиціи. Въ четвертомъ — по-дробное изслѣдованіе объ имени Бога, и здѣсь Іегуда Галеви подвергаетъ эту высочайшую истину вѣрн философскому обсужденію и приходитъ къ резуль-тату, что божественное всемогущество, выраженное въ переданномъ только Израиллю истинномъ имени Бога, есть самое значительное характеристиче-ское отличіе еврейской идеи божества. Что этотъ результатъ снова воз-вращаетъ изслѣдователя съ высотъ его философствованія къ любимой его идее — значенію Палестины и Израиля въ чело-вѣчествѣ, — это понятно. И точно также понятно, что дальнѣйшее развитіе этой идеи, въ связи съ именемъ Бога и Его атрибутами приводитъ Іегуду Галеви къ выводамъ, на которые впоследствии могла опереться воскресшая каббала, чтобы ве-

ликимъ авторитетомъ санкціонировать свои мистическія теоріи о заключающихся въ этомъ тетраграмматонѣ числовыхъ символахъ. Хотя «учитель» высказывается противъ эманационнаго ученія греческой философіи, но онъ признаетъ его въ той формѣ, которую придаю этой доктринѣ пнеагорейцевъ еврейское мистическое ученіе въ книгѣ «Lezirah», находя и со своей стороны, что числа и буквы—суть истоки божественной истины. Эманационное ученіе приводитъ въ пятомъ отдѣлѣ книги къ изложенію философскихъ системъ, господствовавшихъ въ то время, такъ какъ царственному ученику надо было приобрести себѣ такіа свѣдѣнія диалектическимъ путемъ, чтобы наглядно придти къ полному убѣжденію въ божественныхъ истинахъ. Тутъ «учитель» излагаетъ крупными чертами схоластическую философію на Аристотелевскомъ фундаментѣ физики, метафизики и психологіи и старается опровергнуть теоріи какъ этого ученія, такъ и другихъ греческихъ и арабскихъ философовъ того времени. Только послѣ того, какъ «учитель» доказалъ своему ученику всю несостоятельность враждебныхъ системъ и окончательно укрѣпилъ его въ вѣрѣ отцовъ—только послѣ того рѣшается онъ оставить его и отправиться въ «сердце странъ» (Палестину). Напрасно старается царь отговорить его, онъ остается непоколебимымъ, и тогда властитель отнусааетъ его со словами: «Вижу, что удерживать тебя было бы грѣхомъ, и что, напротивъ того, моя обязанность — содѣйствовать твоему намѣренію. Да поможетъ тебѣ Богъ и ниспослетъ всякое счастье! Да освѣтитъ Онъ Своєю благодатью и Своимъ милосердіемъ тебя, какъ всѣхъ, раздѣляющихъ твой чистый образъ мыслей! Ступай съ миромъ!»

Учитель этотъ—самъ Іегуда Галеви. Написавъ этотъ эпилогъ къ своему сочиненію, онъ взялъ страннической посохъ и пошелъ въ Палестину. Его поэтическое творчество и мышленіе были нераздѣльны и истекали изъ его чистаго сердца. Философъ выходитъ изъ своего внутренняго міра въ міръ внѣшній, поэтъ—изъ внѣшняго въ свой внутренній, и затѣмъ передаетъ его поэтически очищенными образами. Таковъ былъ Іегуда Галеви, и изъ этого источника слѣдуетъ выводить его теозофическую систему.

Много было говорено объ источникахъ и вліяніяхъ, обнаруживаемыхъ сочиненіемъ Галеви. Однимъ новымъ исследователемъ положительно доказано вліяніе здѣсь арабскаго философа *Аль-Газзали*, который и въ арабской философіи своимъ «Опроверженіемъ философовъ» впервые установилъ границу между спекулятивностью и богословіемъ, и которому Іегуда Галеви слѣдуетъ въ своей борьбѣ противъ высокоумѣрной философіи и ея

притязаній на оцѣку надъ религіей. Но и вліянія христіанства и его міровоззрѣнія тоже, быть можетъ, не остались совсѣмъ чужды нашему мыслителю. Въ романтическомъ направленіи его идей нельзя не признать легкаго отголоска того образа мыслей, который составлялъ идеаль средневѣковой церкви и долженъ былъ представлять особенную прелесть для поэтически настроенныхъ, проникнутыхъ потребностью болѣе глубокаго чувства натуръ, такъ какъ исходною точкою его было — «на все единичное, отдѣльное, изливать все богатство, индивидуальное и освятельное чтить въ то же время и какъ высшее, принимать къ нему съ самою искреннею задушевностью и распространять по немъ весь блескъ божественнаго» *.

Но корень всего мышленія и поэтическаго творчества Галеви твердо лежалъ въ еврействѣ, къ которому онъ относился съ горячею любовью, которому онъ отдавалъ всю свою жизнь и всѣ свои привязанности. Такии образомъ Іегуда Галеви сталъ образцомъ для благородныхъ своего племени, и библейскій стихъ «берегись не покидать *левита!*» сдѣлался равнозначущимъ завѣту чтить память поэта, который стравѣ предковъ снова возвратилъ любовь ея народа и на священномъ языкѣ пѣлъ хвалу Господа и славу Сіона. Полное значеніе его такъ опредѣлилъ одинъ позднѣйшій писатель въ поэтическомъ отзывѣ:

„Пѣсня, которую спѣлъ левитъ *Іегуда*, засіала роскошною діадемою на головѣ общины, обвилась жемчужнымъ ожерельемъ вокругъ ея шеи. Онъ — столбъ и краса храма пѣснопѣнія, обрѣтающійся въ домѣ науки, всемогущій, метатель копья пѣсни, повергнувшій ницъ великановъ пѣснопѣческаго міра, ихъ побѣдитель и укротитель. Его пѣсни отымаютъ охоту творить у другихъ мудрыхъ; предъ ними почти исчезаютъ сила и блескъ Ассафа и Іегутуна, и пѣнье Корахидовъ кажется при нихъ слишкомъ длиннымъ. Онъ проникнулъ въ сокровищницу поэтическаго искусства и взялъ его въ добычу, и унесъ великолѣпнѣйшіе сосуды, и выйдя, затворилъ за собою дверь такъ, чтобы никто больше не входилъ туда. И тѣмъ, которые слѣдовали за нимъ, стремясь усвоить себѣ искусство его пѣснопѣнія, не удавалось достигнуть даже пыли его побѣдной колесницы. Всѣ пѣвцы имѣютъ въ своихъ устахъ его слова и пѣлуютъ слѣды его ногъ. Ибо въ его художественной рѣчи обнаруживаются сила и прелесть его языка. Своими молитвами увлекаетъ онъ сердца, побѣждая ихъ; въ своихъ любовныхъ пѣснахъ онъ освѣжаетъ, какъ роса, и жжетъ, какъ горящій

* Изложеніе доктрины Іегуды Галеви и его аргументація въ „Хазарской книгѣ“ говорятъ скорѣе въ пользу того положенія, что его система есть результатъ подувѣковаго самостоятельнаго размышленія, согрѣтаго глубокимъ чувствомъ пылкой души поэта и горячимъ сердцемъ безавѣтнаго еврейскаго патриота.

уголь; въ элегіяхъ заставляетъ течь цѣлыя рѣки слезъ, а въ письмахъ и другихъ сочиненіяхъ заключается вся поэзія“.

Народная легенда съ особенною любовью соединяетъ въ тѣсный союзъ свои любимыя личности, и такимъ образомъ связь между Іегудой Галеви и его современникомъ *Авраамомъ б. Меиромъ ибнъ Эзрой* (ок. 1092—1167 г.) есть только порожденіе поэтической народной фантазіи. Она вводитъ Ибнъ Эзру, переодѣтаго нищимъ, въ гостепріимный домъ знаменитаго поэта, но тутъ его скоро узнаютъ, благодаря его поэтическому дарованію, а чрезъ нѣсколько времени онъ женится на единственной и любимой дочери хозяина.

Ибнъ Эзра—одно изъ оригинальнѣйшихъ явленій того культурнаго періода. Образованность его времени была вполне воспринята имъ и переработана съ присущимъ ему талантомъ. Въ этомъ писателѣ, отличающемся здоровою силою и блестящимъ умомъ, мы видимъ очень странный фактъ: тутъ впервые находятъ себѣ выраженіе разладъ между мышленіемъ и вѣрой. Двѣ натуры борются между собой въ его груди: одна влечетъ и его «къ областямъ блаженныхъ предковъ», другая—въ сферы трезваго мышленія. Достигшая своей высоты, образованность начинаетъ уже переходить въ размышленіе, и это размышленіе есть основной характеръ того, что творилъ Ибнъ Эзра.

Поэтому изъ его трудовъ мы не выносимъ цѣльнаго и гармоническаго впечатлѣнія. Напротивъ того, о какой бы то ни было гармоніи и рѣчи нѣтъ во всей поэтической производительности этого человѣка. Сегодня Ибнъ Эзра строго набоженъ, завтра онъ снова свободномыслящій критикъ; здѣсь онъ серьезенъ, даже подавленъ униженнымъ смиреніемъ, тамъ остроуменъ и сатириченъ; то втягиваетъ его въ свою область поэзіи синагоги, то занимаютъ его важныя математическія проблемы; только изслѣдованію библии посвящаетъ онъ неизмѣнно и непрерывно свои силы и свой интересъ. Здѣсь-то поэтому и заключается его главное значеніе. И этой литературной дѣятельности соотвѣтствуетъ жизнь Ибнъ Эзры, если первая вообще не имѣетъ источника во второй. Онъ — литературная перелетная птица, проводящая половину своей жизни въ странствіяхъ. Странствованіе это, повидимому, не имѣло опредѣленнаго плана; но цѣль была, конечно, у него,—и если не все, что мы знаемъ о немъ, ложно, то онъ достигъ ея тѣмъ, что единовѣрцы его во всѣхъ странахъ, черезъ которыя проходилъ онъ, слѣдовательно, главнымъ образомъ, во Франціи, Италиіи и Англии,

познакомились чрез его посредство съ движеніемъ свободнаго духа въ новой культурѣ Испаніи и начали принимать участіе въ научныхъ стремленіяхъ его родины.

Тяжелыя испытанія, заставившія его уйти изъ отечества и не пощадившія также на чужбинѣ, кинули, конечно, особый свѣтъ на его поэтическое творчество. Въ религиозныхъ пѣсняхъ его—ихъ насытивается около ста пятидесяти—обнаруживается весьма часто пронасть, лежащая между піютомъ и классическимъ стилемъ. Благодаря обработкѣ и распространенію Ибнъ Эзрою этого послѣдняго, онъ сдѣлался герольдомъ и учителемъ романскихъ странъ, для которыхъ его глубокой умъ и нравственная строгость должны были возмѣщать телую задушевность и поэтическое богатство. Сочиненія его, метрическая форма которыхъ тщательно обработана, не столько молитвы, сколько мысли о назначеніи человѣка и ходѣ земной жизни. «Это высказанныя въ стихахъ размышленія, уроки мудрости или энергическія увѣщанія и напоминанія, съ какими мудрецъ обращается къ своему ученику; тутъ нѣтъ изліанія тѣхъ волнующихъ душу религиозныхъ ощущеній, которыя раздражаются задушевною молитвою. Порывистое выраженіе сильнаго чувства въ вдохновенномъ гимнѣ, благородное величіе стремящейся къ высочайшему и потому достигающей высочайшаго поэзіи»—все это не имѣетъ мѣста въ религиозныхъ стихотвореніяхъ Ибнъ Эзры, которыя скорѣе поражаютъ насъ «молніеноснымъ блескомъ молніи», чѣмъ «созданіемъ фантазіи». Одно изъ самыхъ извѣстныхъ между этими стихотвореніями то, которое поэтически изображаетъ постепенный ходъ человѣческаго возраста—любимый мотивъ въ средневѣковой еврейской литературѣ*—и по своей назидательной тенденціи занимаетъ средину между его религиозными стихами и свѣтскими, собранными въ найденномъ только недавно, но еще неизданномъ его «Диванѣ»**. Этотъ «Диванъ» заключаетъ въ себѣ много гимновъ, философскихъ разсужденій, сѣтованій о гибели царства и о гоненіяхъ, похоронныя пѣсни, но тутъ же и пѣсни любовныя, загадки, шутки. Тамъ же находится, вѣроятно, и слѣдующее стихотвореніе:

„Пусть помнитъ сынъ земли,
 Что онъ сдѣлается добычею праха!
 На *пяти* годѣ хорошо живется ребенку:
 Свои дни онъ проводитъ такъ кротко и безмятежно,

* Этотъ мотивъ раньше Ибнъ-Эзры обработалъ Ибнъ-Нагдилла; см. выше, стр. 413. Ред.

** Изданъ въ 1886 году д-ромъ Эгерсомъ въ Берлинѣ. Ред.

Прижимался въ милой матери,
 Весело началъ въ объятьяхъ отца!
 О, не набрасывайтесь на *десятилетия*
 Съ уроками нравственности, холодными, разумными;
 Достаточно еще придется ему дрессировать себя въ жизни,—
 Теперь пусть возвышаетъ его только кротость душевная!
 Когда достигъ онъ *двадцати* лѣтъ,
 Тогда можно сравнить его съ оленемъ;
 Онъ кидается въ жизнь съ дикою порывистостью,
 И слишкомъ скоро ловить его въ свои сѣти—*любовь!*
 Минетъ *тридцать* лѣтъ—
 Онъ беретъ жену, и кончена его свобода;
 Начинается борьба съ жизнью,
 Ибо жена и дѣти хотятъ жить!
 Но вотъ прошло *сорокъ* лѣтъ.
 Насладился-ли онъ жизнью, или нѣтъ,
 Онъ съ презрѣньемъ относится къ призрачной сторонѣ ея
 И идетъ своимъ путемъ одинъ.
 Въ *пятьдесятъ* лѣтъ вѣсы начинаютъ клониться;
 Приближаются печальные дни,
 Очарованіе постепенно умираетъ,
 Его раздражаетъ веселье легкомыслія.
 Что дѣлаетъ человекъ въ *шестьдесятъ* лѣтъ?
 Онъ уже не уклоняется отъ опасностей;
 Силы, едва оставшіяся у него—
 Ахъ, какъ онъ мало-по-малу разрушаются!
 Но когда онъ достигнулъ *семидесяти*,
 Какъ все отворачивается отъ него!
 Покинутый, безмолвно плетется онъ къ могилѣ,
 Бременемъ самому себѣ и—своему посоху.
 А когда зовутъ къ отдыху *восемьдесятъ*,
 Онъ уже бремя для своихъ дѣтей;
 Чувства выбились изъ своей колеи,
 И горькій вкусъ имѣютъ нища и цѣтѣ.
 И если суждено ему тащиться еще дальше,
 Онъ похожъ на мертвеца...
 Поэтому благо тому, кто живетъ на землѣ, какъ чужой,
 Заботясь только о спасеніи души своей!
 Пусть всегда помнить сынъ земли,
 Что онъ сдѣлается добычей праха!

Странствованія Ибнъ Эзри тоже доставили ему поэтический матеріалъ.
 Остроумно характеризуетъ онъ различные народы по ихъ пѣснямъ:

Пѣсенка въ устахъ араба
 Воспѣваетъ милый союзъ сладкой любви;
 Эдомъ поетъ только о битвахъ и войнахъ,
 Кровавыхъ геройскихъ подвигахъ, мщеніяхъ;
 Остроуміемъ и умомъ богата муза Элады;
 Загадка—созданіе индійца;
 Но пѣсни, звучація во славу Бога,
 Способенъ пѣть только Израиль.

Не смотря на жестокія испытанія и лишенія, отъ которыхъ страдалъ Ибнъ Эзра въ своей кочевой жизни, его до глубокой старости не покидало свѣтлое и веселое настроеніе, точно также какъ и склонность къ сатиры. Грустный, умиротворяющій юморъ звучитъ въ слѣдующемъ поэтическомъ признаніи:

Небесныя сферы, сонмы звѣздъ
 Составили заговоръ противъ меня—и тогда я родился!
 Оттого и не удается мнѣ, за что бы я ни принялся.
 Еслибъ я захотѣлъ торговать свѣчами,—вѣчно свѣтило бы солнце!
 Сталь бы я продавать саваны—никто не умиралъ бы!
 Стучу я въ двери князя: „Сейчасъ уѣзжаетъ изъ дому!“
 Прихожу снова вечеромъ: „Только что начали одѣваться!“
 И мнѣ, бѣдѣвшему, остается уйти, и по прежнему не разставаться съ
 моими страданіями!

Многія грамматическія загадки Ибнъ Эзры часто ставили втушки занимавшихся преимущественно этою формою поэзій. Напротивъ того, многія изъ приписывающихся ему стихотвореній шахматнаго содержанія, вѣроятно,—работа позднѣйшихъ писателей, которые хотѣли скрасить ее знаменитыцъ именемъ. Но главное значеніе Ибнъ Эзры для его времени и его литературы вообще заключается въ его научныхъ трудахъ по части библейской экзегетики и еврейской грамматики. Правда, что тридцатилѣтняя странническая жизнь положила на эти созданія печать колебанія то въ ту, то въ другую сторону, какой-то умственной торопливости, странности, но именно, вслѣдствіе этой странности поразительныхъ противорѣчій и благодаря блестящему остроумію и свѣтлому уму автора, они приковываютъ вниманіе читателей. Все, что рассказывалъ «страннамъ Эдома» о еврейской грамматикѣ этотъ странникъ-учитель, онъ, называвшій своею родиною Кордову, гдѣ языкованіе процвѣтало непоконъ вѣка, гдѣ работали Ибнъ Ганнахъ, Ибнъ Нагдила и Ибнъ Гикатилиа — все это, конечно, представлялось его слушателямъ какимъ-то новымъ откровеніемъ.

Единственное свѣдѣніе, какое они имѣли объ этой наукѣ, было сообщено имъ только еврейскимъ переводомъ сочиненій Іегуды Хайюга, который былъ сдѣланъ вышеупомянутымъ Гикатиліею для незнакомыхъ съ испанскимъ языкомъ * единовѣрцевъ его. И вотъ тутъ-то явился къ нимъ Ибнъ Эзра и познакомилъ ихъ съ дальнѣйшими успѣхами, сдѣланными еврейскою филологіей; такимъ образомъ, на его грамматическіе труды слѣдуетъ смотрѣть прежде всего какъ на учебники, которые не обнаруживали почти никакого притязанія пролагать пути новому развитію науки, но имѣли главною цѣлью доставить евреямъ внѣ Испаніи возможность узнать и понять ту грамматическую систему, которая была создана учеными испанской школы. Они — первые грамматическіе труды въ этомъ родѣ, и ими сообщено много цѣнныхъ свѣдѣній слушателямъ, собравшимся вокругъ своего иноземнаго гостя. Первымъ и значительнѣйшимъ между этими сочиненіями было «Sefer Mosajim» (Книга Вѣсовъ), написанное Ибнъ Эзрою въ Римѣ; это — родъ ученія о формахъ еврейской грамматики, въ введеніи къ которому находится сверхъ того важный историческій обзоръ трудовъ грамматиковъ стараго времени. Къ той же цѣли были направлены и его послѣдующія работы — новый переводъ обоихъ грамматическихъ сочиненій Хайюга, написанныя въ Луккѣ два сочиненія: «Sefath Jether» (Языкъ Чистоты) **, апологія Саадіи въ защиту отъ злыхъ нападеній на него воинственнаго Дунаша б. Лабрата, и «Sefer Hajjesod» (Книга Тайны) ***, которое и есть собственно грамматика; затѣмъ, сочиненная въ Мантуѣ «Sefer Zscheth» (Книга Чистоты), которую можно считать его главнымъ филологическимъ трудомъ и путеводителемъ въ болѣе глубокомъ изученіи библейскаго языка; оконченная въ Безьерѣ «Sefer Haschem» (Книга Божьяго имени); начатая въ Римѣ «Safah begurah» (Чистый Языкъ); наконецъ, много небольшихъ монографій по этой же области знанія, соединяющихъ въ себѣ всѣ достоинства и недостатки этого писателя — отрывочность въ манерѣ мыслить и писать, ясный взглядъ на отрасль науки, гдѣ онъ полный господинъ, и рѣдкую проницательность.

Извѣстно также одно религіозно-философское сочиненіе Ибнъ Эзры —

* Описка автора, должно быть: *съ арабскимъ языкомъ.*

Ред.

** Собственно: лишній языкъ (лишняя рѣчь); но уже давно дознаю, что въ этомъ заглавіи скрывается намекъ на 17 стихъ IV гл. I кн. Паралипом., гдѣ сказано: „Сынъ Эзры (бене Эзра) — Іетеръ“; слѣдовательно, Іетеръ тутъ не иное что какъ синонимъ Бене-Эзры.

Ред.

*** Чит. *Книга основанія.*

Ред.

«Jesod Morah» (Основаніе Богопочитанія), имѣющее тотъ же характеръ, что и все его творчество, ибо и здѣсь мы находимъ смѣлую пытливость и разлагающій умъ рядомъ съ полною безсистемностью и слѣпымъ суевѣріемъ, обнаруживающимъ особенную склонность къ астрологическимъ толкованіямъ и мистическимъ загадкамъ. Философское мировоззрѣніе его представляетъ смѣсь платоническихъ и неоплатоническихъ элементовъ съ мудростью Калама, но рѣдко возвышается до полной ясности принципа и до выраженія научнаго убѣжденія.

У себя на родинѣ Ибнъ Эзра былъ извѣстенъ только какъ астрономъ и математикъ. Къ страннымъ явленіямъ этой удивительной жизни принадлежитъ и то, что Ибнъ Эзра въ Испаніи не написалъ ни одного изъ своихъ грамматическихъ и экзегетическихъ сочиненій и уже пятидесятилѣтнимъ человѣкомъ, на чужбинѣ, обратился къ этого рода дѣятельности, гдѣ ему суждено было произвести столько замѣчательнаго еще и впоследствии, въ глубокой старости. Какъ математикъ, онъ опирается вполне на индѣйско-арабскую ариметику, числа которой замѣняетъ числами еврейскими. Его «Sefer Hamispar» (Книга Числа) есть арифметика, которая въ такомъ же порядкѣ, какой былъ принятъ у грековъ и арабовъ, излагаетъ элементы математическаго знанія, именно: умноженіе, дѣленіе, сложеніе, вычитаніе, дроби, пропорціи, корни, квадраты доказательства. Многія другія геометрическія и астрономическія сочиненія приписываются ему ошибочно. Математическіе труды его были уже спустя столѣтіе переведены на латинскій языкъ *Генрихомъ Батесомъ* и *Петрусомъ д'Албано*. И вліяніе его въ Италіи было въ ту пору такъ велико, что еще въ настоящее время мы видимъ его портретъ между знаменитыми математиками, изображенными на фрескахъ одной итальянской церкви. Подъ именемъ *Авраама Іудеуса*, впоследствии передѣланнаго въ *Авенаре* *, онъ проходилъ чрезъ всѣ средніе вѣка, вплоть до новаго времени.

Какъ выше сказано, Ибнъ Эзра было уже пятьдесятъ лѣтъ, когда появились его первые библейскіе комментаріи. Уже эти работы показываютъ его экзегетику на высшей ступени ея развитія; въ «Пѣснѣ Пѣсней» онъ либерально признаетъ основною мыслью томленіе любви, хотя въ заключеніе, по установленной традиціи, объясняетъ ее въ смыслѣ отношеній Израиля къ Богу. Эта же метода имѣетъ мѣсто во всѣхъ его комментаріяхъ

* *Авенаре* (Avenare) есть собственно искаженіе *Авеназре* (Avenazre) = Ибнъ Эзра.

къ Библии, изъ которыхъ комментаріи къ Пятикнижію и къ «Пяти Свѣткамъ» существуютъ въ двухъ редакціяхъ, тогда какъ къ первымъ пророкамъ ихъ вовсе нѣтъ, а остальные фальшиво украшены его именемъ.

Въ интересномъ введеніи къ Пятикнижію Ибнъ Эзра открыто высказывается на счетъ различныхъ способовъ толкованія Библии и затѣмъ излагаетъ программу своей экзегетики. «Прежде всего каждое слово должно быть надлежащимъ образомъ истолковано грамматически и потомъ объяснено, оставляя въ сторонѣ масоретскія объясненія, основанія которыхъ произвольны и годятся только для дѣтей, а равно и не обращая вниманія на сдѣланныя якобы повѣдѣйшими учеными исправленія соферимъ, — но за то принимая въ соображеніе таргумы, хотя они, правда, иногда отступаютъ отъ простаго объясненія, на что у нихъ были, конечно, свои основанія. Что же касается законодательной части Писанія, то здѣсь заслуживаетъ безусловнаго предпочтенія то толкованіе, которое согласно съ мнѣніемъ, согласнымъ съ преданіемъ, — ибо оно справедливо». Въ этомъ духѣ и въ этой области идетъ экзегетика Ибнъ Эзры. Кто хочетъ прослѣдить борьбу между разумомъ и вѣрою, между критикою и традиціею, начиная съ ея первыхъ источниковъ и проявленій, тотъ долженъ изучать эти комментаріи, въ которыхъ этотъ постоянный разладъ нашелъ себѣ характеристическое выраженіе. Ибнъ Эзра — первый, дѣйствительно критически отнесшійся къ Библии; немногія трудности ускользаютъ отъ него въ его странствіяхъ по библейскимъ книгамъ. При этомъ онъ и имѣетъ нужество сознаваться во встрѣчаемыхъ затрудненіяхъ и обращать на нихъ вниманіе читателей. Но тутъ свободомысліе оставляетъ его, и съ лаконическими замѣчаніями въ родѣ: «здѣсь заключается тайна», «это тайна двѣнадцати» (послѣднихъ стиховъ Пятикнижія), или «понимающій да молчитъ!» — онъ идетъ дальше, чтобы скоро послѣ того, по другому поводу и какъ бы въ искупленіе своего свободомыслія, излить гнѣвъ на прежнихъ критиковъ и другихъ иномыслящихъ, пускать ракеты своего ѣдкаго остроумія и торжественно настаивать на ненарушимости традиціоннаго толкованія Библии. Разсудительный и трезвый взглядъ соединялся у него съ безусловною вѣрою, проникательная и ясная экзегетика съ символизирующею мистикою, — и вотъ почему, какъ набожно вѣрующій, такъ и свободный мыслитель черпали назиданіе и побужденіе къ работѣ въ этихъ комментаріяхъ, которые передавали смыслъ библейскаго слова въ понятной формѣ и которыми Ибнъ Эзра придалъ совершенно научный характеръ

библейской экзегетики, оставившейся до тѣхъ поръ въ пренебреженіи для метафизическихъ мудрствованій.

Ибнъ Эзра служитъ характеристическимъ выраженіемъ современной ему эпохи въ ея колебаніяхъ и стремленіяхъ къ высшимъ цѣлямъ. Въ немъ является установившимся равновѣсіе между свѣтскимъ и религиознымъ образованіемъ, и всѣ тѣ духовные моменты, которые двигали его современниковъ, онъ разработалъ въ себѣ въ полной степени. Но высшаго сознанія онъ все-таки достигнуть не успѣлъ, и потому не удалось ему также примирить свой внутренній разладъ и уничтожить старую распрю, существовавшую между традиціею и разумомъ и, конечно, сильно волновавшую всѣхъ мыслящихъ между его современниками. Онъ былъ первый остроумный писатель въ еврейской литературѣ, умъ и проникательность не уступали въ немъ знанію и свободомыслію. Потому-то движеніе, сообщенное этимъ мыслителемъ духовной жизни своего народа, продолжало существовать въ этой послѣдней и послѣ него; оно оплодотворило и творчество Спиннозы, который откинулъ покровъ, лежавшій на критическихъ намекахъ и экзегетическихъ загадкахъ Ибнъ Эзры; оно же привлекло въ свою область послѣдующихъ изслѣдователей и учителей еврейскаго народа и открыло библейской экзегетикѣ новые пути, основателемъ которыхъ является Ибнъ Эзра, зтогъ, какъ его называетъ Спинноза, «*liberioris ingenii vir et non mediocris eruditionis*».

Тревожность и внутренняя разорванность одного изъ самыхъ независимыхъ умовъ того столѣтія, смѣсь суевѣрія и невѣрія, философіи и астрологій, поражающая въ сочиненіяхъ Ибнъ Эзры, были, конечно, господствующимъ явленіемъ всей этой эпохи. Всѣ мыслящіе стремились къ примиренію традиціи и философіи, послѣ того, какъ пропасть, раздѣляющая ихъ, сдѣлалась вполне очевидною. Этимъ стремленіемъ объясняется для насъ философія одного тогдашняго современника — *Авраама б. Давида Галеви* изъ Толедо (*Ибнъ Дауда*), который, какъ полагаютъ, умеръ мученическою смертію въ 1180 г. Ибнъ Даудъ не былъ изъ тѣхъ глубокихъ и оригинальныхъ мыслителей, которые обогащаютъ область метафизики новыми системами, но въ немъ находимъ мы основательнаго изслѣдователя, которому принадлежитъ заслуга проложенія дороги движенію, долженствовавшему найти себѣ полное развитіе въ дѣятельности одного изъ послѣдующихъ, болѣе выдающагося философа. Ибнъ Даудъ былъ собственно первымъ научнымъ представителемъ аристотелизма въ еврейской религиоз-

ной философіи,—аристотелизма, еще, правда, запруженнаго чужими идеями; онъ первый внесъ въ эту область порядокъ и дисциплину помощью занятаго у Аристотеля строгой систематики. И вотъ почему его, написанное по арабски, сочиненіе «Akida-Rafia» (переведенное на еврейскій языкъ подъ такимъ же заглавіемъ «Eimulah gamah», «Высшая Вѣра») представляетъ собою важную станцію на пути къ конечнымъ цѣлямъ философскаго познанія. Странная форма этого сочиненія, жесткій языкъ и тяжелое изложеніе—причиною того, что оно не пользовалось такою общеизвѣстностью, какая выпала на долю другихъ философскихъ трудовъ той эпохи; только новому времени было предоставлено снова возстановить значеніе этого серьезнаго мыслителя, поставившаго себѣ задачей доказать согласіе между разумомъ и Откровеніемъ относительно высшихъ проблемъ человѣческаго знанія. При этомъ онъ натурально исходитъ изъ предположенія, что Божественное Откровеніе не можетъ содержать въ себѣ ничего, противорѣчащаго разуму. Выше всѣхъ философовъ онъ цѣнитъ Аристотеля, а изъ еврейскихъ—Саадію; но онъ знаетъ также Платона, Гиппократъ, Галена, и изъ арабскихъ мыслителей—Алфароби, Алгаззали и Авиценну; этому послѣднему онъ слѣдуетъ въ своемъ ученіи объ атрибутахъ такъ близко, что трудъ его не безъ основанія называли «конспектомъ философіи Авиценны».

Ближайшимъ поводомъ къ сочиненію этой книги было изслѣдованіе о свободѣ воли; въ формѣ посланія къ другу онъ излагаетъ въ трехъ главахъ результатъ своихъ изслѣдованій, которыя естественно привели его прежде всего къ противоположности между матеріею и формой; эти понятія онъ объясняетъ совершенно въ духѣ школы Аристотеля и даже полемизируя противъ неоплатоническихъ идей Габироля. За его физикой идетъ его психологія, совершенно также, какъ у арабскихъ комментаторовъ Стагирита, причѣмъ, однако, онъ не слѣпо держится этого послѣдняго. Раздѣленіе душевныхъ силъ по видамъ сообразуется у него съ раздѣленіемъ живыхъ существъ на три категоріи: растений, животныхъ и людей. Въ основаніе психологическаго анализа человѣческой природы Ибнъ Даудъ кладетъ наблюденіе надъ различными царствами природы, которое само собою ведетъ его къ описанію «сенситивной души», пяти внѣшнихъ чувствъ и пяти душевныхъ силъ. Всѣ эти десять силъ служатъ волѣ; сенситивная душа имѣетъ еще сверхъ того двѣ двигающія силы—свободнаго перемѣщенія съ мѣста на мѣсто и дыханія, изъ которыхъ послѣдняя не дѣйствуетъ по своей волѣ. Исконное существованіе души Ибнъ Даудъ рѣшительно отри-

часть, и сообразно этому, вопреки значительным авторитетам, опровергает также учение о метаморфозѣ. Что небо и звѣзды принимаются отъ за «мысляція и чтущія божество существа», это понятво; если принять въ соображеніе связь его мировоззрѣнія съ мировоззрѣніемъ арабскихъ последователей Аристотеля. Надъ этими свѣтлыми, по представленію Ибнъ Дауда, существуетъ міръ дуковъ, первобытный разумъ, сонія ангеловъ, которые исполняютъ функціи посредствующихъ существъ между Богомъ и міромъ. Атрибуты Бога должны и могутъ быть только отрицательные; самымъ важнымъ изъ нихъ слѣдуетъ признавать существованіе, въ которомъ заключены всѣ остальные. Немного запутано мнѣніе Ибнъ Дауда объ ангелологии; оно, точно также какъ и колеблющееся между Платономъ и Аристотелемъ воззрѣніе его на созданіе вселенной, лишено той твердости, которою отличаются другіе его взгляды. Ангелы, при такомъ ходѣ мысли, естественно представляются ему также посредниками передачи человѣку божественныхъ видѣній, даже пророческаго дара вообще. На всѣхъ этихъ представленіяхъ о Богѣ и мірѣ онъ строитъ свое ученіе о произхожденіи зла, въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ, доказывая, что это зло возникаетъ только вслѣдствіе существованія въ вещахъ матеріальнаго начала, а никакъ не можетъ исходить отъ Бога, — равно какъ и ученіе о человѣческой свободѣ воли. Еврейство, — говоритъ онъ, — называло относительно своихъ законовъ награду и наказаніе; оно, стало быть, предполагаетъ существованіе свободы воли. И философія также согласна съ этимъ, ибо она признала, что совершенное знаніе Божіе обнимаетъ также твореніе со всѣми его проявленіями по настоящей ихъ сущности, но что рядомъ съ возможностью видною есть возможность дѣйствительная и что такимъ образомъ существуютъ въ подлунномъ мірѣ четыре категоріи причинъ — новояціяся въ первоначальномъ наизвѣнннн Бога, естественныя, случайныя и основанныя на человѣческомъ выборѣ. Такимъ объясненіемъ, по мнѣнію Ибнъ Дауда, разрѣшается проблема человѣческой воли въ религіозномъ и философскомъ смыслѣ. Затѣмъ онъ старается согласить съ современною философіею и этическую часть своего еврейскаго мировоззрѣнія, и это совершается въ третьемъ отдѣлѣ его сочиненія, гдѣ онъ очерчиваетъ инакъ практической философіи нравственнаго образа жизни и вслѣдъ за этимъ, примыкая къ Декалогу, даетъ самое наглядное разъясненіе достоинства и значенія обрядоваго закона. Если, какъ выше сказано, Авраамъ Ибнъ Даудъ и не былъ самостоятельнымъ мыслителемъ, у котораго мы могли бы отыскать какіе нибудь новые плодотворные зародыши философскаго познанія, то онъ

все-таки оказалъ своимъ изслѣдованіями значительное содѣйствіе еврейской религіозной философіи и проложилъ дорогу для послѣдовавшаго за нимъ, болѣе выдающагося ученаго, которому суждено было выполнить трудную задачу.

Но безъ успѣха пробовавъ свои силы Ибнъ Даудъ и на историческомъ поприщѣ, и его «*Sefer Hakabbalah*» (Книга Преданія) сдѣлалась извѣстною гораздо больше его религіозно-философскаго труда. Возобновившаяся борьба съ каррами въ Испаніи побудила его, для отпора имъ, представить въ историческомъ изложеніи цѣль преданія отъ времени Моисея до современныхъ дней. Сочиненіе это, правда, лишено критики; но оно имѣетъ историческое значеніе по отношенію къ двумъ послѣднимъ столѣтіямъ испанскаго періода, при изображеніи которыхъ онъ пользовался самостоятельными изслѣдованіями и важными источниками. Полемика его противъ каррамовъ, которыхъ онъ называетъ «вѣчными псами», очень рѣзка и иногда несправедлива; историческія же указанія его точны и надежны. Къ цѣли преданія онъ своеобразно присоединяетъ короткій очеркъ исторіи Рима отъ Ромула до вестготскаго царя Реккареда и исторію второго храма; но и тотъ, и другая полны ошибокъ и потому лишены достоинства, такъ какъ Авраамъ Ибнъ Даудъ находился здѣсь подъ вліяніемъ уже упомянутаго нами сказочнаго сочиненія арабскаго писателя Юеиннона.

Если Авраамъ Ибнъ Даудъ въ періодѣ процвѣтанія испанской литературы служитъ представителемъ преимущественно науки исторической, то въ его современникѣ *Веніаминъ б. Ионъ* изъ *Туделы* мы находимъ представителя науки географической, которая до того времени не была у евреевъ въ особомъ почетѣ и разрабатывалась очень мало. Между тѣмъ какъ естествознаніе, астрономія и географія математическая всегда находили себѣ между ними знатоковъ и дѣятелей, область землѣвѣднія находилась почти въ полномъ пренебреженіи. Подобно средневѣковымъ народамъ вообще, евреи тоже мало заботились о другихъ племенахъ и странахъ, и нѣсколько болѣе живой интересъ проявляли они только относительно двухъ направленій этой науки: еврейскаго, т. е. того, которое собирало и сообщало свѣдѣнія о Св. Землѣ или о мѣстахъ пребыванія разсѣяннаго Израиля, или прагматическаго, которое доставляло свѣдѣнія, полезныя для торговли и промышленности, а при этомъ служило и къ пріятному развлеченію читающей публики. Между тѣмъ въ Библии заключался образецъ и для этой отрасли знанія. «Тамъ, за 1500 л. до обыкновеннаго лѣтосчисленія, уже были даны три древнѣйшія формы географическихъ извѣстій, какія

сохранились до нашего времени—первая общая таблица народовъ, первая специальная карта земель, а въ перечисленіи станцій странствія изъ Египта—первый маршрутъ переселенія народовъ».

Путешествіе Веніамина изъ Туделы, длившееся около девяти лѣтъ (1166—1173 г.), имѣло обѣ вышеупомянутыя цѣли. За это время научно образованный купецъ посѣтилъ Испанію, южную Францію, Италію, Грецію, Родосъ, Кипръ, Сирію, Палестину, Халифатъ и Персію. Оттуда, черезъ индѣйско-арабское море и береговые города Йемена, онъ пустился въ обратный путь въ Египетъ, Сицилію и Кастилію. Это было въ 1173 г., къ которому относятъ и сочиненіе его путевого дневника.

Его *Itinerarium «Massaoth Benjamin»* (Путешествія Веніамина) важенъ для исторіи торговли и географіи, точно также, какъ и для еврейской исторіи и литературы. При описаніи всякаго города онъ указываетъ число живущихъ въ немъ евреевъ, говоритъ объ условіяхъ ихъ жизни, упоминаетъ ихъ учителей и представителей. На линіи отъ Барселоны до Багдада онъ называетъ 248 именъ, въ отдаленныхъ странахъ всего только 7. Его историческія и географическія показанія вполне подтвердились и потому сдѣлались надежнымъ научнымъ источникомъ, ставящимъ путевыя записки Веніамина изъ Туделы наряду съ извѣстнымъ сочиненіемъ Марко Поло. Но подобно этому послѣднему и родоначальнику географической науки, Веніаминъ тоже не остался свободнымъ отъ подозрѣнія въ неблагонадежности и поддѣлкѣ. Только разсудительная критика убѣдительно доказала справедливость сообщеній нашего путешественника, точно также какъ Геродота и Марко Поло, и въ вымыслахъ, которыми онъ иногда даетъ мѣсто въ своихъ описаніяхъ, обвинила не столько его, сколько его время, которое сочиняло такія сказки и требовало ихъ. Потребность въ освобожденіи была такъ сильна въ угнетенномъ еврейскомъ народѣ, что должна была проявляться всевозможными способами, и отыскиваніе Веніаминомъ слѣдовъ освобожденія имѣеть въ себѣ нѣчто трогательное. Помимо этого, его путевыя записки, написанныя на раввинско-еврейскомъ языкѣ, довольно сухи и безцвѣтны. Даже тогда, когда онъ видитъ городъ предковъ и вступаетъ въ Іерусалимъ, разсказъ его не становится болѣе оживленнымъ. Веніаминъ былъ собственно не ученый путешественникъ, а купецъ, вѣроятно, преслѣдовавшій торговыя цѣли, но въ то же время хотѣвшій ознакомиться и съ положеніемъ своихъ единовѣрцевъ, вслѣдствіе чего его описанія имѣютъ важность для исторіи какъ евреевъ, такъ и вообще народовъ средневѣковой эпохи.

Всѣ эти путешествія и стремленія, литературныя созданія и студія даютъ безпристрастному наблюдателю картину умственной жизни, которая подымалась въ двѣнадцатомъ столѣтїи культура испанскихъ евреевъ. Весь кругъ тогдашнихъ знаній былъ затронутъ и разработываемъ ею, преимущественно же три главныхъ науки: естествознаніе, математика и философія. Изъ этой послѣдней добросовѣстные исследователи старались перекинуть мостъ въ богословіе, которое вѣдь должно же было оставаться въ самой тѣсной связи съ ихъ религіозными исследованиями. Не всегда удавалось это стремленіе, какъ показалъ ходъ развитія; но тѣмъ болѣе усиливалось и распространялось желаніе устроить это соглашеніе, чѣмъ шире захватывала культура разные круги общества и чѣмъ сильнѣе пробуждала она склонность къ великимъ загадкамъ жизни и вѣры. Вслѣдъ за ревностными, если и тщетными усиліями мыслителей, открывавшихъ дорогу къ цѣли, но не вступавшихъ на нее, долженъ былъ наконецъ явиться умъ великій, объемяющій всю область знанія, способный достигнуть этой цѣли, — умъ, который былъ бы равномѣрно господиномъ въ этихъ обѣихъ сферахъ науки, соединялъ бы въ себѣ спокойствіе и ясность, знергію и глубину, и такимъ образомъ могъ бы примирить еврейство и философію, — умъ, которому его обширныя свѣдѣнія и глубокая критика помогли бы освѣтить область религіи свѣточемъ науки и точно опредѣлить границы спекулятивного мышленія.

И этотъ умъ явился въ тотъ моментъ, когда солнце еврейской культуры достигло своего зенита и по неизмѣннымъ законамъ начало уже склоняться къ закату. То былъ *Моисей б. Маймонъ*, обыкновенно называемый *Маймуни*. иди, по начальнымъ буквамъ его имени — *Рамбамъ*, по арабски *Abu Amgar Musa b. Maimun Obaid Allah (1135—1204)*.

Ни одинъ поэтъ или мыслитель еврейской литературы не имѣлъ такого разносторонняго и проходившаго по столькимъ поколѣніямъ вліянія, какъ икъ пользовался Маймуни, но за то и ни одинъ изъ дѣятелей этой литературы не могъ сравниться съ нимъ по богатству свѣдѣній, ясности мысли и энергіи ея выполнения. Всѣ направленія литературы соединяются въ его имени и въ его творчествѣ, какъ въ ярко блистающемъ фокусѣ. Онъ внесъ порядокъ и систему въ хаотическія массы талмудической литературы, онъ указалъ пути и цѣли религіозно-научнымъ исследованиямъ, онъ, наконецъ, насколько то было возможно, совершилъ нѣкоторое примиреніе между еврействомъ и философіею и установилъ границы обѣихъ настолько точно, что съ этихъ поръ на нѣсколько столѣтій впередъ были

даны основныя условія, по которымъ могли развиваться, не враждуя другъ съ другомъ, философское изслѣдованіе и религиозное вѣрованіе. Немаловажными заслугами Маймуни должны мы признать и тѣ, которыя принадлежатъ ему по распространенію аристотелевскихъ идей, равно какъ и по усовершенствованію медицинской науки. Какъ ни далеко впередъ ушло настоящее время отъ тѣхъ научныхъ воззрѣній, которымъ Маймуни далъ систематическое выраженіе, но оно тѣмъ не менѣе можетъ правильно оцѣнить достоинство его творчества и величіе его ума, ибо Маймуни такъ полно воспринялъ въ себя и отразилъ въ себѣ свое собственное время, что всякому, умѣющему смотрѣть на явленія историческимъ глазомъ, онъ представляется «принявшимъ видимую форму духомъ своеобразно сложившейся эпохи».

Уже въ его юношескихъ сочиненіяхъ, написанныхъ далеко отъ родины, вѣроятно, въ Фецѣ или Фостатѣ *, обнаруживается основной планъ всей его литературной производительности, являющейся потомкамъ въ одномъ совокупномъ видѣ. То было одно сочиненіе астрономическаго содержанія, съ приложеніемъ къ еврейству, именно по вопросу о научномъ основаніи и практическомъ установленіи еврейскаго календаря,—и главнымъ образомъ, комментарий къ отдѣльнымъ частямъ Талмуда, вѣроятно, долженствовавшій соединить практическіе результаты обоихъ Талмудовъ, вавилонскаго и іерусалимскаго. Отъ этого, по арабски написаннаго труда, на который слѣдуетъ смотрѣть нѣкоторымъ образомъ какъ на предварительную работу къ крупнымъ систематическимъ сочиненіямъ Маймуни, сохранился только одинъ трактатъ — «Rosch Haschanah».

Слѣдующее произведеніе его, гдѣ тридцатилѣтній авторъ является уже на достаточной высотѣ своего творчества, есть комментарий къ Мишнаѣ, написанный тоже по арабски. Систематическій приѣмъ мысленія и писанія выступаетъ съ убѣдительною силой уже въ этомъ трудѣ, имѣющемъ цѣлью изложить результаты талмудически-практической жизни и внести порядокъ въ ту область изученія, которая сдѣлалась въ высшей степени запутанною, благодаря способу обсужденія Талмуда. Семь лѣтъ, проведенныхъ Маймуни почти въ постоянныхъ странствіяхъ, даже большею частью въ бѣгствѣ отъ преслѣдованія фанатическихъ альмогадовъ, были посвящены имъ этой работѣ, полное значеніе которой по достоинству оцѣнено современными.

* Неточно, такъ какъ въ Фостатѣ (въ Египтѣ) Маймуни прибылъ, когда ему было уже болѣе 30-ти лѣтъ отъ роду.

мѣнниками и потомками. Правда, степень его научности не позволяетъ еще въ эту пору и ему предпринять то критическое разграниченіе взглядовъ Мишны и толкованій Гемары, которое неоднократно удавалось новымъ исследователямъ; строго держась раввинской точки зрѣнія, онъ объясняетъ Мишну просто и ясно изъ толкованій талмудистовъ, и только рѣдко позволяетъ себѣ отступленіе отъ нихъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не идетъ о имѣющей практическое значеніе разницѣ. Точно также позволяетъ онъ себѣ иногда экскурсы философскаго и догматическаго характера, не нарушая этимъ единства фактически веденнаго комментарія. Если сообразить, что молодой Маймуни не имѣлъ въ этой работѣ никакихъ достойныхъ вниманія предшественниковъ, то это обстоятельство еще усиливаетъ ея достоинство. Обозрѣвая яснымъ взглядомъ всю еврейскую религиозную письменность, Маймуни призвалъ одною изъ важнѣйшихъ современныхъ задачъ—упростить методическою обработкой изученіе религиозно-законодательной части преданія, которая въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, благодаря занятію Талмудомъ, приняла чрезмѣрно большіе размѣры,—для того, чтобы оно не вытѣсняло другихъ наукъ и само не было отодвинуто ими на задній планъ.

Уже тотъ приемъ, который встрѣтило это сочиненіе у современниковъ, можетъ служить мѣриломъ его достоинства. Быстрѣе, чѣмъ всѣ прежнія работы съ такимъ же содержаніемъ, оно распространилось по всѣмъ странамъ, гдѣ евреи были знакомы съ арабскимъ языкомъ, а въ другихъ оно сдѣлалось доступно посредствомъ переводовъ на еврейскій языкъ, исполненныхъ пятью различными учеными, и даже на латинскій и испанскій. Впослѣдствіи этотъ трудъ утратилъ, правда, свое значеніе, вслѣдствіе ли неудовлетворительности перевода, или потому, что его затмило другое, болѣе крупное сочиненіе Маймуни. Только философскіе экскурсы сохранили свою важность, ибо именно они были лучше всего переведены и неоднократно комментированы.

Одно изъ этихъ философскихъ разсужденій комментарія къ Мишнѣ имѣетъ источникомъ и попытку Маймуни — выставить на видъ главные принципы или религіозные догматы еврейской вѣры и подкрѣпить ихъ доказательными цитатами изъ Библии. *Тринадцать* такихъ пунктовъ установилъ Маймуни; они, само собой разумѣется, касаются существа Бога: 1) бытіе, 2) единичность, 3) духовность, 4) вѣчность, 5) принадлежность права на поклоненіе со стороны людей исключительно Богу, которому обязано своимъ существованіемъ все, что есть; затѣмъ—Откровеніе,

.....

.....

24-00

3 2044 019 660 802

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

CANCELLED

OCT 6 1977

JUL 25 1984
58705

~~WIDENED
BOOK DUE~~

~~NOV 1 1984~~

~~JUL 6 1984~~
68035

~~SEP 1 1993~~

~~BOOK DUE~~

